РИЧАРД ТЕЙМС

ЯПОНИЯ

ИСТОРИЯ СТРАНЫ

Япония : история страны

Ричард Теймс

Аннотация
Япония : история страны. Ричард Теймс
ПРЕДИСЛОВИЕ
ВВЕДЕНИЕ. Прошлое в настоящем
ГЛАВА 1. Мифы и загадки. История до 500 года н. э.
Земля богов?
Боги земли
Открывая прошлое
ГЛАВА 2. Китайские тени, 500-800 годы
Буддизм
Реформы Тайка
Нара
Эстетическая революция
Размышления ремесленника
Письменная революция
Синтоизм
ГЛАВА 3. Мир Сияющего принца, 800— 1185 годы
Золотой век?
Столица мира и спокойствия
Фудзивара
Тэндай

Сингон
Чистая Земля
«Записки у изголовья»
«Повесть о Гэндзи»
Появление самураев
ГЛАВА 4. Сегуны и самураи, 1185-1543 годы
Правительство
Камакура
Рыцари и самураи
Нитирэн
Дзэн
Кузнецы, скульпторы и ученые
Сегунат Асикага
Искусство посреди пепла
ГЛАВА 5. Столетие христианства, 1543-1639 годы
Ода Нобунага
Ставший все-таки императором
Чужестранцы
Блеск против спокойствия?
ГЛАВА 6. Закрытая страна, 1639-1853 годы
Создавая метрополию
Социальный порядок
Император и сегун
Рисуя прошлое
Живопись
Ремесленники как люди искусства

Грамота и литература
Театральные подмостки
Ученые и наука
«Темное время» в новом свете?
ГЛАВА 7. Революция и модернизация, 1853-1912 годы
Приход варваров
Первые впечатления
Кризис сегуната
«Богатая страна — сильная армия»
«Цивилизованность и просвещение»
Экономическое развитие
Ятои
Гайдзин
Известные путешественники
На пути к империи
ГЛАВА 8. Через Темную долину, 1912-1945 годы
Конец эпохи
Демократия Тайсе
Империя и экспансионизм
На пути к войне
Противники на Тихом океане
Победы и поражение
ГЛАВА 9. Реформа, восстановление и возрождение у 1945-1973 годы
Поражение

Демократизация
Зрелые размышления
Возможности и амбиции
Создатели чуда?
ГЛАВА 10. Интернационализация и идентичность, 1973-1990-е годы
Неопределенность
Политические игры
Дилеммы оборонной политики
Новые японцы
Технология...
...и традиция
Интернационализация
Взять на себя инициативу?
Шоки и скандалы
Мосты в никуда?
Японский язык и японские имена
Буддизм
Национальные праздники и местные фестивали
Еда и напитки
Хронология основных событий
Императоры и императрицы
Премьер-министры,
Для дальнейшего чтения
Регионы Японии
Путеводитель по историческим местам

Словарь

Аннотация

Книга Ричарда Теймса — это увлекательный рассказ о прошлом и настоящем Японии. Она написана с глубоким знанием и гармонично сочетает доступность изложения с академичным подходом. Кроме того, в ней история страны излагается живым языком, замечательно подробно и при этом остается легко читаемой. Все больше путешественников приезжают в Страну восходящего солнца на отдых, и конечно, нет лучшего начала для знакомства со сложным устройством японского общества и его богатейшей историей, чем грамотно и понятно написанная книга.

Японцы — самая великая естественная команда в мире. Государство, нация и язык сливаются здесь в единое целое до степени, поразительной для современного мира.

В самой Японии проживают 99% всех японцев в мире. Никакая другая нация численностью свыше миллиона человек не отличается подобной однородностью. Книга расскажет многое об этом уникальном и изобретательном народе: о его древних предках,

о правителях, сёгунах и самураях, о жизни современных японцев — их традициях, национальных праздниках, исторических местах, буддизме, роботах, суши, боевых искусствах, чайных церемониях и многом другом.

Япония : история страны
Ричард Теймс

Япония для людей европейской культуры всегда была и остается по сей день страной-тайной, страной-загадкой. Это совершенно иной, совершенно непривычный европейцу мир, экзотический, непонятный и притягательный. Со времен географического открытия Японии европейцами (XVII в.) продолжаются попытки постичь эту страну, передать ее неповторимое очарование и уникальность. И книга Р. Теймса, безусловно, принадлежит к числу тех произведений о Японии, которые делают эту страну ближе и понятнее.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 1902 году Великобритания подписала соглашение об ограниченном альянсе с усиливавшей свое мировое влияние Японией. Надо заметить, это было сделано главным образом для того, чтобы приобрести мощного военного союзника в Восточной Азии, который бы пристально следил за экспансионистскими действиями России и смертельно больным Китаем и, следовательно, помогал бы обеспечивать безопасность самого драгоценного алмаза в короне Британской империи — Индии. Для многих британцев подобный шаг явился признаком слабости, и король Эдуард VIII в частных беседах сетовал на необходимость альянса с «маленькими желтыми людьми» ради защиты Индии. Что касается других европейцев, им японцы представлялись непостижимым, живущим в невероятной дали народом, недавно безжалостно осмеянном в оперетте Гилберта и Салливана «Микадо». Обобщением бытовавшего тогда имиджа Японии могут служить строки стихотворения Р. Киплинга:

О, Запад есть Запад, Восток есть Восток,

и с мест они не сойдут,
Пока не предстанет Небо с Землей на Страшный
господень суд.
Но нет Востока, и Запада нет, что племя,
родина, род,
Если сильный с сильным лицом к лицу
у края земли встает?[1]

Тем не менее через два десятилетия англо-японский альянс развалился, а после 1941 года Япония направила свои войска в сердце восточной части Британской империи и стала угрожать территориальной целостности Индии и Австралии.

К счастью, сегодня японский милитаризм не несет угрозы Западу и его чувству собственного достоинства, хотя Япония и обладает исключительной способностью производить целый ряд высокотехнологичных потребительских товаров выдающегося качества, надежных и по такой стоимости, что они намного превосходят аналогичную продукцию европейцев и американцев. Бисмарк однажды сказал, что двадцать первый век будет принадлежать Канаде, но, по мере того, как подходил к концу век двадцатый, ставки на

---

[1] Примечания: 1
Перевод Е. Полонской.

Японию смотрелись неизмеримо лучше.

Поскольку сегодня невозможно полагать японцев народом, живущем где-то вдали от нас и мало значимым, мы чрезвычайно нуждаемся в том, чтобы понять их. Книга Ричарда Теймса более чем превосходно справляется с этой потребностью. Она написана с глубоким знанием и гармонично сочетает доступность изложения с академичным подходом. Кроме того, в ней история страны излагается живым языком, замечательно подробно и при этом остается легко читаемой. Невзирая на западные карикатуры на японских туристов, неизменно вежливых и не расстающихся с видеокамерами (естественно, сделанными в Японии), японцы вовсе не самые великие путешественники по сравнению с жителями других стран. Однако все больше иностранцев приезжают в Японию на отдых, и я думаю, что нет лучшего начала для знакомства со сложным устройством японского общества и его богатейшей историей, чем грамотно и понятно написанная книга.

Как замечает Ричард Теймс, японцы на удивление однородны:

> Быть японцем означает быть гражданином Японии, рожденным в Японии,

> живущим там и говорящим по-японски. Государство, нация и язык сливаются здесь в целое до степени, поразительной для современного мира. В самой Японии проживают 99% всех японцев в мире... В Японии нет ни одного меньшинства численностью более 1%, которое бы отличалось по религиозному или этническому признакам.

Ранние европейские путешественники в Японию были поражены народом, как казалось, «послушным, цивилизованным, остроумным, учтивым, правдивым, который обладал достоинством, был честен в разговоре и превосходил в этом все нации, открытые когда-либо позднее». Но было и кое-что еще. Случайно приставшие первыми к неизвестному берегу для починки своего корабля португальцы стали стрелять уток, и, хотя японцы никогда до того не видели ружей, всего через шесть месяцев они научились их делать. Так уже четыреста пятьдесят лет назад Япония обозначила свой потенциал как конкурента Европы в борьбе за глобальное технологическое и промышленное превосходство.

Денис Джадд

ВВЕДЕНИЕ. Прошлое в настоящем

«В Японии более, чем в любой западной стране, необходимо прилагать определенные усилия для сбора... предварительной информации... Тот... кто предпринял бы путешествие, не потрудившись ничего узнать о прошлом Японии, столкнулся бы с риском сформировать совершенно нелепое и ошибочное мнение о стране...»

Данный совет, приведенный в опубликованной более ста лет назад книге Мюррея «Справочник для путешествующих по Японии», по-прежнему остается актуальным.

Позднее преподававший в Токийском университете английскую литературу поэт Эдмунд Бланден говорил приезжающим в Японию о том, что она «не разочаровывает странника: возможно, отвечая его ожиданиям несколько сурово, она затем начинает обогащать его собственными истинами».

Японцы

Японцы считают себя во многом именно такими, какими они видятся западному человеку: вежливыми, преданными, работоспособными, конформистами и чрезвычайно изобретательными. Кроме того, они подмечают те национальные характеристики, которые часто упускают из виду иностранцы: высокий уровень образования и повышенную чувствительность в восприятии природы. Японцы отрицают ряд широко распространенных о них представлений, называя себя людьми теплыми, импульсивными и сентиментальными, а жителей Запада — холодными, расчетливыми и непонятными.

Более столетия назад Бэзил Холл Чемберлен, один из первых европейских японистов, находил, что наиболее характерными чертами японского духа являются чистота помыслов, доброта и обостренное эстетическое чувство, а к недостаткам можно отнести игнорирование внутренней ценности истины и неспособность воспринимать абстрактные идеи. Остро сознавая, насколько западные путешественники склонны делать поспешные выводы о Японии и ее народе, он обращался к своим читателям с напоминанием

о том, что культурный контакт — процесс двусторонний, и японцы (хотя они обычно слишком тактичны, чтобы это сказать вслух) имеют собственное мнение на наш счет:

...побывавшие за пределами страны японцы считают нашими самыми общими характеристиками грязь, лень и суеверия... Европа и Америка производят на японца гораздо менее благоприятное впечатление, чем принято думать. Государственный деятель или камердинер, он, скорее всего, вернется на родину более патриотичным по сравнению с тем, каким покинул ее.

Японцы гордятся аккуратностью своего общества и древностью собственной культуры. Превыше всего они гордятся — пусть и застенчиво, но пылко — тем фактом, что они являются японцами, а не кем-то иным. С небольшой долей натяжки можно сказать, что живущие за пределами Японии не будут считаться «подлинными японцами» гражданами страны. Выходцы из Японии, осевшие в Калифорнии, на Гавайях, в Бразилии и Перу, — все они в определенном смысле «ненастоящие» японцы. Для японца быть японцем значит быть гражданином Японии, рожденным в Японии, живущим там и говорящим на японском языке. Государство, нация и

язык сливаются здесь в целое до степени, поразительной для современного мира. В самой Японии проживают 99% всех японцев в мире. Никакая другая нация численностью свыше одного миллиона человек не отличается подобной однородностью. Несмотря на наличие различных диалектов, все японцы могут изъясняться на стандартной версии японского языка, на котором не говорит больше ни одна страна в мире. Хотя японцы сохраняют тесные связи со своими сельскими корнями, среднестатистический японский горожанин обнаруживает тот вид регионализма, который сложно понять каталонцу или ирландцу из Ольстера. В Японии нет ни одного меньшинства численностью более 1%, которое бы отличалось по религиозному или этническому признаку. Здесь насчитывается около одного миллиона христиан, примерно шестьсот тысяч корейцев (но многие из них культурно ассимилировались до такой степени, что даже не говорят по-корейски) и около двадцати тысяч айну (потомков аборигенов, населявших архипелаг). Другие сопоставимые по размеру народы, считают ли они себя фрагментированными или же смешанными, поражают разнообразием рас, религий и наречий.

ОБОСОБЛЕННЫЙ МИР?

Японской идентичности редко угрожают контакты с чужестранцами. Какое бы представление о них не бытовало, японцы вовсе не самая путешествующая в мире нация. Число ежегодно выезжающих за границу японцев впервые превысило десять миллионов человек в 1990 году; но и тогда это составляло всего лишь 8% населения. (В том же самом году за границей побывали 50% британцев.) Удивительная цифра, если учесть данные опроса 1988 года, согласно которому 80% из любящих путешествия японцев признались, что они опасаются проблем и несчастных случаев в поездке.

Зачастую неискушенные в контактах с иностранцами вне своей страны, японцы вряд ли будут беспокоиться по поводу иностранцев в Японии. Во всей Японии меньше приезжих с Запада, чем в одном Лондоне арабов или американцев. Даже в самом космополитичном районе Токио свыше 95% населения составляют японцы. Поэтому не странно, что по-японски слово «иностранец» — гайдзин — буквально переводится как «человек извне».

НИХОНДЗИРОН

Характерные черты японцев дали рождение самостоятельному литературному жанру под названием нихондзирон, рассматривающему своеобычие, условия того, что можно считать «японским». Поток подобного рода книг не иссякает уже более века, и они нередко попадают в списки бестселлеров. Эти книги анализируют своеобразие «японского» со всех возможных сторон — от лингвистики до психиатрии и от работы мозговых полушарий до практик воспитания детей. Барьеры, предположительно возникающие из-за значительных культурных различий между японцами и другими людьми, в самом деле имеют место. Но действительно ли уникальны японцы? Во всяком случае, многим из них нравится так думать.

ШАГАЯ СТРОЕМ

Японцы, должно быть, самая великая естественная команда в мире. Исследования показывают, что 90% японцев относят себя к среднему классу; 87% утверждают, что им нравится «выглядеть как все»; а 84% признаются, что они неспособ-

ны отказывать другим людям в их просьбах. В 99% домов есть цветной телевизор и стиральная машина; в 98% домов есть холодильник и пылесос. Такое же количество домохозяйств до сих пор ежегодно совершает подношения богам. Свыше 90% девочек в старшей школе хотят иметь свинью-копилку, мягкие игрушки, щетку для укладки волос, англо-японский словарь и более 46 музыкальных записей. Девяносто пять процентов вступающих в брак пар по-прежнему участвуют в синтоистской церемонии. У 80% семей есть котаиу (традиционная жаровня), футон (хлопчатобумажный напольный матрас), набор для саке и счеты. (Модернизация не означает копирование Запада!) Если вы хотите отличаться, то присоединяйтесь к тем примерно 2% японцев, которые имеют яхту, автомобиль BMW, домработницу, газонокосилку; играют в шахматы, бридж или бильярд; занимаются бодибилдингом, дзюдо, карате или кен-до; находятся в оппозиции к императору или являются членами коммунистической партии; разведены или имеют интрижку на стороне; имеют от природы очень курчавые волосы или едят круассаны на завтрак.

Как японцы стали такими?

Читайте — и вы все узнаете.

ГЛАВА 1. Мифы и загадки. История до 500 года н. э.

Земля богов?

Современная Япония не выглядит подходящим местом для одной из самых развитых в мире промышленных культур — четыре пятых территории занимают горы, земля бедна минералами и источниками энергии, острова периодически страдают от тайфунов, землетрясений и вулканических извержений, им не хватает крупных водных путей наподобие Рейна или Дуная. Но на протяжении длительной истории и требований предшествовавших модернизации технологий природа не была столь уж неблагосклонна к предкам японцев. Если иногда она и бывала жестока, в то же время оказывалась щедрой. Климат, влажный на юге и прохладный в крайних северных районах, не подвержен тем крайностям, из-за которых другие народы вынуждены вести битву за собственное выживание. Осадков выпадает достаточно, флора разнообразна, леса изобильны, а окружающее море богато рыбой — важным источником диетического протеина.

Уильям Джордж Астон, один из первых исследователей японской истории, писал, что ранние формы религии японцев основывались

на почитании природы, внушавшей им, скорее, чувства благодарности и восхищения, чем чувство страха. Как ни удивительно, здесь не отмечен распространенный миф об ужасающем боге, насылающем землетрясения, и даже бог бури вовсе не считался злым. Японцы видели божественное во всем вокруг себя — в повергающих в трепет солнце и луне, в плодоносящих кустах и даже в вещах, которые просто прекрасны, как цветы и камни. Если, как по всей вероятности и было, их предки пришли с холодной сибирской равнины или с засушливых гор северного Китая и Кореи, Япония могла действительно показаться им неким подобием плодородного рая. И, конечно, то, как они называли свою новую родину, подтверждает это: «Земля изобильных тростниковых равнин» либо «Земля спелых рисовых колосьев тысячи осеней» — таковы древние названия Японии.

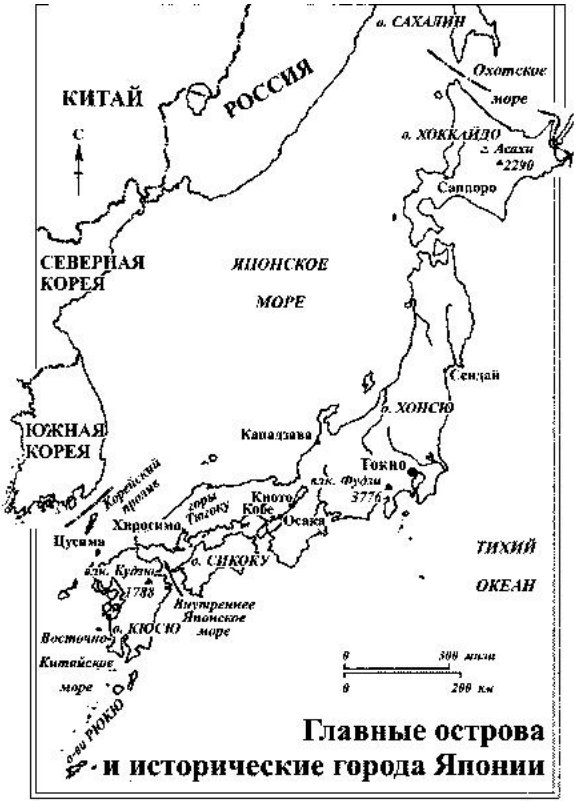
На протяжении большей части письменной истории Япония была велика для собственного народа. Маленькая по сравнению с Китаем или США (Япония примерно равна по площади штату Калифорния), она тем не менее больше Италии, Польши, Германии или Великобритании. В течение первой тысячи лет существования японского

государства оно оставалось «приграничным обществом», расширявшим свои границы к северу через завоевания и заселение земель.

ОБОСОБЛЕННЫЙ МИР?

Кроме того, Япония находилась в «счастливой изоляции», которая обеспечивала свободу от постоянных вторжений, столь драматично менявших историю ее азиатских соседей. Усвоение иностранного опыта было составным элементом эволюции национальной культуры, но этот процесс обычно бывал добровольным, избирательным и постепенным, а также осознанным. Иностранные гости и боги с момента становления государственности примерно в IV веке н. э. никогда не проскальзывали через границы Японии незамеченными, немногие прибывавшие оказывались здесь благодаря кораблям и всегда были на виду. Привычная для японцев манера различать «иностранный» и «национальный» аспекты культуры (даже если последняя теперь включает в себя игру в бейсбол и карри с рисом) имеет чрезвычайно древние корни. Парадоксально, но желание узнать, как много было заимствовано, привело многих к отрицанию того, что японцы являются нацией подражателей, неспособной

к созданию собственной оригинальной культуры. Для отказа от подобной мысли оказалось достаточно осознать уникальность синтоизма, особенности японского языка, индивидуальность японской эстетики и неподдающихся однозначному переводу японских слов для обозначения специфических способов восприятия и чувствования.



Главные острова и исторические города Японии

К счастью или к несчастью, особенности природы оказали значительное влияние на культурные модели, развившиеся внутри четко различимых

границ Японии. Заметные изменения при смене сезонов оказывали глубокое и устойчивое воздействие на целые поколения поэтов и художников. Не менее важным стал и образ замысловатого, словно рифленого пейзажа. По мнению профессора Сакамото Таро, ведущего эксперта по вопросам древней истории, «гористость и ограниченная топография» во многом ответственны за «недостаточность могущественных перспектив в духовной жизни народа, его крайнюю обособленность, установку на отделение и склонность создавать мелкие, региональные правительства». В дальнейшем в истории Японии это нашло выражение в культе коми (духов-хранителей местности), в сентиментальной привязанности к фурусато (родной деревне, малой родине) и преданности феодальному клану либо, в наши дни, своей компании.

Боги земли

Японцы очень интересуются собой, соответственно, им интересно то, какими они были и откуда пришли. Понятия происхождения и идентичности здесь тесно переплетаются. Обратимся, например, к полуофициальной публикации 1971 года уже упоминавшегося профессора Сакамото, предназначенной для иностранных преподавателей и студентов:

> Кем же тогда были те люди, которые заселили Японский архипелаг и несут ответственность за развитие истории Японии? Очевидно одно — они были отдельным народом, сходным по физическим признакам с соседними корейцами, маньчжурами и монголами, но не полностью им идентичным. Кроме того, несомненно, что этот народ обнаруживается впервые в каменном веке и существует до настоящего времени без помех в виде миграции или завоевания... Основу японского народа составляет группа примитивного урало-алтайского

> лингвистического семейства, которое пришло из северной Азии через Карафуто и Хоккайдо... Основная часть этой группы частично смешалась с айнами, пришедшими с севера; с корейцами... а также — в южной части Кюсю — с индонезийцами. Подобное смешение рас продолжилось и в исторические времена, но не дошло до стадии, способной произвести общее изменение природы главной, базовой народности... Не отвергая других, она, по-видимому, впитывала их без каких-либо жертв по отношению к собственной целостности либо специфическим характеристикам.

За академическим слогом и тщательно выбираемыми выражениями скрывается постулат об особом роде национальной идентичности, хотя словосочетание «чистота расы» здесь ни разу не используется. Напротив, «Энциклопедия Британника» с бесцеремонным скептицизмом замечает:

> Современные японцы происходят от смешения различных племен азиатского континента и южной части Тихого оке-

ана... В настоящее время нельзя считать доказанными их связи с народностями эпохи до открытия керамики, но можно утверждать, что таковые совершенно отсутствовали.

Сэр Джордж Сэнсом более шестидесяти лет назад, когда археологические доказательства в споре по поводу этнического происхождения были довольно слабыми, суммировал приведенную выше позицию в следующих элегантных выражениях:

> Археологические свидетельства доказывают только то, что в Японии до христианской эпохи существовала относительно однородная цивилизация. Сплав этносов, породивших японскую расу, уходит корнями в отдаленную древность, о которой мы ничего не знаем, и самое большее, что мы можем с уверенностью сказать, заключается в том, что с конца каменного века и далее японцы как нация представляют собой смешение множества этнических составляющих.

Сэнсом также провел интригующее сравнение

между заселением Британских островов и Японского архипелага:

> Перед каждым находился великий и населенный различными народами континент, перед каждым простирались огромные просторы океана. В обоих случаях иммигрантов пригнали голод или страх либо, возможно, простое желание перемен; и тут — поскольку дальше идти было некуда — они должны были выжить либо погибнуть.

Открывая прошлое

Находки японской археологии, как считается ныне, намного старше, чем было принято думать во времена Сэн-сома; однако современной археологии едва исполнилось сто лет. Ее отцом-основателем был американец Эдвард С. Морзе, первый профессор зоологии Токийского университета (1838-1925), нашедший вблизи Токио в Омо-ри т. н. «раковинные кучи» и тем самым проливший свет на повседневную жизнь (а конкретнее, на питание) японцев эпохи каменного века. Хотя японские исследователи рьяно стремились продолжать археологические изыскания Морзе, когда дело дошло до публикаций, они столкнулись со все возраставшим давлением со стороны политиков правой ориентации. Открытия, невольно противоречившие официально одобренной версии происхождения японской нации (чья генеалогия велась от тогдашнего императора в прошлое, к 660 году до н. э., к трону Дзимму — потомку богини Солнца), могли стоить ученым не только работы, но и свободы. Прошлое следовало почитать, а не изучать.

Послевоенная демократизация дала импульс

интеллектуальным поискам, а строительный бум послевоенной эпохи привел к обнаружениям ценностей, которые надо было описывать и анализировать. (Тем не менее считающиеся королевскими гробницы по-прежнему находятся под бдительным контролем Управления по делам императорского двора, доступ к ним жестко ограничивается, и многие гробницы по-прежнему остаются нетронутыми.) В настоящее время археологические раскопки ведутся более чем в 15 000 мест, и, по крайней мере, две тысячи из них датируются палеолитом. Сегодня представляется весьма вероятным, что люди населяли Японию не три тысячи лет, как полагали в начале XX века, а порядка тридцати тысяч, если не всех пятидесяти тысяч лет назад.

ЛЮДИ ДО ГОНЧАРНОЙ ЭПОХИ

Самые первые обитатели Японии были охотниками и собирателями, которые использовали каменные инструменты и орудия, но были незнакомы с глиняной посудой и ткачеством. Они пришли сюда по природным земляным мостам-перемычкам, связывавшим примерно двадцать тысяч лет назад Японский архипелаг с азиатским материком; тогда Хоккайдо соединялся с

Сибирью, а западная часть Хонсю — с Кореей. То, что сегодня представляет собой Японское море, отделяющее Японию от Кореи, в те времена было огромным озером.

КУЛЬТУРА ДЗЕМОН

Глобальное потепление примерно за десять тысяч лет до нашей эры, по-видимому, оказало благоприятное воздействие на разнообразие растительной и животной жизни и, таким образом, увеличило численность выживавших. Обитатели Японии освоили технику обжига глины и из-готовлений горшков. Культура этого периода известна как культура дземон («эпоха веревочного узора»), по аналогии с причудливым декоративным стилем ее керамики. Горшки использовались для приготовления пищи, для хранения еды и воды, а также для погребальных церемоний. С течением времени декоративные мотивы становились все более и более богатыми, трансформировавшись из несложных узоров «елочкой» в змееголовые орнаменты. Горшки дземон — самые древние глиняные изделия в мире из тех, которые удалось датировать и которые за счет разнообразия своего дизайна остаются непревзойденными образцами такого рода из-

делий среди любых других культур каменного века.

Люди той эпохи плели корзины и носили наряды из коры тутового дерева. Они охотились на медведей, вепрей и оленей; ловили рыбу и собирали моллюсков; ели ямс, дикий виноград, грецкие орехи, каштаны и желуди. От случая к случаю велся торговый обмен между горным и прибрежным регионами, обсидиан меняли на соль. Нередко находят стилизованные глиняные фигурки, известные как *догу*, — их могли использовать в ритуалах, связанных с лечением или родами. Кроме того, люди носили украшения из костей или раковин и подпиливали либо удаляли себе некоторые зубы. В тот же период, вероятно, стал развиваться японский язык, дальний родственник корейского и еще более далекий — монгольского и турецкого языков.

Предки японцев делили свою землю с айнами, выходцами предположительно из северной Азии и Кавказа, отличавшимися от японцев внешне, языком и культурой. В конечном счете айны были вытеснены на неприветливый север. Японцы называли айнов «эзо» или «эмиши» и считали их варварами. В итоге айны осели на острове Хоккайдо, и в наши дни их численность едва ли

достигает двадцати тысяч человек. Антропологи и туристы различными способами помогают сохранять остатки своеобразной культуры айнов.

КУЛЬТУРА ЯЕЙ

Новая фаза началась около 300 года до н. э. и продлилась в течение следующих пяти столетий; за это время жизнь японцев претерпела значительные изменения вместе с развитием культивирования риса и появлением революционных ткацких технологий и техник работы с металлом. Большинство обществ прошло через период, когда главным металлом была бронза, а затем бронзу сменило железо. В Японию же бронза и металл пришли одновременно, из Китая. Тем не менее, хотя военное дело и сельское хозяйство добились огромного прогресса с освоением металлов, эту эпоху тоже называют по типу глиняных горшков, раскопанных в 1884 году в токийском районе Яей. Однако культура дземон не исчезла внезапно, и на протяжении некоторого периода времени обе культуры сосуществовали, а уже впоследствии доминирующей стала яей.

Объект интенсивных археологических раскопок, частично воссозданный, периода яей можно воочию увидеть в Торо, префектуре Сизуока: здесь

и деревенские дома с соломенными крышами, и стоящие на столбах для защиты от крыс амбары, а также сложные системы ирригации и канализации. Количество находимых колышков для возделывания рисовых полей и обработанных досок для строительства амбаров свидетельствует о достаточной распространенности инструментов из железа, хотя продолжали по-прежнему использовать и заточенные каменные ножи. Основные предметы периода лей — мотыги, ступки и *гета* (деревянные сабо) — относятся к предшественникам традиционных предметов японского домохозяйства.

Захоронения той эпохи содержат бусы, статуэтки и бронзовые зеркала и указания на социальные различия. Вероятно, эти различия отмечались также татуировками на лице или раскрашиванием тела. Могильные курганы, располагавшиеся в отдалении от общих мест погребения, укрывали тела местных царьков либо вождей. С некоторыми предметами из металла вроде оружия, колокольчиков и зеркал обращались так бережно, что они, вероятнее всего, были ритуальными или символизировали статус, а не предназначались для повседневного использования. Сакральный характер подтверждается тем

фактом, что их чаще находят в могилах и на вершинах холмов, чем среди остатков регулярных поселений.

Религиозные верования данного периода представляли собой одну из форм шаманизма и связывались с плодородием, ритуальной чистотой и страхом смерти.

ПЕРИОД КОФУН

Поздняя стадия японской предыстории начинается в IV веке н. э. и известна как период *кофун* («старая гробница») — по погребальным курганам того времени, имевшим круглую или квадратную формы либо форму замочной скважины (квадратную спереди и круглую сзади), что уникально для культур, возводивших сооружения аналогичного назначения. Обнаружено более десяти тысяч кофун, самые ранние и многочисленные из них находятся в районе Ямато (на юге Киото). От Ямато королевский двор Японии берет свое название, к ранним правителям возводится его родословная. Самый большой *кофун*, связанный с легендарным императором Нинтоку, расположен на равнине Осака: его площадь составляет восемьдесят акров, а длина — почти пятьсот метров, и он окружен тремя рвами. С

точки зрения потраченных усилий сооружение мавзолея Нинтоку сопоставимо с египетскими пирамидами, и он может быть признан одним из величайших монументов в мире.

Стороны многих *кофун* обильно украшались глиняными *ханива* («глиняные колечки») с изображениями священнослужителей, танцоров, плакальщиц, животных, кораблей, домов и других объектов, но чаще всего в форме простых цилиндров. По-видимому, они имели прикладную (защита от колебаний земли) и декоративную функции и служили наглядной иллюстрацией жизни военизированного и аристократического общества, возглавляемого конными воинами, носившими плотно подогнанную простеганную одежду или же доспехи из накладывавшихся друг на друга пластин. *Ханива* изготовлялись ремесленниками.

Курган императора Нинтоку в Осаке. Насыпан в V в.,длина 475 м

К V-VI веку в Ямато утвердилась власть королевской линии, возводившей свое происхождение к богине Солнца. Распространение изготовленных в Ямато ритуальных товаров (бронзовые зеркала, железные мечи и др.) далеко за пределы региона говорит о признании системы сюзерен — вассалы меньшими по размеру кланами *(удзи)* и их вождями, которые получили титулы «наместник провинции» или «глава семейств». Этим титулам придавалась огромная важность, поскольку они были одновременно и чином, и передаваемым

по наследству статусом, поэтому более поздние источники приписывают правителям Ямато обнародование указов против ложных притязаний на титулы и фальсификации титулов. Так, с момента возникновения японской государственности, внимание к титулам становится характерной культурной особенностью.

В более поздних *кофун* найдены такие сокровища, как короны и обувь из золота и серебра, что указывает на возраставшую концентрацию власти и богатства, а также на рост контактов с намного более развитыми цивилизациями Китая и Кореи. В захоронениях того периода обнаруживают ювелирные украшения *магатама*, идентичные тем, что носили в корейском царстве Сила. Некоторые *магатама* делались из жадеита, который встречается не в Японии, а в Центральной Азии. Практически все большие *кофун*, содержавшие зеркала, мечи и ювелирные украшения, принадлежали людям высокого социального положения. При коронации императора Японии он и по сию пору — подобно своим предкам — получает «Три священных сокровища», символизирующих его высочайшую позицию: зеркало, меч и ожерелье из драгоценных камней.

ЯМАТО И ЯМАТАИ

В периоды яей и кофун японцы контактировали с народами Китая и Кореи. Профессор Эгами Намио предположил, что изображения всадников *ханива* и возраставшее число связанных с лошадьми и захоронениями изделий (например, седел и стремян) могут быть косвенными следами драматического вторжения в IV веке завоевателей из Центральной Азии, которые внезапными набегами из степей потрясали в то время Китай и Корею. Несомненно, что технологические достижения той эпохи развивались под руководством учителей с материка или же благодаря знакомству с умениями последних. Так или нет, но теория вторжения не находит документальных подтверждений. В то же время есть свидетельства в пользу того, что японские правители придерживались довольно агрессивной политики, вмешиваясь во внутренние дела Корейского полуострова и управляя, как бы сказали сегодня, небольшой колонией на его южной оконечности. Корейские историки, что вполне понятно, склонны преуменьшать власть Японии и, наоборот, подчеркивают влияние, оказанное на нее Кореей и Китаем. Первыми писцами и

хронистами Японии — до появления японской письменности — были иммигранты: этот факт оставляет мало места для сомнений по поводу относительной утонченности Японии по сравнению с ее материковыми соседями.

Фигурка -ханива, VI- VII вв.

Хотя степень и природа контактов между Японией и остальной Азией остаются предметом

исследований, совершенно точно, что первые письменные упоминания о Японии сделаны на китайском языке. Датируемая III веком «Хроника Вэй» упоминает неких «яматаи» среди «восточных варваров». Сама Япония зовется «Землями Ва» (последнее слово обозначает «карликов») и разделена на множество мелких государств. Самым могущественным правителем была незамужняя шаманка Хими-ко («Дочь Солнца»), похороненная впоследствии вместе с сотней рабов. Яматаи обладали очень узнаваемыми в японцах характеристиками: сочетанием стоицизма и чувствительности, склонностью к пьянству и сильной потребностью соответствовать правилам приличия и морали. Законопослушные, с верными и никогда не жалующимися женами, они уже приобрели благоговейный ужас перед путешествием за границу. Соответствуют ли яматаи «ямато»? Возможно. Но также они могли быть жителями северного Кюсю. Дебаты по этому поводу начались среди японских ученых в XI веке и до сих пор не окончены.

ТАК ДАЛЕКО — НЕ ТАК УЖ ДАЛЕКО

Едва ли можно суммировать развитие Японии на фоне Китая лучше, чем это сделал сэр Хью

Кортаззи, бывший британский посол в Японии:

...Япония была примитивным сельскохозяйственным обществом с — в лучшем случае — зачаточной системой государственного управления. Ее религиозные практики едва ли выходили за рамки анимистического культа плодородия и не содержали конкретной философской или этической системы. Ее традиции не простирались многим далее, чем поклонение кровавым и жестоким мифам. Она не имела письменности и литературы, хотя до нас дошли немногочисленные песенки, передававшиеся из уст в уста... Искусство было ограничено изготовлением необожженных горшков, лепкой глиняных фигурок и чуть более сложных изделий из металла... До того, как Япония столкнулась с влиянием Китая... она не имела реальных признаков собственной цивилизации.

Вероятно, следует слегка подкорректировать приведенные выше слова: японская культура все же имелась, не было пока японской цивилизации.

Но более важно иметь в виду, что — несмотря на огромное расхождение между двумя странами с точки зрения их размеров и уровня культурного развития — Япония продолжала впитывать в

себя достижения Китая, чтобы не быть поглощенной им.

ГЛАВА 2. *Китайские тени, 500-800 годы*

Буддизм

Традиция утверждает, что в 552 (либо в 538) году корейское государство Пэкче представило двору Ямато изображения Будды и коллекцию манускриптов, разъяснявших его учение. Вскоре после этого появились знатоки, сведущие в китайских классиках, медицине, музыке, календарных исчислениях и предсказаниях. Невзирая на сопротивление некоторых консервативных сил, новая религия обрела патронаж в лице амбициозной семьи Cora, которая получила влияние благодаря управлению королевской недвижимостью. Консерваторов возглавляли клан Накатоми (потомственные жрецы) и клан Мононобэ (дворцовая стража, ведавшая вопросами обороны и безопасности). В 587 году семья Cora, после короткой, но кровавой борьбы за императорское наследство стала самой могущественной фракцией при дворе. К концу века буддизм окончательно сделался главным культом правящей элиты.

Как сардонически замечает Сэнсом:

> Есть некая ирония в том факте, что это евангелие доброты было вручено

японцам, подвергаемым сильнейшему давлению монархом, умолявшим дать ему войска, и что его принятие стало в большей степени шагом, направленным на возбуждение ревнивой зависти у политических конкурентов.

Подобно тому как в то же самое время христианство помогало проникновению средиземноморской культуры в северную Европу, буддизм содействовал знакомству с высокоразвитой культурой Китая. Лидеры японского общества инициировали новую фазу отношений с материком, и это было преднамеренное, организованное и последовательное стремление перенять интеллектуальные достижения китайцев. И время оказалось чрезвычайно благоприятным. В 589 году, после более чем трехсот лет разобщенности, Китай объединил правитель Суй, а в 618 году утвердилась власть одной из самых выдающихся и продолжительных династий, династии Тан. Японии повезло и в том, что ее учителем стала наиболее сильная и развитая страна в мире.

СЕТОКУ

Гегемония Cora подтвердилась с восшествием

на трон в 593 году императрицы рода Cora, Суйко, и со сосредоточением реальной власти в руках ее племянника-регента принца Сетоку (574-622). Взяв за образец Китай, Сетоку и его покровители из Cora затеяли революционные преобразования институтов собственной страны. В 603 году Сетоку начал вводить китайские методы бюрократического управления, классификацию чинов и продвижение (если не первичный отбор) в карьере на основе заслуг. К середине VIII века все должности находились внутри четко определенной иерархии из двадцати восьми чинов, варьировавшейся от «старшего первого ранга» до «младшего восьмого ранга низшей степени». Эти титулы продолжали использовать вплоть до модернизации государства в западном духе свыше тысячи лет спустя.

Принц Сетоку, поклонник китайской культуры

«Конституция Семнадцати статей» принца Сетоку была выпущена в 604 году и установила базовые параметры нового политического ландшафта. С современных позиций это была, скорее, не конституция, а свод неких моральных максим, однако она сохранила свое оригинальное название, буквально означающее «роскошный указ».

Ранее первый среди равных, император отныне становился безусловным главой и именовался «Тэнно» — «Небесный Государь». Все граждане, включая клановых вождей, являлись его подданными и должны были повиноваться ему. Государственные органы власти, до того разрозненные, были централизованы. В религиозной сфере следовало придерживаться буддизма, а основы морали составило учение китайского мудреца Конфуция (ок. 551-478 до н. э.). Преданность, усердие и самодисциплина объявлялись высшими человеческими достоинствами, поскольку они способствовали гармонии — наивысшей социальной добродетели. В том же самом 604 году был перенят китайский календарь.

В 607 году Сетоку отправил в Китай большую дипломатическую миссию, еще одна была послана в 608 году, третья — в 614 году. Официальное письмо китайскому императору, переданное с миссией 607 года, впервые в истории называло Японию «Землей восходящего солнца»; обращение с китайскому правителю как к властителю «Земли заходящего солнца» подразумевало равный статус двух государств, а не подчиненное положение Японии. На протяжении следующих примерно двухсот двадцати лет в Китай отправ-

лялись все новые и новые миссии, несмотря на то, что это было крайне затратно; вдобавок морской вояж протяженностью пять сотен миль через неспокойные воды с нередко враждебным корейским окружением сулил немалые опасности. Номинальное лидерство в этих экспедициях не имело значения, важнее оказалась роль монахов, ученых, художников и музыкантов, составлявших свиту лидера, а также эмигрантов (от любовниц до ремесленников), приезжавших с возвращавшимися домой японцами.

Сетоку, по-видимому, был не только набожным, но и ученым человеком: он составлял собственные комментарии к буддийским сутрам и оказывал содействие основанию монастырей. Ко времени его смерти в Японии насчитывалось сорок шесть буддийских храмов и 1345 монахов и монахинь. К концу века число буддийских храмов увеличилось более чем в десять раз. В начале VIII века сложился культ Сетоку, и некоторые его последователи считали принца реинкарнацией самого Будды. Сетоку называют «Сетоку Тайши» («Коронованный принц»); он остается одним из самых почитаемых культурных героев Японии, и его до сих пор можно лицезреть на купюрах в десять тысяч йен. В долине реки Асука, где нахо-

дился его двор, есть остатки свыше пятидесяти храмов, дворцов и погребальных курганов.

Реформы Тайка

После смерти Сетоку (он был убит собственным сыном в 643 году), владычество Cora выродилось в деспотию, и в 645 году Cora свергли в ходе государственного переворота. Следующая эра получила название «Тайка» — «Великие Перемены». Возглавляемое удачливыми заговорщиками, императором Тэндзи и его приспешником Накато-ми-но Каматари (614-669), правительство начало вторую волну реформ в китайском духе при активной поддержке приверженцев Китая, оставшихся со времен предыдущих посольств. Между 653 и 669 годами в Китай было отправлено пять миссий. Энтузиазм в отношении реформ как средства укрепления государственности подпитывался катастрофическим разгромом японской армады в 663 году совместными стараниями китайско-корейских сил. Это поражение положило конец притязаниям Японии на влияние на Корейском полуострове. Главные направления программы Тайка включали в себя:

— основание столицы с постройками в китайском стиле;

— создание централизованной системы госу-

дарственных министерств;

— попытки свести управление провинциями к унифицированной модели;

— строительство дорог и мест для передержки лошадей в целях улучшения коммуникаций;

— введение системы централизованного сбора налогов;

— проведение переписи;

— составление систематизированного кодекса законов.

На практике реформаторы должны были находить компромисс между потребностями и ограниченностью собственных ресурсов. В то же время ресурсную базу удалось расширить за счет вхождения в состав государства южного Кюсю и постепенного завоевания северного Хонсю и изгнания населявших его айну. Усвоение японцами китайской практики никоим образом не было рабским копированием, и как бы сильно Япония не нуждалась в них, она или видоизменяла эти практики, или попросту игнорировала. Например, так и не была введена китайская процедура назначения на высшие бюрократические должности через сложные экзамены: принцип наследования слишком сильно укоренился, чтобы его можно было отменить. Поэтому многие

«назначения» были всего лишь признанием успеха того или иного семейства. Хотя придворный церемониал и развлечения вроде музыки (*гагаку*) и танцев также заимствовались у Китая, существовавшие до того и ассоциировавшиеся с синтоизмом императорские ритуалы послушно соблюдались. Это подчеркивает длительное и глубокое различие японского и китайского принципов управления. Китайская политическая философия допускала возможность неверных действий императора, что вело к лишению «небес-ного мандата». Японская традиция не признавала передачи полномочий. Власть покоилась не на доблести военных или на политической сноровке, императоры Ямато правили просто потому, что имели божественное происхождение. Соответственно, их право на власть было вечным. Императоры могли быть энергичными и самостоятельными людьми или же детьми, которыми манипулировало окружение, но их легитимность никогда не оспаривалась. Ритуальные обязанности, возложенные на них, были, в сущности, несложными. Так, до наших дней император продолжает сеять рис весной и убирать осенью на специально выделенной под эти цели площадке на территории Императорского

дворца.

Новая система управления в конечном счете в 702 году нашла свое воплощение в *Тайхо* (Великое Сокровище), уголовном и административном кодексе. Заложенные в этом кодексе принципы стали первым официальным сводом законов и оставались основой законодательной системы вплоть до XIX века, хотя в 718 и в 757 году некоторые статьи пересматривались.

Провинциями управляли назначаемые из центра наместники. Все рисовые плантации в теории являлись собственностью государства и распределялись в соответствии с числом обрабатывающих их крестьян в обмен на уплату налогов, которые шли на производство, одежду и оплату труда, в том числе военной службы. В отсутствие грозных врагов за пределами страны, однако, двор не желал содержать постоянную армию размерами больше дворцовой стражи. Монеты чеканились, но экономика — развитая гораздо слабее, чем в Китае — функционировала преимущественно на основе бартера. Гнет землевладельцев и налоговой системы вынуждал многих крестьян покидать свои земли. Вскоре правительство отказалось от фундаментального принципа кодекса Тайхо, государственной соб-

ственности на землю, и признало право частной собственности на те земли, которые начинали обрабатываться впервые. Было обработано много новых территорий, но — поскольку только аристократы и богатые монастыри могли позволить себе столь крупномасштабные затраты — в долгосрочной перспективе эта мера привела к возвращению того самого зла, от которого намеревались избавиться реформаторы Тайка: существованию автономных, не платящих налоги вотчин (*шоен*), потенциальных носителей могущественной власти.

Нара

В 710 году постоянной столицей стал город Хейдзе, позднее известный как Нара. До этого принято было покидать дворец после кончины императора, по-видимому, из-за желания избежать «нечистоты», ассоциируемой со смертью. С быстрым ростом числа государственных зданий вокруг дворца верховного правителя подобная практика стала слишком дорогой и непродуктивной. Сто лет спустя после своего основания Нара являла собой высшую точку влияния китайской культуры. Застройка по типу сетки — как в Наре — копировала столицу китайской династии Тан, Чаньань, хотя Нара была намного меньше: 3 на 2,75 мили по сравнению с размерами китайского города 6 на 5 миль. К середине VIII века население Нары составляло двести тысяч человек. О мирной ситуации в стране многое говорит тот факт, что ее столица никогда не имела ни оборонительных стен, ни защитного рва.

После переноса столицы в Киото поселение захирело. Современная Нара — второй по величине город Японии, куда ежегодно приезжают свыше миллиона туристов. Наиболее захватывающим

зрелищем здесь считается праздник ритуального сожжения травы (*яма-яки*), который проводится 15 января на холме Вакакусаяма («Гора молодой поросли»): для «очищения» буддийских храмов города зажигают гигантский огонь.

Эстетическая революция

Японцы с большей готовностью откликались на безмятежные буддийские изображения, чем на сложные для восприятия тексты. Они не только быстро научились самостоятельно делать изысканные скульптуры, но также строили элегантные дома в китайском стиле. Одним из самых выдающихся примеров архитектуры периода Тан являются монастырский комплекс Хорюдзи в западной части равнины Нара, основанный Сетоку между 601 и 607 годами, и пагода его западного храма — древнейшее деревянное здание, сохранившееся до наших дней. В Золотом зале монастыря находятся изображения, датируемые VI веком, а ранее там были (до уничтожения в результате пожара 1949 года) фрески в стиле индийских храмовых рисунков. Расположенный в Наре Тойдадзи (Великий Восточный храм) пользовался особым покровительством императорской семьи, поскольку считался ее духовным хранителем, как и хранителем всей нации в целом. Его оригинальные строения защищали пятиуровневые каменные блоки, но в 1180 году их сровнял с землей Минамото-но Йоримото, а

в 1567 году они были разрушены окончательно. Великий зал Хорюдзи, содержащий главное изображение Будды, остается самым древним деревянным зданием в мире. Около 770 года императорский двор приказал изготовить миллион буддийских амулетов, и те из них, которые сохранились до наших дней, считаются наиболее ранними образцами местного изобразительного искусства.

ИМПЕРАТОР СЕМУ

Наиболее рьяным сторонником буддизма был император Сему (годы правления 724-749), который приказал построить в каждой провинции, находившейся под его властью, по мужскому и женскому монастырю и в 749 году отказался от трона, чтобы стать монахом. В 752 году он вернулся, чтобы в присутствии 10 000 буддийских монахов и заморских сановников освятить в храме Тойдадзи бронзового Будду Вайрочану (Дайбуцу). Этот колосс возвышается на 53 фута, и, как говорят, чтобы его изготовить, потребовалось 500 тонн меди (основного материала) и все имевшиеся в стране цветные металлы; подвергнутая значительной реставрации, статуя продолжает поражать своими размерами и остается если

и не величайшим произведением искусства, то, по крайней мере, самой большой бронзовой скульптурой в мире. В настоящее время комплекс Тойдадзи также служит местом хранения 140 национальных сокровищ.

До нас также дошло принадлежавшее лично императору Сему огромное деревянное хранилище ценностей, т. н. Сесоин — это одна из старейших в мире «капсул времени». Сесоин хранит порядка 9000 разных предметов, в том числе предметы роскоши, привезенные из Персии по Великому шелковому пути через Центральную Азию. Многие из этих сокровищ использовались в церемониях, сопровождавших освящение Дайбуцу. Их ежегодно можно увидеть в октябре в Национальном музее Нара.

Наивысшего влияния буддизм достиг в правление преемницы Сему, императрицы Кокэн (749-758 и 764-770), которая имела любовную связь с монахом Доке (умер в 772 году). Его притязания на трон спровоцировали изгнание императрицы и недопущение женского правления примерно в течение тысячи лет — до времени, пока занимавшие трон люди не были сведены к номинальным фигурам.

В период Нара буддизм преимущественно

ограничивался пределами столицы и правящего класса. Его распространение среди провинций и народа произошло позже, как следствие японизации учения под влиянием вдохновенных учителей. Одним из первых учителей был Гиоки (668-749), бродячий проповедник, который собирал средства на строительство Тойдадзи и поощрял благотворительные работы, связанные со строительством водных сооружений, мостов, дорог и деревенских лечебниц. Простые люди смотрели на него как на святого; кроме того, его считают первым гражданским инженером Японии. К признакам распространения буддийского влияния на государство и общество относятся замена смертной казни на изгнание, практика кремирования умерших и усиливавшееся предубеждение против употребления в пищу мяса. В начале буддизм воспринимался во многом как форма могущественной магии, способ договориться с духами, прогнать неудачу или гарантировать мирские блага. Лишь постепенно пришло понимание его глубоких духовных основ.

Размышления ремесленника

Плотник-умелец Нисиока Дзюнекацу двадцать лет работал над реставрацией Хорюдзи и в результате этого опыта стал еще сильнее уважать построивших его людей и по-новому осознал мерки своего времени. Нисиока убежден, что «...древние не слепо имитировали иноземные стили... Они создавали новые техники, основываясь на глубоком понимании как чужеземных техник, так и местной географии и климата». Здания оснащались выступающими карнизами — с учетом более дождливой японской погоды. Вместо того чтобы помещать главные колонны на каменные основания, их вкапывали глубоко в землю для защиты от тайфунов и землетрясений. Кроме того, Нисиока пришел к выводу, что мастера VII века имели детальное представление о материалах: «Я понял, что Хорюдзи велик не потому, что стар, но потому что сочетает в себе человеческую мудрость с жизнью дерева». «Обратная инженерия», проводимая Нисиокой при демонтаже, обнаружила рациональное научное обоснование народной мудрости мастеров, которые считали, что древесину с растущих на

южных склонах деревьев надо использовать для южной стороны строений, а ту, что взята с северных склонов, — для северной стороны. «Другими словами, покупайте не дерево, а гору».

Реставратор открыл, что этот принцип неукоснительно соблюдался в Хорюдзи. Деревья с южных, солнечных склонов отличаются большим числом веток и, следовательно, сучков, которые делают их крепче. В Хорюдзи вся древесина южной части главного зала Будды как раз в таких сучках, тогда как северная сторона не имеет сучков вовсе. Подобная дихотомия применялась и к деревьям из долины и с гор: деревья в долине растут прямыми, но слабыми, «как люди, растущие в благоприятной среде, окруженные семьей и слугами... Деревья, как и люди, зачастую становятся сильными только тогда, когда в своем взрослении сталкиваются с трудностями». Более слабая древесина не бесполезна, но должна комбинироваться с сильной надлежащим образом:

Пагода Хорюдзи

Сегодня и сильную, и слабую древесину разрезают на одинаковые по длине

части и сочетают на старый манер. Однако (древние) строители... внимательно следили, чтобы древесина, которая сплеталась в разных направлениях, укладывалась в стабильную, прочную структуру... Фрагменты сочетали так, чтобы обеспечить баланс. Если слабый фрагмент дерева шел внизу, то вверху следовало положить сильный... Вот почему здание смогло простоять 1300 лет.

Проводимые Нисиокой сравнения — не пустые комплименты. Проигнорировав указанные выше принципы «жизни дерева», строители XVIII века, которые возводили в Никко комплекс-усыпальницу Тосегу, смогли сделать всего лишь недолговечные «декоративные конфетные коробки». Красота не украшенного орнаментами Хо-рюдзи возникает от великолепия структуры: она «подобна великому чемпиону сумо. Одетый в скромную набедренную повязку, он сокрушает одной силой своего внушающего благоговение физического облика». Напротив, Тосегу похож на надевшую на себя слишком много одежд гейшу, падающую от числа облачений, которые сами по себе легко разорвать одним прикосновением.

Изыскания Нисиоки привели к грандиозному открытию — строительному наследию пяти веков: «Период Мурома™ в XIV-XVI веках отмечает смещение акцентов японской архитектуры от структуры к орнаментам. По моему мнению, со времен Муромати вся архитектура находится в упадке».

Что же касается стандартов конца XX века:

Никто вообще не думает о жизни дома... Деревянные дома, возводимые в соответствии с современным законом о строительных стандартах, рассчитаны на двадцать пять лет... Однако, чтобы кипарис достиг высоты, достаточной для изготовления единственной храмовой колонны, требуется шестьдесят лет. Если люди будут избавляться от дерева после двадцати пяти лет использования, земля станет пустыней. Это глупость, что Япония... страна, которая называет себя культурным государством, придерживается подобной практики. Зло коренится в убеждении, что за деньги можно купить все; что деньги дают людям свободу делать все, что им заблагорассудится.

Письменная революция

С китайской культурой пришла и система китайского письма, трансформированная по лингвистическим и социальным причинам. Японский и китайский языки принадлежат к совершенно разным группам со значительными отличиями в грамматике и фонетике. Например, китайский является тональным языком: смысл слов задается ударениями. Японский язык атонален. Китайские слова тяготеют к односложности, японские же часто состоят из большого числа слогов. Приспособление китайской орфографии к передаче японских смыслов оказалось нелегкой задачей. Китайские иероглифы иногда выражали тот объект, на который походили (т. е. стилизованное изображение горы и означало слово «гора»), иногда же роль играло ударение, стоящее в слове. В конечном счете обе фонетические слоговые азбуки (значения, которые они выражали, не были — в отличие от алфавитов — одним звуком) развились в дополнение китайских иероглифов (*кандзи*). Упрощенная (скоропись) *хирагана* чаще используется для грамматических функций, а более заостренная *каткана* — для написания

заимствованных из других языков слов.

Социальные барьеры для распространения грамотности были связаны с целями, которым она служила. Письмо пришло в Японию, вероятно, в V-VI веках благодаря корейским писцам; элиту в то время больше занимали внутренние распри и проекты заморских завоеваний. Письменность требовалась в основном для рутинных административных записей типа ведения счетов, переписей и периодического составления дипломатической корреспонденции. Вероятно, уместной аналогией будет работа профессиональных компьютерных специалистов. Как считает Сэнсом:

...возможно, знать полагала, что поскольку она могла купить услуги специалистов, не было никакой причины мучиться самой и учиться читать и писать по-китайски. Пока письмо казалось механической работой вроде умения, скажем, ткать или красить, его можно было оставить клеркам. Впервые правящий класс стал нуждаться в письменности тогда, когда она оказалась проводником новой религии и новой политической философии.

Таким образом, освоение грамоты было неразрывно связано с пониманием тех целей, для

которых она нужна. Грамоту надо изучать для духовного развития, даже если это и нелегкое занятие. Официальные хроники должны были составляться для прославления правящей династии и власти наместников. Стихи должны были отражать благородное происхождение и тонкий мир поэта, поэтому часто прибегали к каллиграфии, чьи элегантные линии также служили знаком культурной искушенности писавшего. (Производство кистей и чернил для каллиграфии по-прежнему занимает важное место среди местных ремесел Нары.)

РОЖДЕНИЕ ЯПОНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Самыми значимыми литературными объектами периода Нара являются хроники, известные как «Записи о деяниях древности», или «Кодзики»_(712); «История Японии», иначе «Нихон секи» (720) и поэтический сборник «Собрание мириад листьев», или «Манъесю» (ок. 760 года). Две хроники, часто противоречившие друг другу, сводили воедино мифы и традиции, чтобы тем самым создать впечатление записей, подобных длинной и богатой на события истории Китая. В антологии «Манъесю» представлено 4516 стихотворений, преимущественно *танка* — особый

тип стихов, состоящий из тридцати одного слога (слоги распределяются по строфам в следующем порядке: 5-7-5-7-7) и обычно описывающий картины природы и конкретные человеческие эмоции либо настроение; вот один из примеров:

Прилетевший с гор холодный ветер
Дует необычною порой...
Каждой ночью, спать ложась в разлуке,
О любимой, что осталась дома,
Полон я заботы и тоски![2]

[2] Примечания: 2
Перевод А. Глускиной.

Синтоизм

Буддизм не только не вытеснил собственную религию Японии, но, напротив, спровоцировал ее самоосознание. Безымянный культ священных мест и существ (;*коми*), не имевший письменности и выражавшийся в простейших ритуалах, стал именоваться *синто*, он же синтоизм, — Путь богов. «Кодзики» и «Нихон секи» свидетельствуют, что правящая династия сохраняла синто наряду с Путем Будды (*Бутсудо*). Синтоистские божества были сопоставимы с буддийскими и выстраивались в порядке иерархии *(хондзи суидзаку).* Миф о сотворении мира, который приводится в «Кодзики» и «Нихон секи», гласит, что дом Ямато является потомком «солнечной богини» Аматэра-су Омиками, и повествует о небесном происхождении «трех священных сокровищ», наделяя их обладателя божественным ореолом. Ко времени составления этих хроник грандиозный священный комплекс Исэ существовал уже несколько столетий; его внутреннее святилище было посвящено богине Солнца, а внешняя часть — верховному богу риса и урожая. Отражая идею ритуальной чистоты, лежавшей

в сердце синтоизма, на протяжении тринадцати веков каждые двадцать лет Исэ разбирали и отстраивали заново из свежесрубленных кипарисов в том же самом стиле («зерновой амбар»).

Более скромные строения в бесчисленных количествах строились по всей Японии, обычно в тех местах, где, как верили, появляются *коми*, часто в окружении рощ. Простые с виду, из дерева и с соломенной крышей, синтоистские святыни перед входом имеют арку *(торий)*, образуемую двумя вертикальными и двумя поперечными балками. Посетитель храма обычно выполняет акт ритуального очищения, ополаскивая рот и руки чистой водой перед тем, как войти в само святилище. Более строгие акты очищения *(харай)* могут требовать полного погружения в воду *(мисоги)* или омовения под струями водопада либо помощи священнослужителя, который символически брызгает водой, размахивая тросточкой из белых бумажных полосок (*гохэй*). Практика подобных ритуалов до настоящего времени отражает бытующий в Японии страх перед нечистотой или загрязнением, который не следует путать с понятием греха. Поколения христианских миссионеров были потрясены пониманием того, что у японцев отсутствует чувство вины.

Вина не входит в моральную вселенную японцев, но туда входит понятие стыда.

В наши дни, как и в прошлом, синтоизм ассоциируется больше с позитивными аспектами творения — с возделыванием земель, сбором урожая, вступлением в брак и бла-гословлением детей. Синтоистские святилища по-прежнему ведут оживленный бизнес, торгуя талисманами и амулетами. Американский журналист Джон Гантер однажды саркастично заметил, что «Японии никогда не было шестнадцать». Возможно, само выживание синтоизма — такого невыразимого, такого жизнеспособного — обусловлено тем, что он никогда не терял своей невинности.

ГЛАВА 3. *Мир Сияющего принца, 800— 1185 годы*

Золотой век?

Четыре столетия между переносом столицы в Киото (794 год) и основанием воинственного правления в Камакуре (1185-1192) образуют эпоху, когда императорский двор покровительствовал развитию утоцченной культуры, литература, скульптура, архитектура и религия которой составляют одну из богатейших частей японского национального наследия. Более того, это живое наследие. Киото остается главным местом, привлекающим туристов. Храм Бедо-ин считается вершиной ремесленного искусства. Датируемые этим периодом буддийские секты Тэндай, Сингон и секта Чистой Земли и в современное время имеют множество последователей. Студенты и ученые с удовольствием читают «Повесть о Гэндзи» и «Записки у изголовья» Сэй Сенагон. А перекраивание китайской культуры на японский лад, которое ускорилось после прекращения официальных контактов между Японией и Китаем в 894 году, способствовало рождению азбуки *кана*, используемой до наших дней.

Но если, в определенном смысле, это и был золотой век, с другой стороны, он характеризовался

кровавыми событиями и отчаянием. Огромное количество населения претерпевало страдания и трудности, которые были непредставимы «небесным жителям» столицы: обширные территории периодически разорялись бандами вои-нов-ренегатов либо пиратами. Императорским ответом на бедствия обычно были безразличие или бессилие, что можно заметить из официальных хроник, где встречаются записи вроде «Красные стрелы полегли на крышу дворца и лежали там в течение десяти дней» и «Император устроил водный пир и приказал ученым мужам писать стихи». (Это развлечение представляло собой что-то типа пикника с прохладительными напитками, в ходе которого гости перемещались на маленьких лодочках по каналам на территории дворца.)

Придворная жизнь, разумеется, имела собственные ужасы; предательства и убийства оставались частью обычной политической практики. Нигде это не очевидно так, как в отталкивающей истории хитрой и безжалостной семьи Фудзивара. И никто, будь он беден или богат, не был защищен от периодически случавшихся эпидемий чумы. Пестрая уличная процессия, устраиваемая во время знаменитого киотского фестиваля Гион, изначально зародилась в резуль-

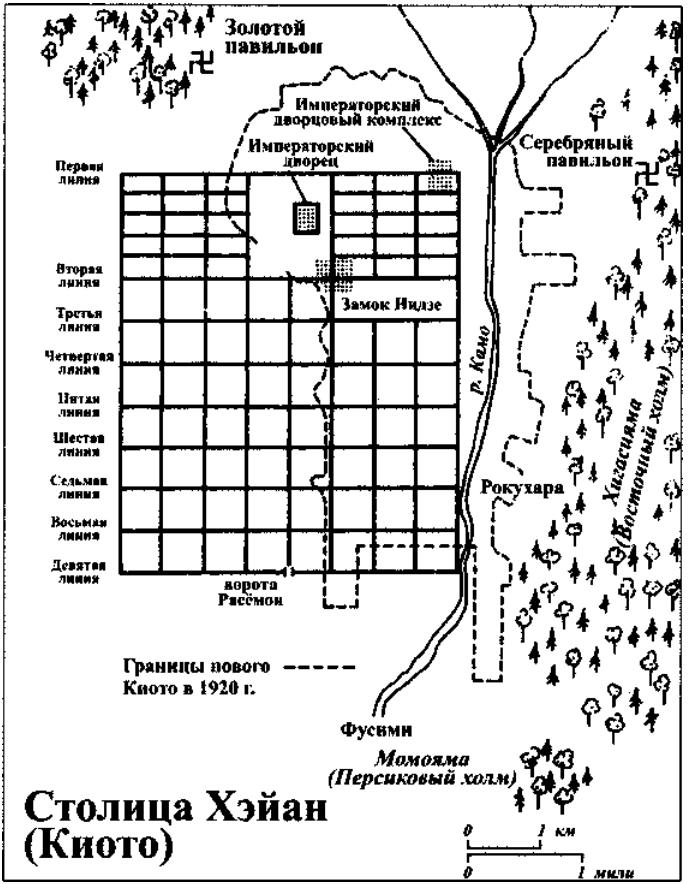
тате страха людей перед эпидемией, который заставлял жителей пораженного города взывать к заступничеству святых в надежде на избавление от страданий. Сходные причины имеет и быстрый рост популярности секты Чистой Земли благодаря распространенному среди народа убеждению, что мир переживает предопределенные перед гибелью «последние дни». Возможно, у эстетов были причины критиковать власть самураев, жестоких, но эффективных правителей, но, без сомнения, у многих людей имелись причины быть им благодарными. Устойчивое торжество эстетики было таково, что, даже вытесняемая провинциальными военными, она по-прежнему внушала благоговейный страх перед культурой.

Столица мира и спокойствия

В 784 году император Камму решил перенести столицу, чтобы избавиться от нараставшего влияния и власти буддийской иерархии в Наре. По иронии, тот город, где он жил, насчитывал 1600 буддийских храмов плюс 400 синтоистских святилищ и 90 христианских церквей.

Первоначально выбранное место, Нагаоку, где проживал фаворит Камму — Фудзивара-но Танэцугу, преследовали стихийные бедствия. Работы там начались год спустя, но невезучий фаворит был убит младшим братом императора принцем Саварой. Восприняв эти события как предзнаменования богов, Камму бросил проект прямо перед завершением, несмотря на тот факт, что на строительство ушли годовой национальный доход и почти десять лет мучений 300 000 полуголодных работников. Новое место для столицы выбрали в пяти милях отсюда, между реками Кацура и Камо, и строительство возобновилось. Савару заморили голодом до смерти; его союзников по заговору убили либо изгнали. (Довольно любопытной является история о продолжительной болезни прямого наследника престола и вне-

запной смерти его матери, приписанные мести злого духа Савары, которого после смерти стали задабривать подношениями и перезахоронили в императорской усыпальнице в особом храме.)



Столица Хэйан (Киото)

СПЛАНИРОВАННЫЙ ГОРОД

В старину Киото (Столичный город) назывался Хэйан-кио, или «Столица мира и спокойствия». Киото был (за исключением полугодового перерыва в 1180 году) официальной столицей Японии с 794 года и до т. н. Революции Мэйдзи 1868 года. И даже впоследствии, когда возвысился Эдо (нынешний Токио — «Восточная столица»), Киото сохранял равный с ним статус, и его долгое время называли просто Мияко — «Метрополия». Хэйан, подобно своим предшественникам, был построен по образцу «сетчатой» застройки китайской столицы Чанъань (теперь Сиань), но защищался не стенами, а круговым рвом. Размещенный на широкой равнине, он, как полагали, находился под охраной невысоких гор с востока, запада и севера. Вместе с идеей планировки городов японцы заимствовали у Китая и практику геомантии (*фэн-шуй*) — искусства выбора благоприятного места для строительства домов. Протекавшие вдоль города реки снабжали его пресной водой и связывали с морем. Первоначальная структура плана предусматривала постройку прямоугольника протяженностью 4,5 км с востока на запад и 5,2 км с севера на юг. Он должен был быть разбит

на две части по биссектрисе, идущей с севера на юг, улицей Судзаку Оджи («Улица красной птицы») 85 метров шириной, с храмами в ее южной оконечности, и достигать кульминации в отгороженном великолепном дворце в северной части города. Два рынка, занимавшие каждый по целому кварталу, располагались симметрично на востоке и западе. Каждый из 1200 городских кварталов *(бо)* делился на 16 частей *(но)* по 1450 кв. м. Поскольку город как бы спускался со склонов холма, оказалось возможным провести вдоль улиц удобную систему водоснабжения. За исключением двух храмов у южных ворот, все остальные религиозные сооружения следовало располагать за пределами формальных границ и подножия окружавших его гор. К IX веку население Киото достигло 100 000 человек, из которых 10 000 составляли аристократы и чиновники. Таким образом, подавляющая часть жителей поставляла товары и услуги для знати. Свой характер город сохранил и поныне, выступая центром учебы, модной жизни и изящных искусств. Ведь еще до постройки столицы здесь жили корейские иммигранты-шелкопряды.

УПАДОК И КАТАСТРОФА

К X веку самопровозглашенное название «Столица мира и спокойствия» опровергалось уличной преступностью, грабежами и стычками воинов-монахов. Случайные или умышленные, пожары были проклятием города. После третьего крупного пожара 1156 года был уничтожен Великий зал для приемов, и его не стали восстанавливать. Война Онин (1467-1477) разрушила город, и лишь малая часть его архитектуры ныне старше XVII века, хотя многие сооружения реконструировались так, чтобы максимально походить на своих предшественников. Современный нам комплекс Императорского дворца (расположен к северо-востоку от места нахождения подлинного дворца) был воздвигнут в 1855-1856 годах после уничтожения огнем оригинала.

Фудзивара

На протяжении столетий Японией правила единственная семья, чьи главы являлись императорами во всем, кроме титула. Их власть зиждилась не на военном превосходстве и не на административном таланте, но на мастерстве плести интриги — по словам Сэнсома, на «умении играть живыми частичками». Выбранное ими самими имя рода, Фудзивара («Поле глициний»), относится к Саду висте-рия (Глициниевый сад), где Катамари, заложивший основы величия семьи, составил заговор, в ходе которого в 645 году покончил с владычеством семьи Сога при дворе и открыл пусть реформам Тайка. Сын Катамари еще больше укрепил позиции семьи, выдав дочь замуж за императора — с тех пор Фудзивара поступали аналогичным образом при первой же возможности.

Отсчет доминированию Фудзивара может идти с 858 года, когда Иошифуса возвел на трон своего сына, а самого себя сделал регентом. На протяжении следующих двухсот лет восемь взрослых императоров были вынуждены досрочно оставлять престол в пользу детей, передавая реальную

власть в руки Фудзивара.

Племянник Иошифуса, Мотоцунэ, ввел новую должность *кампаку* (канцлера), которая стала единственной ниточкой, связывавшей императора и его чиновников. Сын Мотоцунэ, Токихира, противодействовал усилиям императора Уда ослабить влияние семьи и ухитрился выслать своего главного противника, выдающегося ученого и поэта Сугавара Митидзанэ (845-903). (Как считается, святилище Китано Тэнмангу в Киото было построено для успокоения обиженного Митидзанэ, которого стали почитать как покровителя учебы. Поколения японских студентов посещают это место, чтобы лучше подготовиться к сдаче экзаменов.)

«МОНАСТЫРСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО»

Пика власти Фудзивара достигли при Митинага (966-1028), который вынудил четырех императоров жениться на своих дочерях; еще два императора были его племянниками, а три — внуками. Сэй Сенагон часто упоминает о роскоши его дворца, где и находилось настоящее правительство. Некоторые говорят, что сам Гэндзи во многом подражал Митинага.

На пиру в честь брака его третьей дочери и

его внука-императора Го-Итидзе Митинага прочел стихотворение, уподоблявшее его власть совершенству полной луны. Это было неосмотрительным жестом самодовольства, поскольку в провинциях семьи военных уже начали противостоять центральному правительству, отказываясь платить налоги или признавать власть наместников провинций. В течение некоторого периода времени ситуацию удавалось удерживать под контролем при помощи выплат кланам Минамото и Тайра, которые тогда усмиряли недовольных. Применение силы показало, что на окраинах дела разладились. В центре же могущество Фудзива-ра подрывали неспособность женщин рода произвести на свет наследника мужского пола, которого можно было бы сделать императором, и интриги императора Го-Сандзе (1034-1073), придумавшего систему «монастырского правительства», которая обращала трюк Фудзивара с манипулированием меньшинством против них самих. Исполнение публичных церемониальных обязанностей было возложено на тех, кто фактически занимал трон, тогда как реальная власть осуществлялась из уединенного монастыря, в который ранее «добровольно» удалялись предыдущие императоры.

Тем не менее прошло более ста лет прежде, чем было покончено с влиянием Фудзивара; члены клана продолжали удерживать весомые позиции при дворе и выделялись как поэты и художники. Так, Фудзивара Такайобу основал новый стиль реалистической поэзии. (По иронии судьбы, самая знаменитая из дошедших до нас работ — портрет Минамото Еритомо, родоначальника династии, которая покончила с Фудзивара навсегда. Картину можно увидеть в Киото в Дзинго-дзи.) Сын Таканобу, Нобуд-занэ, был ведущим художником XIII века в Японии, а его сводный брат Фудзивара Тэйка (1162-1241, также известен как Садаиэ) был величайшим литературным критиком своего времени. Тэйка — придворный поэт во втором поколении — вдохновлялся изречением своего отца Сюн-дзея о «старом стиле, новой трактовке» и, написав около 4600 стихотворений, показал, сколь поразительного эффекта можно добиться при помощи классического языка. Кроме того, ему первому также поручили работу над составлением двух профинансированных императором поэтических антологий. Сборник стихотворений самого Тэйка «Сто стихотворений ста поэтов» по-прежнему считается сокровищем японской литературы и используется в карточной игре, в

которую традиционно играют во время празднования Нового года. Принц Коноэ Фумимаро, премьер-министр Японии в 1937-1939 и 1940-1941 годах, также являлся прямым потомком Фудзивара.

Тэндай

В 804 году монах Сайте (767-822) отправился на гору Тяньтай в Китае (по-японски — гора Тэндай, «Небесная терраса»). Здесь ему открылась «Сутра Лотоса», которая обобщала учение Будды и перечисляла необходимое для спасения:

— все живые существа содержат внутри себя свет и частичку природы Будды и могут достичь спасения;

— Будды и бодхисаттвы постоянно трудятся над тем, чтобы помогать делу спасения;

— философия и медитация подобны двум крыльям птицы, необходимым для полета.

Сайте сравнивал внутреннюю способность человека к просветлению с лотосом, появляющимся из грязной воды: «Цветок лотоса появляется из воды, в противном случае его бутон не сможет распуститься... Чем глубже вода, тем выше будет стебель; его рост безграничен». Тэн-дай-практика требует строгой монашеской дисциплины, молитвы, медитации, изучения сакральных текстов и овладения искусством эзотерических ритуалов. Несмотря на это, обещание спасения для каждого резко контрастировало с существовавшими

суровыми учениями монастырей Нары, которые оставляли место в нирване только для монахов.

Сайте основал на горе Хиэй к северо-востоку от Киото монастырь Энрякудзи. Называя буддизм лучшей защитой для государства и считая его способным производить «сокровища нации» и обеспечить просвещенное лидерство Японии, Сайте снискал благосклонность двора, и Энрякудзи стал величашим монастырским центром страны, куда уходили в монахи даже младшие сыновья императорской семьи. До того как получить звание «учителя» и официальное признание, новоприбывшим предстояло пройти сложную 12-летнюю программу обучения. Сайте также использовал элементы учения современной ему секты Сингон, привнеся в собственную доктрину эзотерику, которая обогатила ее ритуалы и эстетическую сторону и тем самым сделала ее более привлекательной для аристократии. Аналогичным образом он взял некоторые из местных синтоистских традиций, чтобы преодолеть давнее враждебное отношение к «чужеродным» учениям. Значение фигуры Сайте заключается в его решительной борьбе с ограничениями существовавшего буддийского учения и адаптации веры для придания ей национального характера.

В то же время Сэнсом надменно характеризует достижения Сайте как успехи, «скорее, страстного, чем глубокого духа, чьей энергии был придан размах волей счастливого случая». Преемники Сайте углубили эзотерическую сторону учения, а монастырь Энрякудзи продолжил расширяться: к XII веку он стал несметно богатым и насчитывал 3000 зданий и обширные земельные владения плюс имел собственную армию воинственных монахов, чья сила опрокинула тот самый двор, который когда-то заботился о становлении монастыря. Среди выходцев из Энрякудзи — такие важные фигуры как Хонэн, Синран и Нитирэн, которые основали новые секты, в конечном счете подорвавшие доминирование Тэндай.

Сингон

Сингон («Истинное слово») — буддийская секта с порядка 12 000 000 последователей и 12 000 храмов, разделяющаяся на сорок семь мелких сект. Основоположником секты является Кукай (774-835), обычно также называемый японцами Кобо Дайси (Великий Учитель Кобо).

Как и Сайте, молодым монахом Кукай сопровождал в 804 году официальную миссию в Китай, в надежде найти в буддизме подход, более отвечающий потребностям Японии, чем жесткие догмы учения Нары. Будучи превосходным поэтом, великолепным каллиграфом и свободно изъясняясь на китайском, Кукай прибыл в Чанъань, где его как своего блудного сына приветствовал знаменитый мастер Хуэйго (по-японски — Кэйка или Эка), у которого он стал любимым учеником. Кукай немедленно погрузился в загадки эзотерического буддизма:

Портрет Купая из храма Тодзи (Киото)

Настоятель поведал мне, что эзотерические манускрипты настолько трудны для понимания, что их смысл нельзя уяснить иначе, чем через искусство. По этой причине он приказал придворному артисту Ли Чжену и еще примерно дюжине других художников изготовить десять свитков из мандалы мира Чрева и мандалы мира Алмаза, а также собрать двадцать писцов для копирова-

ния Алмазной мандалы и прочих эзотерических манускриптов. Кроме того, он приказал отлить в бронзовой кузнице пятнадцать ритуальных принадлежностей...

В общем виде учение Сингон можно суммировать следующим образом:

— в сердце всего лежит трансцендентность Будды Вай-рочаны (по-японски — Дайнити Нерай), которая явлена в центре мандалы мира Чрева и Алмазной мандалы, используемых в искусстве Сингон для репрезентации космоса. (Алмаз символизирует твердость и, следовательно, вечную истину; Чрево — жизнь, рост и изменение.)

— всякая реальность есть лишь эманация Дайнити, а все Будды и бодхисаттвы — лишь его манифестация (и потому синтоистские божества могут быть включены в эту всеобъемлющую структуру. Кукай называл Дайнити «великим солнцем», что позволяло японцам отождествлять его с верховным синтоистским божеством — богиней солнца Аматэрасу).

— постичь имманентность Дайнити означает понять возможность достижения собственным телом состояния Будды (т. е. без бесконечных реинкарнаций).

Чтобы помочь верующему достичь реализации

имманентности Дайнити, Сингон предписывает соблюдать три ритуальные практики, выражающие, соответственно, мысли, слова и действия Дайнити:

— медитация на две мандалы, которые иллюстрируют переход Дайнити в иные формы бытия;

— повторение тайных «слов истины» (*сингон*), в которых заключается сущность сутр — оригинальных текстов учения Будды;

— использование ритуальных жестов *(мудр)* для сотворения ритуала.

Посвящение в Сингон проходило через инициацию и получение инструкций в ходе сложных и красочных церемоний, отвечавших взыскательному эстетическому вкусу японского двора. К 810 году Кукай смог внедрить Сингон в крупнейшем в Киото монастырском центре То-дайдзи. В 816 году он основал на горе Койя, вблизи современной Осаки, монастырь Конгобудзи. Кукай сравнивал центральное плато горы и ее восемь пиков с восемью лепестками мандалы в форме лотоса. В 823 году покровительствовавший учению император Сага пожаловал Кукаю монастырь Тодзи в Киото и безопасное место для проживания в столице. Император разрешил учиться здесь 50 монахам,

если только они будут последователями Сингон. Строгость и мастерство учителей Сингон *(ямабуси)* высоко почитались простым народом, который видел в них магов.

ЛЕГЕНДАРНАЯ ФИГУРА

Согласно традиции, в конце концов Кукай впал в глубочайшую медитацию, из которой выйдет при появлении Матрейи, Будды Грядущего. Рассказывают множество легенд о том, как Кукай совершал благодеяния или карал людей. Так, одна гласит, что под видом бродяжничающего священника он как-то пришел в страдавшую от засухи деревню и попросил воды. После того как крестьяне с охотой разделили с ним то, что имели, он ударил посохом о землю, и оттуда забил источник. В другой раз один крестьянин отказался угостить его сладким картофелем, и Кукай превратил всю деревню в камень. Еще верят, что именно Кукай завез в Японию чай, изобрел слоговую азбуку *хирагана* и создал «Ироха», песню, которую считают «японским алфавитом». Сорок семь слогов этой поэмы не только используют все звуки языка (за исключением финального согласного «н»), но и утонченно выражают беспокойство буддиста о быстротечности суще-

ствования:

Красота блистает миг —
И увяла вся.
В нашем мире что, скажи,
Пребывает ввек?
Грани мира суеты
Ныне перейди,
Брось пустые видеть сны И пьянеть от них![3]

Его известность как каллиграфа нашла выражение в идиоме «Кобо пишет корявые буквы», передающей удивление от совершенно неожиданной ошибки.

Кукай, без сомнения, был наделен выдающимися способностями, сочетал в себе харизму, творческое начало и тактичность. Даже пламенный Сайте склонялся перед ним, учился у него и в некотором смысле был «крещен» им в веру, хотя когда один из собственных учеников (Кукай) покинул его и основал Сингон, это нанесло делу Сайте неизлечимую рану.

Большинство из 88 храмов, которые относятся к знаменитому маршруту паломников в Сикоку, принадлежат традиции Сингон и, как считается, стоят на тех местах, где побывал Кобо Дайси на

---

[3] Примечания: 3
Перевод Н. Конрада.

своем удивительном пути в период между оставлением Нары и прибытием в Китай. Семьдесят пятый храм, Дзенцудзи, находится в месте его рождения. Часто храмы Сингон охраняют устрашающие скульптуры Мео, служителей Дайнити, в окружении адского пламени; однако на самом деле они безобидны и должны прогонять гнев и невежество, а также отпугивать злых духов. Самый важный из Мео зовется Пламенным Фудо, он — одна из главных фигур японского фольклора.

Чистая Земля

Буддийская традиция «Чистой Земли» пришла в Японию с Хонэном (1133-1212), обучавшимся Тэндай монахом, который разочаровался в элитаризме Энрякудзи. Это направление исповедует веру в Амиду (на санскрите — Амитабха, Бесконечный Свет), Будду Западного Рая (Чистой Земли, по-японски Дзедо). Последователи секты возлагали свои надежды на спасение на данную им клятву, что каждый, кто восхваляет его имя с верой и искренностью, будет после смерти воскрешен в Западном Раю, земле, свободной от страданий и желаний, где и будет жить до момента окончательного просветления и нирваны. В скульптуре Амиду обычно сопровождает Каннон, богиня милосердия.

Культ Амиды был известен в Японии до сект Тэндай и Сингон, но на протяжении столетий ограничивался узким кругом посвященных. Его распространение связывают с монахами Куем (903-772), Гэнсином (942-1017) и Ренином (1072-1132), которые проповедовали произнесение слов «Нами Амида Буцу» (аббревиатура *нэмбу-цу*) — «Я принимаю убежище Будды Амиды». Как

говорят, великий Митинага умер, повторяя эти слова в храме Ходзедзюцу, который он построил в попытке воплотить в миру Чистую Землю.

Знаменитая книга Гэнсина «Сущности избавления» гласила, что любой может попасть в рай благодаря полному вверению себя милосердию Амиды и без всяких сложных ритуалов или медитации, как того требовали другие секты. Монах Иппэн (1239-1289) популяризировал танец *нэмбуиуу* до сих пор исполняемый на летнем фестивале Обон, когда духи древности выходят из своих могил.

Заслуга Хонэна заключается в том, что — несмотря на преследования и изгнание секты Тэндай — он смог сделать культ Будды Амиды массовым движением. Буддийская доктрина «*.мато*» (конца законов) учила, что настанет эпоха хаоса, когда спасение благодаря собственным добродетели и усилиям станет невозможным. Беспорядки, которые сопутствовали приходу к власти самураев в XII веке, походили именно на такую эпоху и, конечно же, ускорили распространение культа Амиды среди дезориентированной бедноты. В своем отчаянии в образе Западного Рая, свободного от ужаса и голода, люди видели место желанного покоя, не обращая внимания на

конечную цель буддизма — не-существование. Ученик Хонэна Синран (1173-1263) говорил, что для спасения необходимо один-единственный раз с абсолютной искренностью произнести *нэмбуцу,* поскольку основу спасения составляет, скорее, милосердие Амиды, чем индивидуальные усилия, которых может быть недостаточно. Однако рекомендовалось в качестве выражения благодарности повторять мантру.

Синран был бессовестным популистом, который оправдывал использование японского, а не китайского писания, следующим образом:

Сельский народ не понимает букв и не слишком умен. Следовательно, чтобы привести их к пониманию, я писал одно и то же снова и снова. Образованные люди будут полагать это странным и высмеивать меня. Но их насмешки несправедливы, потому что моей единственной целью при писании было сделать его смысл понятным недалеким людям.

Синран также утверждал, что Чистая Земля является государством милосердия, которое можно испытать и в земной жизни. (Он был первым крупным буддийским лидером, не придерживавшимся целибата и имевшим шестерых детей.) Последователи Синрана сформировали доми-

нирующую группу в рамках традиции Амиды, секту Истинной Чистой Земли (Дзедо Синею), чья основная резиденция находится в месте погребения пепла Синрана — в храме Первой Клятвы в Хонгандзи. А самый известный центр культа Амиды расположен в Бедо-ин. Исповедующие Синею поклоняются Амиде вплоть до отрицания других богов и, в отличие от иных сект, не придерживаются монашества. В наши дни это течение насчитывает порядка 13 000 000 сторонников.

ЗАЛ ФЕНИКСА

Прекрасный пример архитектуры периода Хэйан можно увидеть на острове посредине водоема с лотосами в Удзи, в нескольких милях от Киото. Монастырь Бедо-ин, изначально построенный в качестве дворца для Митинага, в 1053 году был превращен в буддийское святилище его сыном Еримити. Его главный 48-метровый храм Хоодо (Зал Феникса) назван так из-за своей формы, напоминающей птицу. Главный зал простирается над озером и походит на туловище и хвост, а боковые галереи — на крылья; причем последние до пожара 1235 года были намного длиннее, чем сейчас. На крыше сидят два бронзово-золотых феникса, символизирующих перерождение в

раю Амиды, в Чистой Земле. Внутри находится позолоченная деревянная статуя Амиды работы скульптора Дзето. Сочетание в ансамбле элегантного убранства и сдержанного блеска прекрасно отражает дух эпохи.

В Бедо-ин скончался Минамото-но Еримаса, ранняя жертва войн Хэйкэ. Повторив *нэмбуцу* десять раз, он затем изрек свое последнее стихотворение:

Будда Амида (1053)

Как дерево сухое,
С которого не снять плодов,

Печальна жизнь моя была,
Которой суждено пройти бесследно.

Произнеся эти строки, Еримаса вонзил меч себе в живот, вспорол его и, склонив лицо к земле, умер.

«Записки у изголовья»

Сэй Сенагон родилась примерно в 965 году в семье уче-ного-поэта и чиновника. Приблизительно с 25 до 35 лет она была фрейлиной императрицы Садако. «Сенагон» означает «младший советник», «Сэй» относится к клану Киевара, из которого она происходила. Вот практически и все, что достоверно о ней известно. Поэтесса Мурасаки Сикибу, вращавшаяся в тех же кругах, зло называла ее одаренной, но высокомерной и эмоционально незрелой натурой и предсказывала ей «заслуженное» падение. Сложилась ли в итоге именно так судьба Сэй Сенагон — не ясно; однако ее личность живо представляется при чтении книги, в которой, по словам Сэнсома, «дается полная картина жизни при дворе и только слабые намеки на жизнь вне дворца». Когда она бывала за пределами дворцового комплекса, простой народ вызывал у нее нескрываемое отвращение: «Они выглядят, как черви, когда собираются вместе в своих лохмотьях и подходят так близко, что почти могут коснуться меня». Проницательная и черствая, искушенная и сентиментальная, она тепло относилась к своим близким, но бездушно

к зависимым людям — были ли те священнослужителями («не более важные, чем деревянный брусок») либо сидящими дома женами («провинциалки»). Раздражительная и несдержанная, привередливая и неразборчивая в связях, склонная к позерству и вмешательству во все дела, она обладала остроумием и прекрасной памятью. Сэй Сенагон знала некоторых китайских классиков, но не слишком обременяла себя вдумчивым обучением, и ее проза поэтому не перегружена туманными выражениями и аллюзиями. Японцы читают книгу Сэй Сенагон из-за стиля, а не из-за структуры, и из-за параллелей с любовной жизнью автора — красивой, но беспорядочной.

Название «Записки у изголовья» звучит как заглавие некоего скромного пособия по сексу. Но Сэй Сенагон была какой угодно, только не стыдливой в отношении эротики и, без сомнения, нашла бы подходящие слова. В действительности книга представляет собой что-то вроде блокнота, который придворные дамы хранили в деревянной коробочке у себя на шее и, когда засыпали, могли приподнять с ее помощью голову и сохранить свои волосы чистыми. То, что на Западе могли бы назвать «дневным чтивом», в Японии периода Хэйан служило «книжкой на ночь»; уединив-

шись вечером, человек мог записывать забавные истории, стихи и едкие наблюдения о других.

Много места в «Записках у изголовья» отводится рассуждениям на тему различного рода утверждений — «Лоб у вола должен быть очень маленьким»; «Священнослужитель должен хорошо выглядеть»; «То, как едят плотники, — странно». Другие части целиком посвящены оценке различных типов деревьев, насекомых, болезней, облаков, празднеств и духовых инструментов либо же коротко описывают самые обыденные происшествия с участием императора или императрицы. Но наиболее значительная часть книги — это 164 страницы, где Сэй Сенагон приводит списки вещей, людей или случаев, которые она сама классифицирует как «смущающие», «самонадеянные», «позорные», «завидные» или «неуклюжие». На одном листе может встречаться калейдоскоп различных элементов. Так, вот, например, «то, что наводит уныние»: холод; жаровня или очаг без огня; ученый, у которого рождаются одни дочери; письмо из провинции, к которому не приложен подарок. (Письмо из столицы, если оно без подар-ка, хотя бы богато новостями и сплетнями.) К «докучливым вещам» относятся: сонливый заклинатель бесов,

зевающий возлюбленный, волоски на палочке для чернил и лай своры собак. «Неряшливые», вызывающие брезгливость вещи варьируются от изнаночной стороны вышивки до кошачьих ушей; «неуместные» вещи включают в себя лунный свет на заснеженном доме простолюдина. Некоторые списки идут друг за другом: «То, от чего веет чистотой» (игра света на поверхности воды) и «То, от чего веет нечистотой» (сопливый ребенок) или «Что выглядит хуже на картине, чем в жизни» (прекрасные персонажи из романов) и «Что выглядит на картине лучше, чем в жизни» (гористые леса и деревни). Названия самих перечней указывают на волновавшее их составительницу: «То, что заставляет сердце сильнее биться»; «То, от чего становится неловко»; «То, что дорого как воспоминание»; «То, в чем видна невоспитанность»; «То, что глубоко трогает сердце»; и, вероятно, самое важное — «То, что внушает опасения».

Искренность не относилась к присущим Сэй Сенагон добродетелям, поэтому трудно понять ту жалобную ноту, на которой завершается книга: «Ведь я пишу для собственного удовольствия все, что безотчетно приходит мне в голову. Разве могут мои небрежные наброски выдержать

сравнение с настоящими книгами, написанными по всем правилам искусства? И все же нашлись благосклонные читатели, которые говорили мне: “Это прекрасноï” Я была изумлена».

Великий ориенталист Артур Уэйли называл сборник Сэй Сенагон «важнейшим документом эпохи, которым мы располагаем». Могли быть написаны десятки подобных книг, но только этой удалось дойти до наших дней. Это самый ранний пример жанра, известного как *дзуйхицу* — дословно «вслед за кистью», т. е. отрывочные заметки — занявшего с тех пор весомое место в японской литературе. «Записки у изголовья» рисуют нам придворное общество, обитатели которого, одинаково безразличные к прошлому и будущему, живут в настоящем — вечные и недолговечные, боящиеся внешнего мира, одержимые сложностью церемониала и эстетическими тонкостями ритуалов прошлого вроде курения ладана и спонтанного написания стихотворений длиной в тридцать одну строку. Уэйли почти недоверчиво заключает: «Никогда среди людей изящной культуры и живого ума не играли столь малой роли чисто интеллектуальные занятия». Способные «далеко превзойти наши дремучие Средние века», они ценили каллигра-

фию превыше всех других умений и возводили ее почти в ранг добродетели, а не таланта; считая совершенство выводимых букв подобным привлекательному лицу или фигуре. Но если они жили легковесной жизнью, то и проживали ее тонко. Они часто бывали невежественными, но редко — тяжеловесными.

«Повесть о Гэндзи»

«Повесть о Гэндзи» («Гэндзи Моногатари») — первый в мире роман, основанный на подлинных событиях, и величайшее литературное произведение Японии классического периода. Даже Сэнсом описывает его как «примечательный роман, о котором сложно говорить, не прибегая к превосходным степеням...» С учетом ограниченных для женщин возможностей учиться и путешествовать еще более удивительно, что его автором является женщина, хотя и из высших придворных кругов и любовница Фуд-зивара-но Митинага. Не умея писать китайскими буквами, они была вынуждена использовать фонетическое письмо. Мурасаки Сикибу начала писать свою книгу около 1000 года, как раз когда Сэй Сенагон завершила «Записки у изголовья». В отличие от «Записок», пятьдесят четыре главы книги Мурасаки имеют если не план, то четко обозначенную тему — жизнь и любовные отношения образованного, сложного по натуре и чувствительного Гэн-дзи, «Сияющего принца». Гэндзи — любимый сын императора, лишенный права на трон, который ищет в скитаниях и любовных утехах

образ матери, умершей, когда он был ребенком. Его первая любовная интрижка — с женой собственного отца — была омрачена незаконной природой их связи. В Мурасаки он находит свою самую большую любовь, но она умирает. В итоге Гэндзи возвращается ко двору, попадает в императорскую милость и женится, но одна из его жен рожает сына от другого мужчины. Гэндзи обращается к религии и принимает духовный сан. После его смерти история, которая охватывает промежуток в три четверти столетия, уже в более мрачных красках повествует о менее удачных любовных похождениях Каору, приемного сына принца. Сила книги кроется не в динамичном развитии сюжета, но в особой атмосфере; автор потрясающе передает тонкие оттенки психологического состояния сотен различных персонажей и беспрестанно меняющуюся красоту мира природы. Она наполнена *моно-но аварэ* — чувством печального очарования преходящей природой всего на свете и острой чувствительностью к трагическим последствиям одного-единственного действия.

«Повесть о Гэндзи» немедленно стала популярной при дворе Хэйан. Слава о ней быстро дошла до провинций, и оттуда в столицу приехала

женщина-автор «Дневника Са-расина» — чтобы ознакомиться с полной версией текста. К XII веку «Повесть» была изображена в изящных рисунках, которые сегодня можно увидеть в Музее искусств Току гава в Нагоя и в Художественном музее Гото в Токио. И по сию пору она остается объектом анализа и комментариев. Адаптация истории Гэндзи встречается в пьесах театров *кабуки* и *Но*, романах, фильмах, телевизионных шоу и даже в мультфильмах. Каждый японский студент обязан прочесть хотя бы избранные части, скорее всего, на современном японском языке, так как оригинальный текст, чтобы его можно было понять, требует развернутого комментария. Полная версия книги состоит из примерно тысячи страниц и содержит свыше миллиона слов, но, поскольку она состоит из отдельных эпизодов, ее удобно читать.

Появление самураев

Рафинированная атмосфера двора Хэйан больше годилась для подготовки человека к праздной жизни, нежели к опасностям; а требование китайского стиля распространить имперское владычество на весь мир спустя чуть больше ста лет после своего провозглашения все меньше отвечало действительному положению дел. Система записывания крестьян на военную службу к 792 году была отменена; последняя попытка официального перераспределения земель имела место в 844 году. Немногие из служивших императору были способны совмещать собственные интересы при дворе с защитой интересов императора в провинциях. УпрІв-ление провинциями оказалось в руках разного рода «представителей», покупавших себе должности у придворных; они впоследствии сопротивлялись назначению новых людей вместо себя и превращали свои позиции в наследственные: так от императорского двора начали постепенно откалываться семейства, которые решили идти собственным путем. По мере ослабления центральной власти эти сделавшие себя сами люди набирали част-

ные армии для сбора налогов, поддерживали общественный порядок и обороняли северные границы от вторжений, добавляя завоеванные земли к своей собственности.

Иногда эти частные армии сражались друг с другом. Объединяясь в военные союзы, они могли составлять огромную силу, как в конечном счете доказали Тайра (также известные как Хэйкэ) и Минамото (они же — Гэндзи). В начале 935 года Тайра-но Масакадо, называвший себя прямым потомком императора Камму, подчинил своей власти большую часть восьми провинций Канто и провозгласил себя императором. В то же самое время Фудзивара-но Сумитомо, также вошедший в правительство, бросил войска на подавление пиратства во Внутреннем Японском море. Только благодаря армиям Минамото, которые действовали как «когти и зубы», Фудзивара разбил мятежников и восстановил контроль над водами. Теория и реальность расходились в политике все сильнее. Фудзивара окружали «монастырские императоры», которые были монахами, при этом имелись и «реальные» императоры, чьи регенты контролировали бюрократию. От Фудзивара нельзя было избавиться — но кому было до этого дело? Указы можно было издавать

и дальше, но единственные люди, которые могли бы их выполнять, были поглощены собственными интересами. К тому времени как механизм правления Хэйан пришел в окончательную негодность, правительство стало настолько сложно устроенным, что могло существовать постольку, поскольку никто не ожидал от него никакой работы. А в провинциях местные «важные шишки» начали понимать, что единственной эффективной властью является самоуправление.

ВОЙНЫ ХЭЙКЭ

С начала XII века «монастырские императоры» стали взывать к Тайра, чтобы те помогли справиться с Фудзивара и их союзниками Минамото. В 1156 году разразилась подковерная борьба за престол, которая окончательно расколола «монастырского» и «правящего» императоров. Фудзивара разделились, и хитроумный глава клана Тайра, Киемори (1118-1181), воспользовался шансом устранить конкурентов, перебил основную часть людей Минамото и привел себя и свой клан к власти при дворе. То, что началось как придворные интриги, окончилось решающим поединком между реальными носителями власти. Немыслимо, но на ранней стадии конфликта

придворные оказались под перекрестным огнем, и пятьдесят человек казнили: впервые за 350 лет подобное наказание применили к обитателям «поднебесной столицы». На горизонте замаячила революция. Тайра пожаловали себе придворные звания и собственность в провинциях, породнились с императорской линией, стали пренебрежительно обходиться с прежней знатью и вообще вели себя как страдающие «звездной болезнью». Тем временем клан Минамото снова сплотился вокруг своего молодого лидера Еритомо (1147-1199). В 1180 году, когда Тайра возвели на трон своего юного отпрыска Антоку, Еритомо перешел в наступление, хотя действительные боевые действия возглавляли его кузен Есинака (1154-1184) и сводный брат Еси-цунэ (1159-1189). В 1181 году скончался от лихорадки Киемори, причем жар его был такой силы, что, как говорили враги, пришел как возмездие из самого ада. Эта смерть нанесла клану огромный удар. Есинака изгнал Тай-ра из столицы, но затем, заподозренный в предательстве, был разбит армией под началом Есицунэ. После этого Еси-цунэ победил Тайра в сражении при Ясима вблизи Сикоку и окончательно уничтожил их в 1185 году в морском сражении при Данноура в проливе Си-

моносеки, у берегов Кюсю и Хонсю. Семилетний император Антоку был свергнут, а лидеры клана Тайра — убиты в сражении, покончили жизнь самоубийством либо были загнаны в безвыходную ситуацию и предпочли броситься на свои мечи.

ТРАГИЧЕСКИЙ ГЕРОЙ

Доблестный и статный, Есицунэ последовательно шел к собственной гибели, коей так желал завистливый Ерито-мо, чтобы обезопасить свою власть. Для многих японцев Есицунэ стал архетипом трагического героя, о котором — вместе с его преданным сторонником монахом-воином Бэнкэем — сложено немало историй и написано пьес. (Одна из легенд гласит, что Есицунэ уплыл в Китай, где стал известен как Чингисхан.) Как считается, место его гибели отмечает храм в префектуре Иватэ.

Войны Хэйкэ (они же — Гэмпэй) оказались богатым источником для сочинения рыцарских историй. Стремительный взлет и катастрофическое падение Тайра драматически описываются в «Хэйкэ Моногатари» («История Хэйкэ»), где постоянно повторяется мысль об иллюзорной природе власти: «...гордится человек, но только на краткий миг, подобный мечтам о весеннем

вечере. В итоге даже самых могущественных сметут, как пыль перед бурей».

Сделав резиденцией правительства хорошо защищенный прибрежный город Камакура, в 1192 году Еритомо получил титул «Сэй-и-Тай сегун» («Великий воевода, покоряющий дикарей»), положив начало семи векам военной диктатуры. У Еритомо не было ни отваги Киемо-ри, ни обаяния безрассудного Есицунэ. Он был холодным, осторожным и расчетливым — так снова и снова побеждали те качества, которые стали формулой успеха Японии.

ГЛАВА 4. *Сегуны и самураи, 1185-1543 годы*

Сегунаты Камакуры представляли собой специфическую японскую форму феодализма, при которой административные институты *бакуфу* (буквально «полевая ставка») существовали независимо либо вообще заменяли собой аналогичные структуры императорского двора. Поддержание сегунатами порядка способствовало экономической экспансии. Началась и монетизация экономики, во многом благодаря импорту из Китая медной монеты: так, единственная миссия 1453 года, согласно записям, привезла 50 000 000 медных монет. Чтобы справиться с растущим объемом коммерции, появились регулярные рынки, гильдии торговцев, оптовая торговля и денежные ссуды.

Фигурка бога Дзидзо (ок. 1200-1250) из храма Тодайдзи (Нара)

Переезд резиденции правительства на восток помог распространиться изящной культуре Хэйан в провинциях. Особенно процветала скульптура. Развитие таких характерных для

Японии форм буддизма, как нитирэн и дзэн, было противопоставлением национальных притязаний установившемуся господству китайских культурных норм. Чувство национальной идентичности (да и предназначения нации) еще более укрепилось и обозначилось в ходе обороны от периодических монгольских вторжений. Обессиленный борьбой с монголами, сегунат Камакура (1185-1333) был свергнут в результате заговора и сменен сегунатом Асикага (1338-1573), который расположился после 1378 года в округе Киото, Муромачи. Власть Асикага была гораздо слабее, этот период характеризовался гражданской войной, пиратством, восстаниями крестьян и неспособностью сопротивляться вторжению (к счастью, мирному) людей с Запада. Преданность еще восхвалялась, но все чаще случались предательства. Издавалось множество законов, но лишь немногие из них соблюдались. Старинные семейства угасли, их сменили «выскочки». Желая поскорее раструбить о своей славе, последние часто становились щедрыми покровителями артистов и мастеров. Жадная до материальных благ, консервативная в моральном и гибкая в культурном отношении, по словам Сэнсома, это была «эпоха брожения, а не распада».

Можно провести определенную параллель между Японией эпохи позднего средневековья и Италией эпохи Ренессанса: дикие войны и бессмысленное разрушение шли рука об руку с развитием удивительных новых форм культуры; в Японии это были блистательная драма *Но* и такие искусства, как аранжировка цветов, чайная церемония и садовый дизайн. Другая аналогия заключается в растущих стандартах личностного комфорта. В Италии начали пользоваться носовыми платками и вилками, в Японии полы стали покрывать *татами* (матрацами из соломы), добавлять в еду соевый соус, пить чай и принимать горячие ванны.

Правительство

Личное господство Минамото было недолговечным. Ери-томо наследовали его сыновья (сначала Ерие, а потом Са-нэтомо), но подлинная власть перешла к его вдове и ее отцу. Они верховодили советом регентов, который учредили для защиты власти собственной семьи, Ходзе (по иронии, потомка Тайра). В 1219 году, с убийством любившего поэзию Санэтомо, линия Минамото оборвалась. В 1221 году «монастырский император» Го-Тоба, поддерживаемый землевладельцами западной части Японии, предпринял попытку напасть на находившихся на востоке Ходзе, но его силы были легко разбиты. Го-Тоба и его сын были изгнаны, их главные сторонники казнены, у проигравших конфисковали около 3000 домов и имений. Это событие использовалось для усиления той сети патронажа, от которой зависели *бакуфу* Камакуры. С тех пор пост *сегуна* формально занимали члены императорской семьи или Фудзивара, а правительством фактически руководили Ходзе, имевшие титул регента (*сиккен*, «держатель власти»). Сложность правительственной структуры еще сильнее запуталась с течением времени. Как

в удивлении писал Кортаззи, «одновременно... был император и один либо несколько экс-императоров... и императорский регент, “диктатор” (*кампаку*), номинальный сегун и номинальный регент при сегуне *(сиккен),* а реальная власть осуществлялась бывшим *сиккеном*». Как ни странно, некоторое время эта система работала. И до настоящего времени в Японии, в том числе в среде крупного бизнеса, сохраняется традиция маскировать настоящую власть за вереницей формальных назначенцев. Происхождение еще одной характерной черты японцев — отдавать предпочтение коллективному принятию решений — можно также вывести из стандартной процедуры управления при режиме Камакуры, когда в государстве было три главных ветви власти: *самурай-докоро* (отвечавший за порядок среди 2000 вассалов Минамото); *мандокоро* (общая администрация) и *монсудзе* (суд).

Более важно, что управление из центра запутанной бюрократией позволило усилить контроль за провинциями. Воинов-вассалов назначали на административно-полицейские посты (*сюго),* чтобы они контролировали воєн-ных и пресекали беспорядки; *дзито* (главы земель) находились под прямым контролем *бакуфу* и

имели право собирать налоги, обрабатывать новые земли, строить дороги и мосты и заведовать почтовыми станциями. Все занимавшие эти должности были связаны с правящим домом узами личной преданности, а также обязаны ему своими доходами. *Сюго* и *дзито* дополняли, а не подменяли собой власть таких императорских ставленников как наместники провинций, но с течением времени отодвинули роль последних на задний план. Соперничество юрисдикций и личная конкуренция создавали практически постоянную неразбериху, которая усугублялась природными бедствиями, необычайно часто приключавшимися в XIII веке. С другой стороны, *бакуфу* прикладывали все усилия для того, чтобы вершить беспристрастный суд, опираясь на изданный в 1232 году систематизированный кодекс феодальных традиций (Кодекс Дзеэй).

КАМИКАДЗЕ

Подчинив большую часть Китая и Кореи, монгольский вождь Кублай-хан вознамерился покорить и Японию. Первая попытка завоевания была предпринята в 1274 году, и вблизи Хаката, Северный Кюсю, возвели укрепления. Японцы спаслись, но не благодаря собственным геро-

ическим усилиям: флот захватчиков погубил шторм. В 1281 году пришла вторая экспедиция, впятеро больше и состоявшая из 4400 судов и 140 000 солдат. Снова у Ха-като был создан плацдарм для нападения, снова сопротивление японцев и еще один шторм уничтожили врага. Японцы нарекли эти тайфуны *камикадзе* («божественный ветер») и сочли их знаком того, что небеса хранят «Землю богов». Тем не менее режим чувствовал необходимость не прекращать оборонительную деятельность. Оборона потребовала сооружения значительных укреплений на побережье и мобилизации такого числа рабочих рук, что выпуск сельскохозяйственной продукции практически прекратился. Истощение ресурсов нации не возмещали ни новые земли, ни добыча и награды тех, кто защищал Японию своими мечами или, как буддийские монахи, молитвами. В итоге недовольство народа ослабило власть Ходзе, и их режим покатился к неизбежной катастрофе.

Камакура

Прибрежная Камакура была выбрана местом резиденции правительства *бакуфу*, в основном, по стратегическим причинам. Семь подходивших к ней дорог проходили через горные перевалы, которые легко было оборонять. В сердце города располагался храм Цуругаоко, посвященный богу войны и покровителю клана Минамото, Хатиману.

Хотя население Камакуры достигало 50 000 человек, она никогда не тягалась с Киото за звание центра бурной городской жизни. Дама Нидзе, экс-любовница оставившего престол императора, писала о Камакуре как о районе, где местные воины про посещении храма не надевают подобающие паломникам белые одежды и входят «в обычной одежде самых разных цветов». Что же касается самого города, то «дома поднимаются по склонам горы террасами, теснясь подобно запиханным в мешок вещам. Я нахожу это довольно отталкивающим зрелищем». Придворные Киото, возможно, и лишились политического веса и находились в более худших экономических условиях, но презрение дамы Нидзе показывает,

что их снобистская самоуверенность оставалась непоколебимой.

Рыцари и самураи

Самураев сравнивают со средневековыми рыцарями Европы. Некоторые поверхностные аналогии очевидны. И те и другие должны были уметь мастерски обращаться с оружием, быть храбрыми в бою и преданными сюзерену, который, в свою очередь, великодушно награждал соратников общей добычей и кровом над головой. И рыцари и самураи должны были соблюдать кодекс чести, игнорировать трудности, культивировать самоконтроль и презирать богатство, однако японскому воину были чужды и галантное отношение к дамам, и религиозное рвение крестоносцев. Женщины самураев должны были быть такими же твердыми и послушными долгу, как и мужчины, и даже сражаться в случае необходимости — они умели обращаться с длинными алебардами *{нагината).* Тогда как рыцари часто сражались, чтобы расширить границы христианской веры или уничтожить еретиков, японские войны совершенно не касались идеологии. Религиозные убеждения самураев были вопросом их личного сознания и утешения; считалось, скорее, что вера будет опорой их главному служению и

чести, а не камнем преткновения.

Существенно отличались и связи между сюзереном и вассалами. В Европе все очевиднее становились контрактные отношения, в то время как в Японии обязанность служить была абсолютной и безусловной. Еще одно важное различие касается прав наследования. В средневековой Европе титул отца и все имущество обычно получал старший сын, в Японии же отец имел право выбрать себе преемника, и если он считал старшего сына негодным для этой роли, то наследство могло достаться другому сыну, при-ёмному сыну или даже племяннику. Естественно, подобные решения не всегда принимали спокойно; иногда они осложнялись тем фактом, что «сын» мог быть старше усыновившего его «отца». Хотя и рыцари и самураи должны были выказывать милосердие к побежденным, церковь поощряла рыцарей сдаваться в плен, самураи же предпочитали смерть бесчестью. Тех, кто попадал в плен, ожидали пытки, а затем жизнь в рабстве у победителей. Многие самураи расставались с жизнью на поле битвы, отказываясь принять подобную судьбу. К XII веку эта практика фактически институционализировалась, выражаясь в акте ритуального самоубийства, которое правильно называть

сэппуку, но которое более известно как *харакири* (вспарывание живота). Разумеется, для западного рыцаря самоубийство строжайше запрещалось христианской церковью. Но для самурая оно воплощало презрение к смерти и, следовательно, его крайнюю мужественность.

Нитирэн

В этот период тенденцию к развитию специфически японских форм буддизма подкрепило появление новой популистской секты, названной по имени своего создателя нитирэн, и распространение (особенно среди воинского сословия) дзэн, совершенно иной формы веры. Оба течения представляли собой желание более непосредственной и удовлетворительной формы духовного опыта и, таким образом, были негативной реакцией на эзотерические манускрипты и сложные ритуалы. Первое из названных учений полагалось в деле спасения исключительно на сострадание Будды, второе ставило его в прямую зависимость от индивидуальных усилий.

Если такие активисты амидаизма, как Хонэн, Синран и Иппэн, напоминали своим подходом «возрождецев», то Нитирэн (1222-1282) более походил на ветхозаветного пророка или на Савонаролу. Абсолютно уверенный в своих убеждениях, он отвергал любые компромиссы, стремился сделать свою доктрину официальной государственной религией и охотно убивал неверующих как еретиков. Он порицал произнесение

нэмбуцу как «омерзительную практику» и называл Кобо Дайси «величайшим лжецом Японии». Вместо *нэмбуцу* он использовал слова «Наму мехо рэнгэ ке» — «Слава Сутре Лотоса Благого Закона» — и сделал этот текст стержнем своего учения. Дважды изгнанный за радикальные взгляды, Нитирэн «скромно» отождествлял себя с бодхисаттвой Великого Действия; он также прославился тем, что предсказал нашествия монголов. Характерно, что его имя читается двумя способами, в первом случае оно означает «Солнечный Лотос», во втором — «Японский буддизм». К 1469 году половина жителей Киото практиковала нитирэн-буддизм, но позднее преследования привели к тому, что фокус доктрины сместился от фанатизма к образованию. Одним из значимых современных «отпрысков» этого движения является Сока Гаккай, основанное в 1930 году «Общество создания ценностей», которое в послевоенный период спонсировало собственную политическую партию Комэй-то (Партия чистой политики), а также собственные университет, издательский дом и симфонический оркестр.

В то время как некоторые ученые проводят параллели между европейским и японским феодализмом, другие усматривают сходство между

христианством и эволюцией буддизма в их убеждении в спасении через веру и последующую жизнь в раю. Проводя сравнение дальше, можно усмотреть аналогию и с Реформацией в том, что религиозные обряды стали осуществляться больше самой паствой, чем при монастырях, духовенство могло состоять в браке, манускрипты переводились на доступный язык, а религиозная и национальная идентичности сливались воедино.

Дзэн

Слово «дзэн» (по-китайски «чань») происходит от санскритского «дхьяна» (медитация). Дзэн возник в VI веке в Китае и начиная с XII века получил широкое развитие в Японии. Целью дзэн является достижение просветления (*сатори*), но не такими традиционными методами, как изучение манускриптов, выполнение ритуалов или совершение богоугодных дел.

Техники дзэн включают в себя глубокую медитацию *(дзадзэн*), которую практиковал Догэн (1200-1253) — основатель секты Сото; разгадывание загадок *(коан),* как рекомендовал Эйсай (1141-1215) — основатель секты Рин-дзай; и даже «физический шок», например от громких криков или внезапного удара рукой либо увесистой палкой. Все школы подчеркивают важность тесной личностной связи между учеником и мастером. Презрение дзэн к мелочной логике, его усилия примирить самоконтроль со спонтанностью и оригинальное чувство юмора («Представьте звук хлопающей ладони»; «Каким было твое настоящее лицо до того, как ты родился?») — все способствовало его глубокому проникновению в

среду правящего класса.

ДВА МАСТЕРА

Дзэнские идеалы изящества и сдержанности позднее проявили свое влияние в таких различных областях, как каллиграфия и стрельба из лука, искусство писания тушью и роспись по керамике, чайная церемония и садовый дизайн. Один из самых почитаемых садовых дизайнеров был последователь дзэн Мусо Сосэки (1275-1351). Будучи странствующим монахом, он вписывал в природный ландшафт сады, которые разбивал вокруг небольших горных церквушек. Подобное смешение «природного» и «искусственного» отражает типичное для дзэн отрицание реальности и смысла категориальных различений, каковое, например, выражали целенаправленно отобранные и уложенные камни, призванные напомнить, что они тоже порождения природы и тоже могут «жить» и даже «расти». На склоне лет Мусо стал настоятелем киотских монастырей Тенрюдзи и Ринсэндзи, где создал еще более сложные пейзажные сады. Его последнее творение, сад при Сайходзи, прославилось тем, что там растут преимущественно мхи.

Внимание дзэн к самостоятельному пути к

спасению способствовало своеобразному эксцентрическому индивидуализму, примером которого стала жизнь «сумасшедшего монаха» Иккю Содзюна (1394-1481). Он нарушал условности и традиции, нередко посещал бордели, был накоротке с крупнейшими торговцами и содержал компанию богемных помощников, среди которых был Боку-сай (умер в 1496 году), написавший портрет Иккю и его биографию. Другим учеником Иккю был священник Дзю-ко (Мурато Сюко, 1422-1502), служивший Есимаса консультантом по китайскому искусству и придумавший ритуал чайной церемонии с ее степенными поклонами и маленькими соломенными домиками. Утонченный каллиграф и одаренный поэт, писавший по-китайски и по-японски, Иккю в то же время был и страстным проповедником. Несмотря на свою непредсказуемость, он был назначен настоятелем киотского храма Дайтокудзи и использовал свои контакты с богачами для дорогостоящего финансирования восстановительных работ в монастыре. Даже на старости лет он не чурался скандалов, поддерживая демонстративно публичную любовную связь со слепой женщиной-музыкантом Мори.

Кузнецы, скульпторы и ученые

Как гласит японская пословица, «меч — душа самурая». Два меча самурая были знаком его отличия и его инструментом. В период Камакура искусство изготовления мечей достигло непревзойденной высоты, что не удивительно — с учетом доминирования в то время военного сословия. Крайняя серьезность, с которой подходили к изготовлению мечей, выражалась в том факте, что к кузницам относились будто к храмам, а сами кузнецы перед работой совершали синтоистские церемонии, призванные обеспечить состояние ритуальной чистоты. Мечам часто давали имена и передавали от отца к сыну как семейные сокровища. Прямые железные мечи стали ввозить из Китая и Кореи еще в III веке до н. э.; характерные для Японии изогнутые мечи появились к X веку, с той поры началось развитие различных школ их изготовления. Кузнецы научились сочетать в мечах мягкую и твердую сталь, тем самым оружие, по словам одного из специалистов, получалось одновременно со свойствами молотка и клинка: оно было достаточно острым, чтобы отражать другие мечи

и не разрушаться, и достаточно тяжелым, чтобы разрубить человека от плеча до пояса единственным ударом. (Самым страшным считался удар от бедра.) Вдоль заостренного края лезвия проходил *ха-мон* — линия узора, возникающая после закалки в ре-

зультате формирования в металле мелкозернистых кристаллических структур. Некоторые рисунки *хамон* были похожи на изморозь на траве, другие — на звезды на небе: кузнецы придавали им неповторимые узоры, которые должны были служить для идентификации меча и подписью сделавшего его мастера. Кроме того, более простым способом пометить меч был *тан* — рукоять, вкладывавшаяся в руку, которая также указывала на происхождение меча. Постепенно среди ремесленников произошла специализация, в отдельное направление выделилось изготовление ножен для мечей и различных мест для их хранения и подставок, причем все эти предметы выглядели по-разному в зависимости от использования. Мечи стали главным предметом экспорта в Китай, так, только посольство 1483 года увезло с собой 37 000 клинков.

ДИНАСТИЯ СКУЛЬПТОРОВ

Другим искусством, достигшем новых высот, оказалась скульптура, многие объекты которой ставились вместо изображений, разрушенных в ходе войн Минамото за власть. Японские мастера обычно работали не с камнем, а с деревом либо бронзой. Скульптуры, которые они делали, обильно расписывались и нередко украшались глазами из кристаллов, коронами из драгоценных камней или металлическими мечами. Значительная часть фигур изображала буддийских богов или святых, но важной инновацией периода стало появление реалистичных статуй, с портретным сходством, например статуй выдающихся проповедников или государственных деятелей. Напротив, охранявшим буддийские храмы демоническим фигурам придавали преувеличенно злые лица, позы и жесты, что должно было наводить ужас на верующих. В иконографии подчеркивались спокойствие и сострадание Будды

Великий Будда в Камакуре

либо ужасы ада — так пытались передать базовые принципы утонченной веры неграмотным крестьянским массам.

Величайшими скульпторами эпохи были Кокэй, его сын Ункэй (умер в 1223 году) и внук Танкэй. Все шесть сыновей Ункэя также стали скульпторами, и их потомки продолжали ра-

ботать скульпторами в Камакуре вплоть до XIX века. Самая грандиозная — в буквальном смысле — скульптура этого периода — 52-футовая статуя бронзового Будды, сделанная в 1252 году; она остается одной из самых известных достопримечательностей Камакуры.

К важным достижениям искусства того же времени относят живопись на многометровых полотнищах (*эмаки-моно)* и создание гончаром Тосиро в Сэто печи для изготовления японского фарфора. Тосиро (он же Като Саэ-мон Кагемаса), как говорят, учился в Китае и считается отцом-основателем прикладной японской керамики, хотя с исторической точки зрения это весьма призрачная личность.

ГРАМОТЫ, САГИ И РАССКАЗЫ

Развитие литературы запаздывало по сравнению с развитием искусств, поскольку военное сословие использовало письменность больше в практических целях. Знание письма, в основном, служило для таких государственных целей как изготовление грамот, составление различных перечней и отчетов о придворной жизни и свидетельствовало об усилиях сегуната привнести административный порядок в хаос феодальной

действительности. Документы составлялись на специфической смеси разговорного японского и официального китайского языков, смешивая в себе национальные и иностранные элементы и отражая тем самым постепенное возникновение в Японии собственной формы письменности.

Песни и устные рассказы о войне удовлетворяли потребности самураев в литературном разнообразии. Сэн-сом не считает стихотворения, в изобилии сочинявшиеся при дворе, полноценной поэзией, находит их скучными и педантичными, хотя затем великодушно заключает, что «стихосложение, в самом худшем случае, является простительной слабостью, и, возможно, оно помогало поддерживать поэзии свой дух живым». Из дошедших до наших дней работ можно назвать отдельные фрагменты и поэмы, созданные наиболее вдумчивыми из членов религиозных орденов. Самое известное произведение — «Ходзеки» («Записки из кельи») Камо-но Темэя (умер в 1216 году), рассказ о беспрестанно преследовавших автора бедствиях и несчастьях, которые в итоге разрушили его карьеру и привели к уходу в отшельники. Пострадав последовательно от пожара, голода и землетрясения, он обрел утешение в красоте времен года и

более всего любил «подремать в тишине».

Сегунат Асикага

Истощенные усилиями противостоять монголам, неспособные надлежащим образом вознаградить своих сторонников и ослабленные неподходящими на роль наследников лидерами, Ходзе метались от одного дела к другому, пытаясь восстановить национальные финансы, приказывая простить старые долги и аннулировать продажи заложенных земель, а затем объявляли эти приказы недействительными и аннулировали уже аннулированное.

Почуяв упадок династии, император Го-Дайго (1288-1339) немедленно начал интриги против Ходзе. В 1333 году он сумел сбежать из островной ссылки и при поддержке придворных Киото, жаждавших прежнего величия, и западных феодальных магнатов, движимых жадностью и завистью к восточным, набрал воинов. Режим Камакура послал отряды для сокрушения мятежников, по иронии одну из армий возглавлял потомок клана Минамото, Асикага Такаудзи (1305-1358). Когда еще один полководец развернул свои войска и направился прямо на ставку Ходзе, последние совершили массовое самоубийство.

Асикага Такаудзи. Портрет на шелке (ок. 1360 г.)

Период личного правления Го-Дайго, известный также как «Реставрация Кэмму», оказался недолговечным. Выказывая покровительство избранному кругу придворной знати, император

не только оттолкнул от себя бывших военных союзников, но и зарекомендовал себя человеком, не понимающим реалий политической власти. Не вняв урокам прошлого, он упорствовал в глупости и пытался ввести очередной национальный налог для строительства новой огромной императорской резиденции. Группа заговорщиков во главе с Асикага Такаудзи начала войну, которая шла с переменным успехом, и, невзирая на героическое самопожертвование самого преданного сторонника Го-Дайго, Кусуноки Масасигэ (ум. в 1336 году), окончилась бегством Го-Дайго через реку Есино в гористые районы на юге Нары. Одним из побочных следствий неудачной попытки повернуть политическое время вспять был манифест, написанный Китабатакэ Тикафуса (1293-1354) — «Запись подлинной родословной божественных императоров», — который отражал попытку подтвердить право Го-Дайго на власть через апелляцию к его генеалогии. Начальные слова манифеста («Великая Япония является землей богов») представляют собой один из ранних примеров националистической доктрины об уникальном превосходстве японской нации, которое возникло благодаря непрерывной императорской линии. Как ни забавно, это

утверждение возникло именно тогда, когда две ветви императорских наследников сражались между собой насмерть ради того, чтобы решить, какая из них в действительности обладает прямой связью с мистическим прошлым.

ДВА ДВОРА

«Южный двор» при Есино продолжал существовать более пятидесяти лет. «Северный двор» находился в Киото и подчинялся финансируемым Асикага марионеточным правителям. Обе императорские линии были снова объединены в 1392 году третьим сегуном Асикага, Есимицу (1358-1408). Есимицу сделал резиденцией правительства округ Киото, Муромачи, и поэтому период сегуната Асикага также называют эпохой Муромачи. В 1395 году Есимицу отрекся от трона в пользу младшего сына, Есимоти (1386-1428), чтобы гарантировать преемственность, но при этом остался реальным главой правительства, хотя и не требовал от нового императора и его окружения какого-то особого отношения к себе. Щедрый покровитель и подлинный знаток искусства, он жил в роскоши в прославленном Золотом павильоне (Кинкакудзи), который в настоящее время считается одним из величайших сокро-

вищ Японии. Кроме того, Есимицу внес большой вклад в повторное открытие официальной торговли с Китаем, бывшей под запретом с начала монгольских нашествий. Китайцы разрешали торговые отношения только под видом выплаты дани и, в любом случае, нуждались в торговле с Японией не для себя, но больше как в способе принудить японцев контролировать их кишащие пиратами воды. То, как Есимицу жаждал получить признание в качестве «правителя Японии» от китайского императора династии Мин, сделало его объектом единодушных насмешек японских историков.

ПАДЕНИЕ ДИНАСТИИ

Асикага достигли пика власти при расчетливом Есимицу, склонном к алкоголизму Есимоти и его младшем брате, пуритански настроенном Есинори (1394-1441), но они никогда не достигали уровня *бакуфу* Камакуры. Все трое были безжалостными и жестокими, но в эпоху, отмеченную именно такими качествами, этого было недостаточно для гарантии собственной гегемонии. *Сюго* перестали быть эффективными назначенцами, поскольку превратили свои должности в наследственные. Крупные феодальные дома

— Хосокава, Хатакэяма и Сиба — сами превратились в центральную бюрократию. Обширные регионы, наподобие Кюсю, стали практически автономными. Крестьяне, преследуемые стихийными бедствиями, инфляцией и поборами либо вдохновленные буддийскими образами рая, периодически поднимали восстания. Но именно споры военного сословия за наследование привели к наиболее длительным войнам и, в конечном счете, предопределили судьбу *бакуфу*.

Восьмой сегун, Есимаса (1436-1490), предпочитавший придворные развлечения все более мрачневшей и катившейся к анархии действительности, в 1464 году решил назначить своим преемником собственного брата Есими. На следующий год, однако, жена Есимаса потребовала еде-лать наследником его сына. Это вылилось в длительные дрязги соперничавших сторон, яростно сводивших между собой старые счеты. Исходом стала война Онин (1467-1477), в ходе которой был сожжен Киото, а власть Асика-га над провинциями сведена к чисто номинальной. Более поздние сегуны Асикага были в значительной степени марионетками Хосокава, и японские историки называют столетие их т. н. «правления» Сэнгоку Дзидай — эпохой воюющих государств.

Искусство посреди пепла

Несмотря на беспорядки, экономическое развитие продолжалось, хотя и неравномерно. Порты Хаката, Сакай (Осака) и Хего (Кобэ) существенно выросли. Замки в Одавара и Кагошиме превратились в центры процветающих городов. Улучшились и техники орошения земель, поскольку стали использовать водные мельницы. Улучшение качества мечей означало и улучшение фермерских орудий. Выращивание ячменя, рост использования удобрений и одновременное культивирование двух растений на одном поле — все благоприятствовало повышению урожайности. Регионы стали специализироваться на выращивании чая, льна и гашиша; японцы научились производить бумагу, шелк и одежду из хлопка; стали появляться свободные купцы, которые противились ограничивающей деятельность системе гильдий: так начала возникать ориентированная на рынок модель производства, отходившая от практики простого замещения товара исключительно в целях собственного выживания.

Фильм режиссера Куросавы «Семь самураев»,

действие которого происходит в ту эпоху, изображает крестьянство, страдающее от жестоких бандитских налетов, но даже Куросава в конечном счете отдает победу крестьянам. Возможно, подобно шедшей в то время в Англии войне Алой и Белой розы, феодальные побоища этого периода принесли больше бед их непосредственным участникам, чем невинным свидетелям. Способность общин к быстрому восстановлению после поджогов и грабежей, а также стремительный рост численности населения и его миграция на значительные расстояния развили экономическую и социальную гибкость и привели к образованию устойчивого излишка, необходимого для «инвестирования» в цели, которые в узком смысле были «не производительными», то есть в культуру.

ГОСПОДСТВО ДЗЭН

Асикага с особым почтением относились к одной из дзэн-буддийских сект под названием Ринзай, отбирая из ее членов (т. н. группы «Пяти монастырей», *Гозан)* монахов, которые служили советниками, кураторами, дипломатами и учителями. Если дзэн и не являлся государственной религией, он был, без сомнения, философией

правящего класса — не вдаваясь сами во все тонкости учения, верхи нередко склонялись перед теми людьми, кто их постиг.

Возводимые в тот период дзэнские монастыри зачастую украшались в строгом китайском стиле, в свою очередь отражавшем индийское влияние. Китайские предметы искусства и импрессионистские по духу картины тушью, пейзажи, высоко ценились и служили для японцев источником подражания. Признанным мастером искусства *суйбоку-га* (школа живописи, в которой рисунок выполняется черно-белой тушью) стал монах Сэссю (1420— 1506), на самом деле учившийся в Китае. Отсутствие лишнего и передача ощущений веса и глубины при помощи нескольких точных штрихов обозначали и вдохновленные идеями дзэн сады «сухих пейзажей» (*карэ-сансуй*), которые можно увидеть в Киото в садах Реандзи и Дайтокуд-зи, где камни и белый песок создают впечатление бегущей воды.

ДРАМА НО

В сфере актерского мастерства главным достижением было рождение из простых песен, танцев и пантомимы, обычно сопровождавших религиозные праздники и деревенские фестивали,

драмы *Но*, и переход ее на уровень *югэн* — скрытой и возвышенной красоты. В основном это была заслуга актера Канъами (1333-1384) и его сына и «продюсера» Дзэами (1363-1443), чья красота привлекла гомосексуального и щедрого сегуна Есимицу. Дзэами был театральным гением, он не только написал несколько пьес, но и создал собственную теорию драматургии и изложил ее в двадцати одном трактате. Дзэнский принцип «не-делания» привел его к обоснованию того, что игра актера должна быть не реалистичной, а символичной. В высшей степени стилизованные представления *Но* часто рассказывали о сверхъестественном или о безумии, поэтому изображали ангелов, призраков и демонов, а суть спектакля заключалась больше в стиле, чем в сюжете. Развитие сюжетной линии оказывалось гораздо менее важным по сравнению с многократным подчеркиванием од-ной-единственной эмоции, доведения ее до предела и кульминации. Театр *Но* по-прежнему имеет преданных поклонников среди знатоков, хотя из двух тысяч пьес, которые, как известно, были написаны, до нас дошли тексты только восьмисот, и из них в активном репертуаре находится примерно треть. От непосвященных требуется много зна-

ний, чтобы воспринимать представление *Но* не только как великолепную костюмную мистерию. В меньшей степени то же самое справедливо и для спектаклей *кегэн* («безумные слова»), показывающих смешные и печальные сценки из жизни. *Кегэн* варьируется от сатиры до фарса и часто высмеивает претензии на авторитет со стороны священнослужителей или деревенских старейшин. Непосредственный, простой и иногда жестокий, этот жанр представляет собой юмор аутсайдеров и неудачников.

Примечательной литературной инновацией периода Муромачи стала мода на *ранга* — поочередное сочинение стихов, которое давало шанс участникам выказать свои образованность и остроумие. Как правило, один человек придумывал первые три строчки, еще две должен был сочинить другой, а затем третий снова брал последние три строки и дополнял их собственными, и так без конца. Типичное соревнование ранга могло состоять из сотни стансов. Опытные поэты могли манипулировать «спонтанностью» и увязывать отдельные строки в развитие определенной темы, например смены времен года. От придворных *рэнга* распространились в среду монахов, самураев и даже торговцев, и их более простые

формы стали предтечей юмористического *сенрю* в период Эдо.

Парадоксально, но эта эпоха беспорядков и катастроф также сопровождалась постепенной формализацией элегантной чайной церемонии и основанием школ, которые были призваны увековечить и облагородить такие тонкие искусства, как воскурение фимиама и аранжировка цветов *(икебана).*

ГЛАВА 5. *Столетие христианства, 1543-1639 годы*

Всеобщая анархия, которая случилась в результате войны Онин (1467-1477), продолжалась свыше ста лет: феодальные владетели, искатели приключений и даже деревни объединялись в банды для взаимной защиты и сражались друг против друга, борясь за выживание или превосходство. Характер военных действий значительно поменялся с появлением огнестрельного оружия, строительством укрепленных замков и переходу от конницы, сражавшейся мечами и луками, к пехоте с ее пиками и ружьями. Японские историки пишут о своеобразном повторении дарвиновской борьбы видов, *гэкокудзе* («подавление высших низшими»), — «те, кто был внизу, ниспровергали вышестоящих». Этот процесс наглядно иллюстрирует окончательный упадок сегуната Асикага. В течение примерно восьмидесяти лет (1490-1568) остатки его авторитета сохранялись за семьей Хосокава, затем их власть отобрали Миеси (1558-1565), в свою очередь семейство Миеси свергли их же вассалы Мацунага (1565-1568).

Когда в 1573 году Киото покинул последний из Асикага, это стало знаком конца династии.

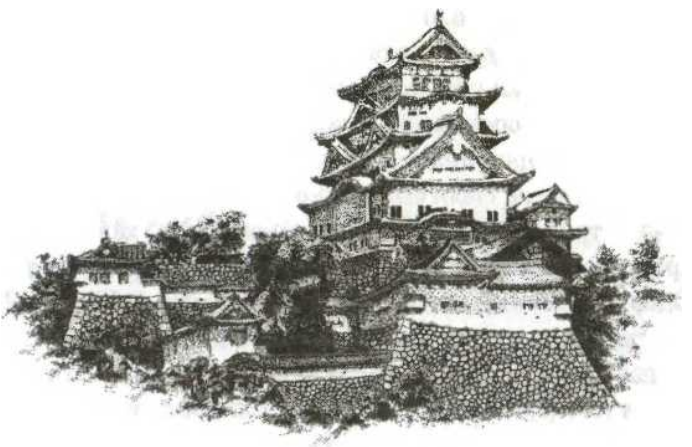
Оставление Киото, сердца правительства, не вполне отвечало складывавшемуся более широкому контексту событий. Будущая судьба Японии во многом сформировалась в ходе столкновений между великими военными повелителями провинций и их желанием поставить страну «под один меч». Работу по национальному воссоединению начали три человека, совершенно разных по характеру и происхождению, но одинаково хитрых и безжалостных. Одна из аналогий гласит, что Ода Нобунага (1534-1582) высекал камни из скалы, Тоетоми Хидэеси (1537-1598) придавал им форму, а Токугава Иэясу (1543-1616) укладывал их в нужное место. Контраст личностей подчеркивает история о том, как они разозлились на певчую птичку, которая не хотела петь. Ода приказал убить ее, Тоетоми поклялся заставить ее петь, а Иэясу знал, что если наберется терпения и будет ждать достаточно долго, то в итоге птичка запоет — как он того пожелает.

Процесс национального объединения усложнялся первыми контактами японцев с европейцами. Эти контакты вылились во вторжение, но не политическое или экономическое, а культурное

и технологическое. Чаще всего в Японию приезжали торговцы и миссионеры, и они привезли с собой такие новшества как ружья, очки, часы, ковры, написанные маслом картины, табак, сладкий картофель, хлеб и — конечно — христианство.

Ода Нобунага

Ода Нобунага начал свою карьеру завоевателя как младший лидер самого слабого клана, замок которого был в Нагое. В своей первой битве он принял участие, когда ему исполнилось тринадцать лет. Воин от бога, он быстро понял ценность ружей и первым применил их в массовом порядке для того, чтобы одержать в сражении верх. Кроме того, он впервые стал защищать корабли железной броней.



Замок Химэдзи (завершен в 1617 г.) — прекрасный образец японского феодального укрепления; таким же был Адзути — замок Нобунаги

Именно Нобунага привел к власти последнего из рода Асикага, Есиаки, а затем лишил его этой власти, когда тот перестал довольствоваться ролью марионетки. Когда воинственные монахи Энрякудзи, огромный монастырский комплекс которого затмевал собой Киото, попытались поднять против него восстание, Нобунага превратил монастырь в пепел и уничтожил всех до единого его обитателей. В 1576-1579 годах армия рабов построила ему потрясающий замок в Адзути, смотревший на самое большое японское озеро Бива. Для изготовления золотых экранов невиданной роскоши был нанят самый известный художник того времени, Кано Эйтоку (1543— 1590). К 1582 году вокруг стен замка вырос маленький город со свободным рынком, однако в том же году Нобунага пал жертвой одного из своих полководцев. Направив войска на подавление мятежа в западной Японии, он не пожалел времени на то, чтобы насладиться чайной церемонией в храме Хоннодзи в Киото. Здесь его окружили отряды под командованием Акэти Мицухидэ. После яростного, но бесполезного сопротивления

Нобунага закончил свою жизнь в духе отважных героев Вагнера, вонзив меч себе в живот в то время, как вокруг него рушился в огне древний храм. Ко времени смерти Нобуна-ги под его властью находилось свыше половины японских провинций, в том числе центральный регион вокруг Киото. Благодаря тому, что он провел новые переписи земель, отменил различные виды пошлин и начал разоружение крестьянства, Нобунага заложил основу, с которой новые правители стали создавать новую Японию и повели ее к порядку и процветанию.

«ОБЕЗЬЯНА»

Уже вскоре за Нобунагу отомстил некрасивый маленький человек, сам себя называвший «обезьяной». Возможно, Тоетоми Хидэеси и был невысок ростом, но его амбиции были огромны. Обычный солдат-пехотинец, он был непревзойденным мастером осады. Тоетоми поступил на службу к Нобунаге и быстро возвысился; он чувствовал себя совершенно готовым продолжить то дело, которое начал его хозяин. В 1587 году он отпраздновал успех жестокой карательной экспедиции в южном Кюсю, организовав десятидневную пышную чайную церемонию в храме

Китано в Киото. С 1588 года Тоетоми ускорил процесс разоружения крестьян, начав так называемую «охоту за мечами» *(катана гари).* К 1590 году его власть признали по всей стране; тогда же он приказал провести перепись, результаты которой сделал базой для новой системы землевладения и налогообложения. С этого времени выплачивать налоги стало возможно не только деньгами, но и рисом. Изымаемые излишки оказались гораздо сильнее привязаны к реальной сельскохозяйственной производительности, что ставило в прямую зависимость доходность и военный потенциал, позволяя оценить, насколько можно обеспечить армию в той или иной местности. Право крестьян на обработку земли гарантировалось, но ценой безопасности была потеря свободы: запрещалось не обрабатывать часть своей земли или же покидать ее. Чтобы закрепить деление на сословия, в 1591 году выпустили указ, предписывавший ремесленникам и торговцам жить в городах и воспрещавший им селиться в деревнях. С тех пор каждый человек, по крайней мере, в теории, был обязан продолжать заниматься тем же делом, что и его отец. Так началось изменение социального порядка.

Административные реформы Тоетоми также

сопровождались возведением множества замков, чеканкой новой монеты, взятием под контроль всех золотых и серебряных рудников, торговлей с иностранцами и учреждением единой системы мер и весов.

ВТОРЖЕНИЕ В КОРЕЮ

В 1592 году Хидэеси передал власть своему племяннику и начал строить себе экстравагантную резиденцию вблизи Киото, у Фусими. Ее ворота в китайском стиле сохранились в киотском замке Нидзе. В том же году Хидэеси решил завоевать остальной мир, то есть Китай. Первым шагом для этого стало вторжение в Корею.

Японские захватчики сталкивались с ожесточенным сопротивлением, корейский император обратился за помощью к китайцам, корейский флот сплотился вокруг адмирала Юи. Хотя первая китайская контратака была отбита, скоро японцев ослабили сопротивление корейских партизан и нехватка военно-морских сил. Японцев неуклонно отбрасывали от границ Маньчжурии, сначала они оставили Пхеньян, а затем Сеул. Попытки заключить при помощи посредников мирное соглашение провалились, а в 1597 году Хидэеси предпринял вторую попытку напасть,

его силы составили 100 000 человек. Вновь кампания стартовала удачно, а потом провалилась. Внезапная смерть Хидэеси в 1598 году привела к немедленному прекращению чрезвычайно деструктивного и в конечном счете бесплодного предприятия.

Историки долго спорили, были ли корейские экспедиции доказательством мании величия Хидэеси или же прозорливой попыткой направить бешеную военную энергию прочь от мира, который такой дорогой ценой удалось установить в самой Японии. Какой бы ни была мотивация этих походов, они имели два вполне конкретных следствия: длительную вражду между двумя странами и, как ни парадоксально, обогащение японской культуры благодаря иммиграции корейских ремесленников, прежде всего гончаров и печатников.

Ставший все-таки императором

Хидэеси был бездетен и уже назначил своим преемником Хидецугу, когда в 1593 году внезапно узнал, что станет отцом. В 1595 году Хидецугу получил приказ совершить самоубийство, а его семья и наиболее верные сторонники были уничтожены, чтобы исключить любую возможность смещения нового наследника, тогда еще ребенка, Хидэе-ри. Летом 1598 года умирающий Хидэеси создал совет регентов из пяти человек для гарантии будущей власти принца, а охранять ребенка поручил Токугаве Иэясу, который — несмотря на все потрясения и перевороты предыдущих пятидесяти лет кровопролития — сумел остаться с победителями, и с Нобунагой, и с Хидэеси.

Большую часть своего детства Иэясу провел в заложниках, и расчетливость стала его второй натурой. Ему приписывается множество высказываний, которые показывают его характер: «Относись к неприятным обязанностям внимательно», «Считай злость своим врагом», «Принимай неудобство как должное, и ты не будешь беспокоиться о желаниях». Чтобы доказать лояльность Нобунаге, Иэясу убил свою первую

жену и старшего сына, когда тех заподозрили в заговоре против повелителя. А чтобы прочнее связать себя с Хидэеси, Иэясу отдал ему на усыновление другого сына и женился на его немолодой сестре. Ко времени смерти Хидэеси Иэясу был самым крупным землевладельцем страны: его угодья более чем в два раза превосходили угодья второго по значимости помещика. Нарушив собственную клятву защищать наследника Хидэеси, он начал подготовку к захвату власти. Заручившись поддержкой четырех феодальных вождей, он сокрушил противников в одной из самых значимых битв в истории Японии — в сражении при Сэкигахара, случившемся 21 октября 1600 года.

ОСНОВЫВАЯ ДИНАСТИЮ

Победа Иэясу привела к конфискации у побежденных восьмидесяти семи провинций и перераспределении их среди сторонников нового лидера. Иэясу также взял под контроль Киото и вместе с ним подчинил императора. В 1603 году он провозгласил себя сегуном. Крестьянское происхождение Хидэеси было объявлено причиной того, что тот недостоин такого титула, а Иэясу назвал себя потомком Минамото — основателей сегуната Камакура. Замок Нидзе был превращен

в номинальную столицу и роскошную резиденцию, откуда представители сегуна могли следить за императором и его двором. Тем временем в восточной Японии быстро укреплялся Эдо — цитадель клана Токугава.

В 1605 году, для обеспечения преемственности новой династии, Иэясу отрекся от титула сегуна в пользу своего третьего сына, Хитэдата. В типичном японском духе, старый тиран оставался реальным правителем страны, хотя большей частью проживал в уединении. Иэясу знал, что безопасность режима не может быть гарантирована, пока Хидэери и его обозленные соратники остаются в живых. Финальное противостояние двух сторон вылилось в длительную осаду (1614-1615), которая окончилась сдачей огромного замка Осака и самоубийством Хидэери посреди битвы. (Случайной жертвой этого ада пало множество художественных произведений Кано Эйнтоку.) В наши дни мы видим точную копию замка Осака. Последним политическим деянием Иэясу было налаживание управления феодальными доменами и имперским двором. После смерти Иэясу был погребен в столь потрясающем мавзолее, что даже родилась поговорка: «Никогда не говори слово “великолепный”, пока

не увидишь Никко». Возведенный в статус синтоистского *коми*, Иэясу также был назван именем «Тосе Дайгонгэн» — одного из воплощений Будды в образе целителя.

Чужестранцы

Впервые европейцы оказались в Японии случайно, когда китайская лодка, перевозившая португальцев, пристала к берегам острова Танэгасима. Пока команда чинила судно, португальцы гуляли и стреляли уток из ружей. До этого японцы никогда не видели ружей, но уже через шесть месяцев они научились их делать. Так с самого начала контактов между Японией и Западом началась передача технологий.

Япония и ее народ в ходе последовавших контактов двух культур произвели на европейцев значительное впечатление. Один из самых ранних (ок. 1565 года) англоязычных источников любопытным образом сочетает в себе осуждение японцев и уважение к ним:

Крайняя часть известного нам мира величается островом Япония... Это страна гористая и снежная, а потому ни такая теплая, ни богатая, как Португалия... растительным и сливочным маслом, сыром, молоком, яйцами, сахаром, медом, уксусом... Тем не менее на острове растут различные фрукты, многие из них не похожи на плоды Испании; здесь также есть богатые

запасы серебряных руд. Народ послушен, образован, остроумен, учтив, правдив, обладает достоинством, честен в разговоре и превосходит в этом все нации, открытые когда-либо позднее, и так дорожит своей репутацией, что это делает честь их верховному правителю. Они презирают беспорядок и споры, рабство и убийства... Живут они, в основном, ловлей рыбы, сбором растений и плодов, поэтому отличаются здоровьем и умирают очень старыми... Здесь ни одного человека не стыдят бедностью... они придают значение происхождению намного больше, чем богатству. Предметом их самого сильного восхищения является оружие... Они питаются скромно, но невоздержанны в питье.

Первый англичанин, который узнал японцев, обобщил их характер более лаконично: «Народ острова Япония добр но природе, обходителен в манерах и отважен в сражении...» **«ЮЖНЫЕ ВАРВАРЫ»**

За привезшими ружья торговцами вскоре последовали священники, которые принесли с собой евангелия. Японцы называли этих чужестранцев *«намбан»* — «южные варвары», — поскольку те обычно прибывали с юга, приставая к берегам Кюсю. Яркие рисунки, изображавшие

чужаков в пестрых одеждах, мешковатых штанах и с большими носами, впоследствии дали такое же название (*намбан*) новому стилю живописи.

На протяжении полувека монополия в миссионерском деле оставалась за иезуитами. Их лидер, святой Франциск Ксаверий восхищался японцами как «самым лучшим из открытых доныне народов» и называл их «восторгом своего сердца». Миссионеры подошли к своей задаче основательно и с осторожностью. Остро чувствуя культурные различия между христианскими и японскими традициями, они с методической дотошностью анализировали ситуацию. Итальянский викарий и главный настоятель миссии иезуитов Алессандро Валиньяно полагал, что «Япония — это мир, который является обратной стороной Европы». Его коллега испанец Луис Фройс, автор первой написанной европейцем работы «История Японии», скрупулезно перечислил все непривычные европейцам вещи, с которыми те сталкивались:

У нас редкость, чтобы женщины умели писать; знатные японские дамы считают же неприличным быть неграмотными.

В Европе портными трудятся мужчины, в Японии — женщины.

Святой Франциск Ксаверий. Японская копия западного оригинала

Мы верим в будущую славу или наказание и в бессмертие души; дзэнские бонзы (монахи) отрицают все это и говорят, что не существует ничего, кроме рождения и смерти.

Мы погребаем своих мертвых в земле, а японцы, в большинстве случаев, кремируют их.

Люди в Европе любят есть рыбу жареной или

вареной, японцы чаще предпочитают есть ее сырой.

Мы садимся на лошадь с левой ноги, японцы — с правой.

Наша бумага бывает четырех-пяти типов, в Японии насчитывается более пятидесяти разновидностей.

Мы ценим драгоценные камни и украшения из золота и серебра, а японцы — старые чайники, древний и разбитый фарфор...

Невзирая на замешательство, иезуиты составили португало-японский словарь и оделись в шафрановые наряды наподобие буддийских священнослужителей. Состоящий из 480 страниц трактат отца Жоао Родригеса «Искусство японского языка» стал первой попыткой дать систематизированный анализ сложной японской грамматики, которую иные из его братьев считали изобретением дьявола для того, чтобы воспрепятствовать распространению евангелий. Кроме того, иезуиты прибегали к помощи печатного дела: в большинстве своем издавались религиозные книжки, однако также были выпущены упрощенные версии басней Эзопа и «Хэйкэ Моногатари». (По совпадению ли, но метод печатного набора был заимствован у Кореи, где он

впервые появился в то же самое время.)

ВЫГОДА И ГОНЕНИЯ

В отсутствие какого-либо сильного централизованного правительства иезуиты относительно свободно могли распространять свою доктрину при активной поддержке той части японской знати, которая видела в христианстве безболезненный путь к высокодоходной торговле с португальской торговой базой в Макао, на южном побережье Китая. Помимо этого, японцы ценили возможность покупать у Запада ружья, различные виды вооружений и пушки.

С 1570 года в Нагасаки, на западном побережье Кюсю, под эгидой иезуитов возник крупный порт. Нобунага приветствовал христиан как противовес влиянию военизированных буддийских сект, ко времени его смерти в стране в христианство обратились порядка 150 000 японцев. Это был весьма впечатляющий успех, учитывая, что тогда в Японии находилось не более двадцати европейских священников, которым помогали примерно тридцать местных. Два года спустя первые посланники Японии прибыли в Европу, в Лиссабон: это были четверо мальчиков-хри-стиан тринадцати-четырнадцати лет, выбранных

тремя крестившимися лидерами Кюсю. В Мадриде их с почестями принял Филипп II, а в Риме — сам папа Григорий XIII. В ходе своей одиссеи мальчики вели себя весьма достойно, и спустя восемь лет вынужденный продолжительный вояж завершился благополучным возвращением домой.

Тучи над новой верой стали сгущаться, когда Хидэеси встревожило усиление ее влияния во вновь подчиненном Кюсю. Когда к нему пришли иезуиты и предложили свою поддержку завоевательным устремлениям, это озаботило Хидэеси, поскольку он понял, что миссионеры могут преследовать не только духовные цели. Было слишком легко представить себе сценарий кошмара, в котором окрещенные военачальники призывают себе на помощь чужестранцев и забирают власть. В 1587 году Хидэеси внезапно потребовал, чтобы все вассалы испрашивали у него разрешения перед обращением в новую религию. Он также приказал миссионерам покинуть Японию. Этому приказу последовали не все. В действительности количество христианских проповедников даже увеличилось — вместе с приходом францисканцев в связи с желанием Ватикана покончить с монополией иезуитов. С рвением и жаром при-

ступившие к делу францисканцы (в большинстве своем испанцы) скоро рассорились с тактичными иезуитами, представленными, в основном, португальцами. Трения между ними усилили ненависть все более подозрительного Хидэеси. В 1597 году он приказал жестоко распять (вниз головой, как преступников) двадцать шесть христиан; те встретили свою судьбу с мужеством. Расправа стала предзнаменованием грядущих событий. Но это предзнаменование не заметили.

СЛУГА СЕГУНА

В 1600 году в Японию прибыли новые европейцы — протестанты. К берегам Кюсю пристал голландский корабль «Лайвде», управлял им капитан-англичанин Уильям Адамс (1564-1620), а его истощенная команда походила на скелеты. Месяц спустя Адамс, через переводчика-иезу-ита, имел беседу с самим Иэясу:

Император (т. е. Иэясу) спросил меня, из какой я страны и что побудило нас прибыть на его земли, такие далекие. Я рассказал ему, как называется моя страна и что она находится далеко от Вест-Индии; что мы хотим дружбы со всеми правителями и ищем новые места для торговли, поскольку у нас есть разные товары, которых нет

в этой стране. Затем он спросил меня, случаются ли войны в нашей земле. Я ответил утвердительно: с испанцами и с португальцами. Он спросил меня, во что я верю; я сказал: «В Бога, который сотворил небеса и землю». Он спрашивал меня многое о моей религии и... о том, как мы попали в (его) страну. У меня была с собой карта мира, я показал на ней Магелланов пролив. Он удивился карте и сказал, что я лгу... И сказал мне, чтобы я показал все товары, какие есть на нашем корабле. В конце, когда он уже собирался уходить, я попросил, чтобы мы могли торговать, как португальцы и испанцы. На что он мне ответил, но что именно — я не понял. После этого он приказал отправить меня в тюрьму...

Заточение Адамса еще было счастливым исходом. Иэясу презрел требования иезуитов распять потерпевшего кораблекрушение как еретика, так как увидел в нем ценный источник политической информации и технического опыта. Вскоре Адамс стал учить сегуна математике, артиллерии и картографии, а также был возвышен до статуса самурая — с титулом *хатамото*, что означало право личного доступа к верховному правителю страны. Ни до, ни после Адамса никто из иностранцев не удостаивался подобной

чести. Адамсу дали земли, он женился на японке и получил большое удовлетворение, когда заменил иезуита Родригеса в качестве официального переводчика сегуна. В 1611 году он договорился о торговых отношениях между Нидерландами и Японией, а в 1613 году сделал то же самое для Великобритании. Позднее Адамс от имени Иэясу возглавил коммерческое посольство на Филиппинах. Кроме того, он первым в Японии начал строить корабли по образцу западных, за что с тех пор почитается как основатель японского военного флота. До настоящего времени у его могилы на холме, откуда открывается вид на военно-морскую базу Йокосука, в память о нем ежегодно проводится соответствующая церемония! Выдающаяся карьера Адамса послужила предметом вдохновения для сценариста Джеймса Клавелла, который сделал Адамса главным героем своего самого известного романа «Сегун».

ЗАКРЫТИЕ ЯПОНИИ

Последние годы Уильяма Адамса были омрачены потерей его привилегированного положения и общим понижением статуса европейцев. Даже дальновидного Иэясу на закате жизни стали раздражать иностранцы, их ссоры и интриги.

Христианство снова запретили. Семьдесят иезуитов уплыли обратно, но почти сорок человек ушли в подполье. При поддержке сотни японских сторонников они решили посвятить себя делу сохранения веры.

Смерть Иэясу лишила Адамса могущественного защитника. Хидэтада мало нуждался в Адамсе, предпочитал японских торговцев иностранным и одобрял враждебное отношение к христианству. Иэясу умел извлекать выгоду из интриг и соперничества католиков и протестантов, испанцев и португальцев, англичан и голландцев; его же преемник не получал удовольствия от принципа «разделяй и властвуй». В тот же год, как умер его отец, Хидэтада ограничил иностранную торговлю портами Нагасаки и Хирадо. Тщетными были попытки Адамса восстановить торговые привилегии для своих соотечественников; он не преуспел в этом и в 1620 году умер. Британская Вест-Индская компания, потеряв свой главный актив, прекратила японские операции три года спустя. Испанцев изгнали на следующий год за продолжавшуюся поддержку миссионерской деятельности под прикрытием торговли.

Наказания христиан делались все более суровыми. Иностранцы приобрели новообращенных,

но также заполучили и врагов: отрицание буддизма как идолопоклонства, естественно, настроило против них местных священнослужителей; порицание разводов, внебрачных сожительств и содомии встречало неприятие со стороны многих самураев, считавших это наглым вмешательством в их жизнь. Осуждение христианами ростовщичества раздражало японских торговцев, тем более что вся миссионерская деятельность финансировалась из прибыли, получаемой торговыми кораблями испанцев и португальцев, а эту нишу хотели занять японцы. Чужакам также вредили привычки сельского населения. Разве не убивали они и не ели полезных животных вроде лошадей и быков? Разве не использовали рабов?

В 1622 году в Нагасаки до смерти замучили пятьдесят одного христианина. В 1623 году новый сегун Иэмицу сжег еще пятьдесят человек в ознаменование своего прихода к власти. Всех японцев обязали для доказательства преданности проходить регистрацию в буддийских храмах. Систематически практиковались пытки заподозренных в отступничестве. Подозреваемых заставляли топтать изображения Девы Марии и Иисуса (*фумие*, буквально — «рисунок для наступання»). Уличенных в христианстве

топили в кипящей меди. (В 1597-1660 годах, по данным римской католической церкви, в Японии до смерти замучили 3125 человек.)

В 1635 году японским кораблям запретили плавать за границу, детей от смешанных браков депортировали, а в Нагасаки возвели искусственный остров Дэдзима, который стал домом — скорее, местом заточения — последних иностранных торговцев. Японцам, жившим за рубежом, было воспрещено возвращаться домой, нельзя стало строить и суда, способные ходить далеко в море. Финальный акт трагедии случился в 1637-1638 годах, когда крестьяне полуострова Кюсю, из Симбары, подняли восстание против угнетавшего их местного правителя, и 37 000 человек нашли убежище в покинутом замке. Среди них было много христиан. Бросая вывоз противнику, они пели гимны и вывешивали полотнища с изображением крестов. Голландцы, чтобы доказать, что их собственные интересы носят больше коммерческий, чем духовный характер, взяли у сегуната Токугава корабль и отправились обстреливать мятежников. Замок пал; его защитники — независимо от пола и возраста — были убиты. Голландцы же подтвердили свою преданность властям.

Когда в 1639 году, как обычно, пришли португальские корабли, им запретили разгружаться. В 1640 году приехала миссия из семидесяти четырех европейцев, умолявшая японцев возобновить торговлю; шестьдесят од-ного человека казнили, остальных отослали обратно, чтобы они могли рассказать о случившемся. Голландцы оставались жить в заточении на острове Дэсима (он же Дэд-зима), кроме них, никого из христиан в Японии больше видеть не хотели. Тем не менее *онандо-буппо* («буддизм на задворках») смог уцелеть и в 1865 году, уже в совершенно другом мире, было обнаружено 20 000 «тайных христиан».

Блеск против спокойствия?

Как заметил Фрэнсис Бэкон (1561-1626), английский государственный деятель, судья и философ, «внезапное богатство порождает дерзость». Хотя Бэкон был практически современником Уильяма Адамса, его знакомство с Японией было минимальным, но эта максима точно выражает то, что произошло с японскими правителями. Честолюбцам предстояло подтверждать свой статус. Эта эпоха получила имя от названия замка Нобунага, Адзути; ее уместной характеристикой станет слово «чрезмерность». Хидэеси выполнял чайную церемонию на золотой посуде, а его чайная комната имела стены и потолки, покрытые листами золота. Так или иначе, у него было чувство, но не было вкуса. Мастером его чайной церемонии был торговец Сэн-но-Рикю (1522-1591), сторонник естественности и простоты, «эстетический арбитр» своего времени. Хидэеси приказал ему совершить самоубийство, предположительна потому, что мастер отказался отдать в гарем правителя свою дочь. Чтобы быть справедливыми к Хидэеси, отметим, что он признавал талант мастера-гончара Тедзиро, который использовал

добытую вблизи резиденции сегуна глину для изготовления особых пиал для чайной церемонии, получивших название *раку*.

СИМВОЛИКА КРЕСТА И КУЛИНАРИЯ

Даже такой авторитарный лидер, как Хидэеси, был слишком бессилен, чтобы командовать прихотями моды. Многие японцы щеголяли в португальских одеждах или вешали на себя в качестве привлекающих взгляд аксессуаров четки. По-японски слово «пуговица» (еще одно новшество с Запада) звучит как «*ботан*» и является прямой калькой с португальского. Ремесленники использовали кресты и другие христианские мотивы в декоративных узорах на чашках, лаковых шкатулках и ножнах для мечей. Даже в кухню пришла мода на иностранное. Ложка для бисквита *касатэра*, одна из достопримечательностей Нагасаки, как полагают, пришла из Кастилии, а японское слово «хлеб» — *«пан»* — очевидно заимствовано из португальского. В наши дни большинство приезжающих в Японию иностранцев посещают рестораны, специализирующиеся на *тем-пура*, — нежных блюдах из птицы и овощей, хорошо обжаренных и пропанированных в смеси муки, яиц и масла. Слово *темпура* также

может происходить от португальского «готовить пищу» — *темперу*; либо от слова «храм» («templo») — как намек на христианских миссионеров, которые или готовили нечто вкусное по пятницам и в дни поста или просто скучали по жареной пище из-за монотонности нежирной японской кухни, основанной на вареной еде и на водяной бане.

ГЛАВА 6. *Закрытая страна, 1639-1853 годы*

Длительный период правления сегуната Токугава принес стабильность, которая позволила стране справиться с последствиями разрушительной борьбы. Процветание способствовало значительному росту городов и рождению новой, блестящей популярной культуры, достигшей своего апогея в период Гэнроку (1688-1704). В это время появились поэзия *хайку*, драма *кабуки,* плебейские романы, гравюры по дереву, а также школа чайной церемонии Ура Сэнкэ — самая крупная из современных нам. Наслаждение элегантностью в среде праздного класса привело к распространению искусства выращивания миниатюрных деревьев (*бонсай*) и ландшафтного дизайна. Архитектурный критик Кавадзоэ Нобору называет Эдо первым в мире «городом-садом», имеющим развитую отрасль, которая занимается круглогодичными поставками для садоводства.

Изоляция Японии не была абсолютной. В каждом порту была колония китайских торговцев, а голландцы привозили с собой не только им-

портные товары, но и новости из внешнего мира. Однако этих иностранцев всего лишь «терпели» и жестко ограничивали их дела коммерцией, да и ту сводили к торговле предметами мелкой роскоши, без которых можно было обойтись в случае необходимости. Вся внешняя торговля осуществлялась силами тридцати китайских судов, имевших право ежегодно приходить в Японию, плюс двумя голландскими кораблями.

Режим Токугавы пытался заморозить общество ради его собственного блага. Серьезно ограничив иностранное влияние, он запустил процесс культурной инволюции, сделавший Японию, если так можно выразиться, еще более японской, тогда как более открытые страны типа Британии становились все космополитичнее. Немецкий физик Энгельберт Кемпфер, служивший в 1690-х годах в голландской Ост-Индской компании, писал, что политика Токугавы выглядела исполнением природного предназначения страны:

...кажется, что природа намеренно создала эти острова как некий маленький мир, отделенный и независимый от других, сделав их труднодоступными и наделив в изобилии всем тем, что необходимо для того, чтобы жизнь их обитателей была и восхитительной, и приятной, а также

позволяла им существовать без всякой торговли с чужестранными народами.

Создавая метрополию

БАЗА ВЛАСТИ

В 1590 году Эдо представлял собой мрачную рыбацкую деревушку с покинутым замком. Сто пятьдесят лет спустя это уже был крупнейший город в мире. Такой феноменальный рост был прямым следствием политических решений, которые начали претворяться в жизнь после того, как Иэясу был назначен Хидэеси наместником восьми провинций равнины Канто. Иэясу мог выбрать своей резиденцией или город-крепость Одавара, богатый почти как сам Киото, либо старую столицу сегунов — Камакуру. Вместо этого он решил поселиться в Эдо, заброшенном месте, которое тогда считалось дальней окраиной не слишком цивилизованного региона. Почему?

У Эдо был ряд очевидных преимуществ. Он находился на пересечении нескольких главных торговых путей и у крупного, тихого залива, где могли быть возведены портовые сооружения. А сам факт дурного развития означал, что здесь есть где развернуться. Самым важным недостатком Эдо было то, что в нем парадоксальным образом

сочетались недостаточное водоснабжение и серьезные затопления местности. Чтобы сделать его пригодным для значительного количества людей, потребовались бы масштабные инженерные работы по строительству мостов, прокладке каналов и изменению русла протекающих рек. Это и стало основными приоритетами Иэясу. Второй его заботой оказалось повторное укрепление замка, построенного в 1457 году, но находившегося в столь плачевном состоянии, что его даже прикрывала нелепая соломенная крыша. В общей сложности для расчистки укрепляемой области убрали шестнадцать башен-храмов, само место отныне защищал двойной круговой ров.

СТОЛИЦА

Когда в 1603 году Иэясу стал сегуном, статус Эдо повысился — из центра региональной власти он превратился в резиденцию национального правительства, хотя на бумаге официальной столицей по-прежнему оставался Киото. Проектировщики Эдо проложили новую обширную систему рвов, по спирали выходивших наружу от замка, который уподоблялся пауку в центре паутины. Эти водные артерии облегчали транспортировку объемных грузов, служили защитой

от пожаров и заградительными барьерами для врага, а также помогли решить проблему с затоплениями. Земля из рвов использовалась для стабилизации болотистых участков. В центре системы дорог оказался новый мост, Нихонбаси (мост Японии), который до сих пор остается нулевой точкой, откуда ведется отсчет расстояний. Оборона города теперь зависела не от стен, а от защитной системы из лабиринта вьющихся дорог, сложных перекрестков, запирающихся воротами участков, *цуд-зибан* (охраняемые стражей места), и кончающихся тупиками улиц — все это должно было задержать и запутать любого врага.

В 1617 году вблизи Нихонбаси был официально открыт квартал красных фонарей Есивара, позднее его перенесли к Асакуса, и там в примерно 200 заведениях проживали около 3000 жриц любви. В этот район вели всего одни ворота: чтобы девушки не могли оттуда уйти и чтобы клиенты не сбежали, не заплатив. В 1619 году были установлены колокола, боем возвещавшие время. В 1624 году появился театральный квартал.

Социальное и физическое пространства тесно коррелировали между собой. *Дайме* строили свои дома с просторными садами на холмах в районе Яманотэ. Отели «Нью-Отани» и «Акасака

Принс», а также Токийский университет находятся сегодня на том месте, где раньше стояли дома *дайме*. Торговцы, ремесленники и рабочие, которые обслуживали самураев, скученно жили во влажных низинах района Ситамати (нижняя часть современного Токио и приют для «эдокко» — местных кокни, веселых, опытных в городских делах, прирожденных урбанистов).

В 1657 году значительную часть города уничтожил жестокий пожар. При восстановлении главной задачей стало предотвращение подобных бедствий, поэтому были сделаны земляные насыпи и оставлены открытые пространства, которые должны были стать преградами для распространения огня; кроме того, ужесточили правила застройки — теперь дома полагалось крыть не соломой, а черепицей. Для будущего планирования городского развития было сделано точное описание столицы. Следующие крупные пожары случились в 1772 и 1806 годах.

САМАЯ БОЛЬШАЯ ДЕРЕВНЯ В МИРЕ

К 1725 году население Эдо достигло 1 300 000 человек, из них половину составляли самураи, занимавшие две трети из 70 квадратных километров городской площади. Одна шестая часть

приходилась на пятьдесят тысяч монахов, священнослужителей и храмовых прислужников; еще 5% площади занимало открытое пространство, то есть 600 000 простых горожан проживали на одной восьмой площади города. В храмовых районах плотность населения была 5000 человек на квадратный километр, в самурайских — 14 000 человек, а среди остальных горожан — невероятные 70 000 человек на квадратный километр; это в три раза выше плотности Тосима Уорд — самого густонаселенного района современного Токио.

Эдо намного превосходил все прочие города. Так, площадь Киото составляла всего 21 квадратный километр, в нем проживали 400 000 человек; Киото сохранял свое значение, но уже не как местонахождение обедневшего императорского двора, а как центр образования, религиозных учреждений и место производства предметов роскоши. Численность жителей Осаки составляла 300 000 человек, площадь — 14 квадратных километров; это был третий по величине город, получавший доход от контроля над национальной торговлей рисом и такими продуктами, как сакэ и соевый соус. К городам с численностью жителей свыше 50 000 человек также относились Нагоя, Канадзава, Сэндай и Кагосима.

Социальный порядок

КОНФУЦИАНСКИЕ ПРИНЦИПЫ

Социальный порядок, по крайней мере, в теории, был нацелен именно на спокойствие. Япония пережила столетие хаоса, и правление Токугавы было нацелено прежде всего на установление и поддержание мира и стабильности. Власть более или менее сознательно взяла за основу принципы конфуцианства и, в частности, их интерпретацию Чу-си (1130-1200), китайским философом династии Сун.

Общество разделялось на четыре основные категории, ранжированные в порядке главенства и полезности — воины, крестьяне, ремесленники и торговцы. Некоторые профессии — например, врачи и священники — не совсем вписывались в эту систему. Другие и вовсе находились за ее пределами. Актеры, *гейши* («человек искусства») и проститутки жили в собственном маленьком мирке, внешне глянцевом, но часто жестоком.

ИЗГОИ

Бродяги, бандиты и прочие маргиналы не имели гарантий безопасности, которые проистекали из следования законам и принятия условностей. Были и группы постоянных изгоев, такие как «эта», которых считали ритуально нечистыми, и *«хинин»)* эти люди лишались социального статуса в результате наказания за самые отвратительные преступления (вроде отцеубийства) и принуждались к работе либо выполняли такие неприятные и тяжелые обязанности, как уход за больными или обращение с умершими.

Эта обязаны были работать кожевниками и мясниками, поскольку эти занятия считались в синтоизме и буддизме «нечестивыми». Происхождение *эта* неясно, вероятно, они были потомками военнопленных, которых не убили, а обратили в рабство. Распространенные предрассудки гласили, что они имеют различные физические уродства, например по шесть пальцев на ногах. Возможно, что инвалиды и увечные насильно включались в эту группу через социальное отторжение. *Эта* жили в обособленных гетто, должны были соблюдать комендантский час и были объектом различных ритуалов дистанци-

рования, чтобы отдалить их от обычных людей; статус отверженных был формально отменен в 1871 году, когда их переименовали в *син-хейнин* («новые обычные люди»). На практике же их называли *бураку мин* («люди из особых селений») и продолжали дискриминировать — хотя уже и незаконно — в сферах образования, проживания, трудоустройства и заключения браков. Современные потомки *эта* насчитывают около трех миллионов человек, компактно проживают в одном из 3000 сегрегированных сообществ и в основном занимаются работой с кожей (делают обувь, барабаны и бейсбольные перчатки) или строительством.

Теоретически, каждый человек рождался и умирал внутри той же группы, что и его родители. На практике этот порядок не всегда был столь жестким. Самураи могли лишиться статуса, особенно если их сюзерен впадал в немилость или же обнищав и не имея возможностей подтвердить положение. Торговец мог быть награжден правом на ношение оружия, указывавшим на принадлежность к воинам. *Хинин* могли быть приняты обратно в общество, если совершали какой-либо похвальный поступок, например спасали жизнь судье.

Император и сегун

На вершине общества находился император, столь удаленный от земных проблем, что, казалось, он едва ли принадлежал этому миру. Сегуны периода Токугава обращались с императорами с должным уважением, заполняя их дни церемониальными обязанностями и «джентльменскими» занятиями и держа венценосцев под пристальным и непрерывным наблюдением. Передвижения императоров ограничивались, контакты с ними тоже контролировались. Они жили в окружении 140 придворных семей, населявших императорский дворец, и им разрешалось иметь скромный — не слишком большой — доход. Фактически они были узниками собственного замка, а их жизнь была настолько изолированной, что иностранцы, приезжавшие в Японию периода Эдо, считали императора либо кем-то вроде папы римского, либо зачастую вообще не были уверены в его существовании.

Соответственно, на практике «вожаком собачьей стаи» был сегун. Это сравнение не кажется неуместным, поскольку пятый сегун Цунаеси (1646-1709) держал собак в таком количестве, что

подданные прозвали его «собачьим сегуном». Он также запретил распространенное прежде развлечение, когда при стрельбе из лука вместо мишеней использовали собак. Цунаеси родился в год собаки, и один священнослужитель сказал ему, что его бездетность, возможно, является наказанием за убийство в прошлой жизни пса, поэтому во искупление вины он строил приюты и кормил бездомных животных. Историк и судья Мицуку-ни (1628-1700), чье имя сделалось синонимом правосудия, как говорят, послал сегуну шкуры двадцати собак в знак протеста против его прихотей.

ДАЙМЕ

Сегуну подчинялись *дайме* («большое имя»), возглавлявшие 250 *хан* (земельные владения кланов), на которые делилась Япония. Дайме подразделялись на две большие группы, *фудай* и *тозама,* внутренних (наследственных) и внешних (союзников), — в зависимости от того, примкнули ли они к Токугава до или после битвы при Сэкига-хара. *Тозама* не могли служить в правительстве сегуната. Распределение земель отражало реалии политического порядка: владения многих «внешних» *дайме* находились

буквально по краям национальных границ на севере и западе. Все земли в дне пешего марша от Эдо принадлежали или напрямую самим Токугава, или их наиболее преданным вассалам. Сегун был не только самым крупным землевладельцем, который имел в личной собственности почти четверть всех обрабатываемых земель, но и держал под контролем все главные маршруты, порты и поставки цветных металлов.

Чтобы приобрести статус *дайме*, феодал должен был иметь столько земли, чтобы она давала 10 000 *коку* риса, один *коку* равнялся количеству риса для пропитания взрослого мужчины в течение года. Владения самых крупных *дайме* давали свыше миллиона *коку*, около пятидесяти *дайме* получали 100 000 коку и больше. Владения менее 10 000 *коку* имели ранг *хатамото* — с правом личного доступа к сегуну; в середине XVII века насчитывалось около 5000 таких имений. Доход в 260 *коку* и менее означал, что самурай — *го-кэнин* (относится к младшей бюрократии); к 1800 году их число достигало 20 000 человек.

Контроль над *дайме* осуществлялся при помощи системы шпионов и заложников. Под строгим надзором сегуна также находились заключение браков, строительство мостов и оборонительных

сооружений; за исключением этих вопросов *дайме* правили в своих землях в целом так, как хотели. Прямое вмешательство осуществлялось, только если их власть оказывалась очевидно неэффективной или начинала угрожать национальной безопасности. На практике самой частой причиной вмешательства сегуна в дела *хан* становились наследственные споры. За первые сорок лет XVII века власти лишились или были понижены в статусе семьдесят *дайме*, и примерно треть всех обрабатываемых земель была перераспределена.

Главным способом контроля, который придумали То-кугава, было требование «альтернативного присутствия» — *санкин котай*. Часть времени *дайме* могли жить у себя в имениях, но периодически они должны были лично являться в Эдо к сегуну. Эта обязанность требовала дорогостоящих трат на достаточно престижную резиденцию в столице, много времени и сложностей с организацией впечатляющей свиты, необходимой для сопровождения правителя в путешествии. Поездки осуществлялись по оговоренному маршруту в заранее известное время и были предметом периодических проверок, которые должны были установить, не провозятся ли в столицу контра-

бандой ружья и не вывозятся ли из нее тайком заложники.

САМУРАИ

Воины занимали первое место в социальной иерархии, поскольку они защищали от нападения и осуществляли общественные санкции. Считалось, что они обладают такими добродетелями, как храбрость, преданность, повиновение и скромность. До официального запрещения в 1663 году подобной практики многие младшие самураи совершали самоубийство после смерти своего сюзерена, чтобы доказать ему собственную верность. Генерал Ноги поступил аналогичным образом после смерти императора Мэйдзи в 1912 году.

Незадолго до своей смерти, Иэясу издал «Букэ-се-хат-то» («Уложение о самурайских родах»), где призывал самураев культивировать свои способности «и мечом, и кистью». В отличие от военной аристократии Европы, самураи должны были владеть грамотой, а не только оружием; это было не вопросом доброй воли, а относилось к профессиональным умениям. Большинство самураев тратили много времени на административные дела, которые с необходимостью включали в

себя составление отчетов и корреспонденции — хотя некоторые консерваторы и прибегали для этого к помощи торговцев, к их работе относились с крайним подозрением. Военные навыки оттачивались в ходе формального обучения и на охоте. Периодически все эти умения пригождались: в эпоху Токугава произошло около 2000 крестьянских восстаний, которые, в основном, были спровоцированы чрезмерным налогообложением в неурожайные годы. (Поговорка того времени уподобляла крестьян масляным зернам: «Чем больше жмешь, тем больше получишь».) Обычно зачинщиков мятежа казнили, а затем на время приостанавливали оброк — до тех пор пока экономика деревни не восстанавливалась настолько, чтобы его можно было ввести снова.

От самурая требовалась скромность, но это качество присутствовало далеко не всегда. «Кварталы удовольствий» и коммерция больших городов открывали дорогу к искушениям. Многие самураи получали деньги, закладывая будущий урожай риса, и попадали в серьезные долги, оказываясь во власти презираемых ими торговцев.

Остро сознавая свой высочайший статус, самураи имели право защищать себя и убить любого человека, оскорбившего их (*кирисутэ-гомэн*,

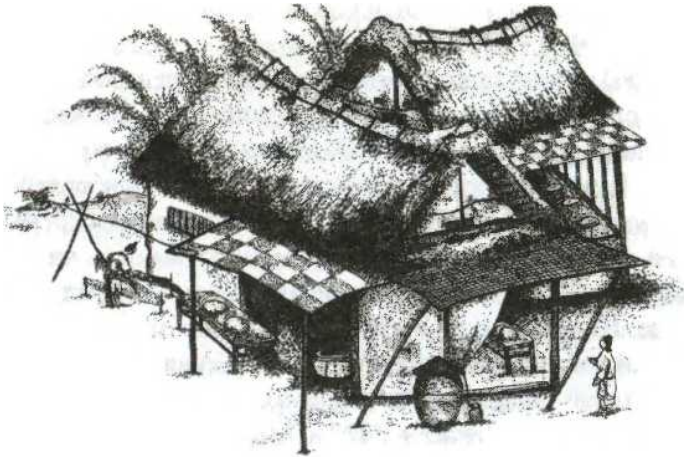
«право зарубить и оставить»). Оскорбление не могло быть нанесено по ошибке и списано на случайность; самураев было легко отличить не только по самоуверенным манерам, но и по двум мечам, которые они всегда носили, и по необычной прическе. Длинный меч (*катана*) использовался в бою, короткий (*вакидзаси*) — для отрубания головы или совершения самоубийства. Волосы самураи убирали в тугой пучок на макушке, брови и остальную часть черепа обривали.

В 1700 году была написана книга «Хагакурэ» («Сокрытое в листве») — обобщенный воинский кодекс, призывавший самураев культивировать самодисциплину и никогда не изменять чувству собственного достоинства. Каждый день следовало проживать так, будто он последний, и настоящий воин всегда должен был быть готов пожертвовать своей жизнью. Бутоны сакуры символизировали этот идеал тем, что они опадают в полном цвету, а не увядают на ветке. Самураи составляли свыше 5% населения, что намного больше относительной численности знати и дворянства в Европе. Хотя они были отдельной кастой и концентрировались преимущественно в городах-замках, само их количество помогало

распространению в обществе военных ценностей.

КРЕСТЬЯНСТВО

В теории крестьяне — а их насчитывалось 80% населения — по статусу уступали только воинам. Конфуцианство базировалось на желательности одной полной плошки риса, но на деле крестьяне редко сами ели выращиваемый ими рис, зачастую довольствуясь ячменем или просом, и обычно не могли позволить себе ни сакэ, ни табак, ни даже чай. (По иронии, ячменный чай бедняков (*мугича*) в настоящее время считается летним напитком и пьется всеми.) От крестьян ожидали таких добродетелей, как повиновение и усердие. Здравый смысл и долг требовали, чтобы ничего не пропадало зря: опавшие листья собирались в компостные кучи, а человеческие экскременты перерабатывались в удобрения.



Полевые работы и производство шелка

Главы домохозяйств объединялись в группы по пять человек (*гонингуми*), члены группы несли солидарную ответственность за действия друг друга. Если один из них не платил налоги или совершал преступление, остальные были обязаны заставить его исполнить долг или заплатить за него — либо быть готовыми столкнуться с последствиями проступка и понести общее наказание. Подобные ассоциации оказались живучими и применялись для мобилизации населения вплоть до Второй мировой войны.

ОТЧАЯНИЕ И ВОЗМОЖНОСТИ

Для большинства крестьян жизнь была очень тяжела — если случался неурожай, они голодали. В экологическом отношении Япония периода Эдо была закрытой системой. Хотя излишки риса могли быть привезены прибрежными судами для продажи из одного конца страны в другой (т. е. от Ниигаты до Осаки), возможности в плохой год импортировать продовольствие в большом количестве не было. Иногда жестокой необходимостью было убийство рождавшихся девочек, метафорически сравнивавшееся с прополкой посадок риса (*мавши*). В результате систематических неурожаев в 1732-1733, 1783-1787 и 1833— 1836 годах случались голодоморы, сопровождавшиеся бунтами и восстаниями. Но эти социальные взрывы ни в коей мере не могут считаться попытками революций.

Тем не менее экономическая экспансия в период Эдо предлагала и возможности для предпринимательства. Деревни вблизи крупных городов могли процветать благодаря поставкам продовольствия и необходимого сырья вроде хлопка и шелка, и некоторые крестьянские хозяйства, без сомнения, жили довольно хорошо.

Возможности социального продвижения прекрасно иллюстрирует карьера Ниномия Сонтоку (1787-1856). Осиротевший в детстве после катастрофического наводнения, он сумел к двадцати четырем годам благодаря упорному труду восстановить благосостояние своего крестьянского дома. Энергия и инициатива Сонтоку привлекли внимание клана Одавара, который послал его заниматься сельским хозяйством в своих владениях, выполнять различные инженерные проекты и вводить в обработку новые земли. Он сделал это, посетив примерно 600 деревушек и беспрестанно восхваляя усердие и бережливость. Кроме того, он потребовал, чтобы хозяева выделяли себе фиксированную часть доходов, а излишек инвестировали в те проекты, которые были выгодны обрабатывавшим землю. В конечном счете его взяли к себе Токугава, а после смерти его философию распространило Хотокуса — общество, специально созданное для этих целей. В период милитаризма 1930-х годов пример и доктрина Сонтоку восхвалялись как по-прежнему имеющие ценность. Хотя данная ассоциация несколько очернила его память для послевоенного поколения, японцы все еще почитают Сонтоку как человека, не боявшегося споров

и самоотверженно ставившего общий интерес превыше собственного.

В определенном отношении, однако, крестьяне находились в лучшем положении по сравнению со своими угнетателями. Браки самураев всегда устраивались по расчету, крестьяне же — с родительского одобрения — могли вступать в брак с кем угодно. Это говорит о том, что брак во всех классах рассматривался больше как союз семей, нежели как союз двух людей. Женщина, которая не могла родить детей, подлежала изгнанию. В некоторых районах браки не регистрировались официально до четырех месяцев беременности. А если новая жена не могла поладить со свекровью, то ее обычно отсылали домой, независимо от того, что думал по этому поводу ее муж.

РЕМЕСЛЕННИКИ

Жители городов не могли производить продовольствия сами и потому считались менее ценными для общества, чем крестьяне. Тем не менее они делали некоторые полезные вещи. Почетный статус, который имели мечи или красивая керамика, частично переносился и на тех, кто мог их изготовить. Эти вещи требовали высочайшего технического мастерства, а покупали

их самые влиятельные люди государства. В то же время ремесленники, производившие товары повседневного спроса для обычных людей, обладали более низким статусом.

ТОРГОВЦЫ

Торговцы находились внизу социальной пирамиды, поскольку, согласно экономической теории конфуцианства, вели паразитирующий образ жизни, то есть ничего не производили. Парадоксально, но многие из них были крайне богаты, а в Осаке они даже развили собственный «бравурный» стиль жизни. (До сих пор местные жители приветствуют друг друга словами: «Ты делаешь деньги?») Сложная валютная система, которая включала золотые, серебряные и медные монеты, позволяла манипулировать обменными курсами ради собственной выгоды. Одалживая деньги самураям или управляя финансами *хан,* они тоже могли заработать, хотя это и не улучшало их репутации. Общественное мнение полагало коммерцию сферой неизбежной коррупции, а самурайская мудрость гласила, что торговля — единственный вид состязания, победа в котором не приносит чести. С учетом подобных антагонистических социальных установок,

экспансия и усложнение экономики в период Эдо выглядят тем более удивительными. Узкая специализация регионов на выпуске конкретных видов керамических и текстильных изделий, без сомнения, не могла бы существовать без помощи людей, которые занимались ее дистрибуцией и маркетингом.

Капитан Василий Головнин, русский моряк, проведший в начале XIX века в японском плену два года, проницательно отмечал, что:

Класс торговцев... очень развит и богат... хотя их профессия не уважается, чтят их богатство... Коммерческий дух Японии виден во всех городах и деревнях. Почти в каждом доме есть магазин... В своем почитании порядка японцы очень напоминают англичан; они любят чистоту и великие аккуратисты. Все товары в Японии, как и в Англии, имеют маленькие печатные ярлычки, на которых ставят цену, назначение товара и его наименование, имя изготовителя... и часто кое-что восхваляющее его. Даже табак... зубную пасту и прочие пустяки заворачивают в бумагу...

ТОРГОВЫЕ ПРИНЦЫ

Экстравагантность крупнейших торговцев была настолько чрезмерной, что некоторые из них,

например Киноку-ния Бундзаэмон (1669-1734), превратились в легендарные фигуры. Самый удачный деловой замысел Киноку-нии осуществился, когда накануне Нового года сильная буря отрезала Эдо от теплых южных районов, где выращивали цитрусовые. Для ритуальных празднований, которые традиционно сопровождали наступление Нового года, были необходимы мандарины; хитрый предприниматель увидел в этом свой шанс, снарядил корабль и пообещал его команде такую награду, что люди согласились рискнуть жизнью и доставить груз, а это принесло огромную прибыль самому торговцу. Более надежными источниками дохода были пожары, вспыхивавшие настолько регулярно, что им даже дали название *Эдо-бана* («цветы Эдо»). Дела Кинокунии как торговца деревом шли превосходно, он постоянно поставлял требовавшуюся для восстановительных работ древесину. Говорят, он был настолько богат, что на празднике, на котором домовладельцы разбрасывали жареные соевые бобы для изгнания из домов злых духов, он бросал золотые монеты; и если большинство семей меняли *татами* (соломенные маты) раз в несколько лет, то он делал это в своем доме ежедневно.

К XVIII веку насчитывалось около 200 торговых домов стоимостью свыше 200 000 *ре.* Один *ре* примерно соответствовал одному *коку,* следовательно, количество торговцев, сопоставимых по уровню богатства с *дайме*, превышало количество последних примерно в десять раз. Несмотря на это, правительство сегуната никогда не пыталось использовать их опыт для дальнейшего развития экономики, которую при помощи системы налогообложения можно было бы организовать так, чтобы смогли получать выгоду и более широкие слои населения. Попытки сделать торговцев причастными к официальной политике обычно оказывались прямой дорогой к росту коррупции.

Одним из примеров сохранившегося наследия предпринимателей Эдо является могущественный дом Мицуи — это всемирно известная бизнес-империя, которая зародилась в Эдо в XVII веке как магазин по продаже тканей для драпировок. Низкая маржа, большие объемы и неизменное предпочтение наличных денег кредитам заложили основы будущего величия. Корни самого магазина уходят прямо к шикарному «Мицукоси», «японскому “Хэрродз”». Корпорация «Сумитомо» тоже ведет свое про-

исхождение от киотского торговца товарами из железа и лекарствами.

Рисуя прошлое

ХАНГА И УКИЕ-Э

Наиболее характерной продукцией периода Эдо были цветные ксилографии на дереве, которые благодаря яркости и подробности являются не всегда правдоподобным, но ценным источником информации об эпохе. Изготавливавшие их мастера специализировались на изображении «Плывущего мира» (*укие)* — жизни кварталов развлечений, куртизанок и актеров. Эти картинки получили название *укие-э* («картины плывущего мира»), хотя более употребительным словом для обозначения гравюр является *хан-га.* Так, часто изображались смотрящие на парад разодетые гейши, стрельба дротиками из трубок, едящие и пьющие летним вечером люди в лодках, зрители *кабуки* и борьбы *сумо*, наблюдение за цветением вишни.

Начало этих работ возводят к 764 году, когда императрица Кокэн приказала переписать множество буддийских сутр с иллюстрациями для распространения их в храмах по всей стране. Позднее на гравюрах стали изображать буддий-

ских святых, которым можно было поклоняться или привезти как сувенир на память о паломничестве. Первая полностью выполненная в таком стиле книга датируется 1346 годом.

Ксилография светских сюжетов начинается с XVII века. Первоначально они были одного цвета, чаще всего — красного или черного. Хотя эти работы выглядят достаточно грубо по сравнению с шедеврами позднего периода Эдо, древний возраст и редкость делают их предметами, имеющими высокую ценность у коллекционеров. Действительно, ныне все подлинные работы периода Эдо стоят дорого, что довольно забавно, поскольку японские знатоки когда-то презирали их и едва ли вообще видели в них «искусство». Гравюры делали для книжных иллюстраций и календарей, а также в качестве рекламных материалов для театров, борделей и ресторанов, как поздравительные открытки и как недорогие подарки и сувениры.

МАСТЕРА СВОЕГО ДЕЛА

Первым великим мастером средневековых гравюр был Моронобо (1618-1694), он начинал как дизайнер по текстилю, а впоследствии создал примерно две дюжины серий *сюнга* («весенние

картинки») — иллюстраций для эротических книг. (В 1722 году правительство наложило запрет на подобные публикации, что, естественно, увеличило спрос на них.) Тории Киенобу, который был сыном актера театра *кабуки*, первым ввел театральные сюжеты в *укие-э* и основал династию печатников-граверов. Его потомок Тории Киенага (1752-1815) первым стал изображать пейзажи. Первые по-настоящему многоцветные отпечатки (*нисики-э*, «парчовые картины») сделал в 1765 году Харунобу (1724-1770) — примерно за семьдесят лет до того, как цветная хромолитография появилась в Великобритании. Ранние работы обычно делались при помощи трех блоков — один печатал черный контур композиции, два других наполняли области рисунка цветом. По мере роста технического мастерства и амбиций художников росло и число блоков — впоследствии могли использовать до пятнадцати штук, причем каждый подгонялся к другим с невероятной аккуратностью. Стандартный размер оттиска составлял 38 на 25 сантиметров.

Харунобу специализировался на маленьких портретах (28 х 20 см) стройных молодых женщин, хотя делал и гравюры с поэтами, картинами праздников и цветами. Его ошеломительный

успех породил массу подражателей, с которыми он мужественно боролся, защищая собственное превосходство. За последние шесть лет своей жизни он выполнил почти тысячу работ.

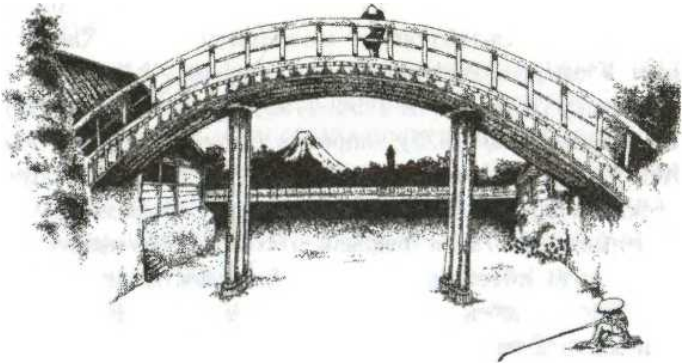
Еще одним специалистом по изображению женщин был Утамаро (1754-1806), в свой ранний период также печатавший животных, птиц, насекомых и растения. Он изобрел так называемый портрет «голова и плечи». И Харуно-бу, и Утамаро в обилии выполняли *сюнга.*

Сараку (осн. работы 1794-1795), Сюнсе (1726-1792) и Тоекуни (1769-1825), напротив, были лучше известны портретами актеров. Сараку создал 145 крайне драматических актерских портретов в порыве колоссального вдохновения с мая 1794 по февраль 1795 года, но больше о нем фактически ничего не известно. Сюнсе достиг признания уже в конце своей карьеры. Тоекуни выучил двух самых популярных мастеров периода позднего Эдо — Кунисада (1786-1864) и Куниеси (1797-1861). К числу работ Куни-еси относятся несколько совершенно волшебных портретов легендарных воинов и необычные пейзажи, созданные под влиянием западных стилей живописи. Как считается, зачарованность Куниеси военной тематикой отражала усилия Токугава

возродить традиционные воинские добродетели перед лицом растущей озабоченности тем, что западные страны могут попытаться нарушить политику японского изоляционизма.

ХОКУСАЙ И ХИРОСИГЭ

На западе наиболее известны работы, которые делали Хокусай (1760-1849) и Хиросигэ (1797-1858). Оба они чаще всего писали пейзажи; эта тема стала активно прорабатываться в живописи после того, как голландские торговцы привезли в Японию голубой пигмент из Пруссии и тем самым сильно расширили палитру голубых и зеленых оттенков, доступных для художников. Хокусай учился у Сюнсе, но в конечном счете отошел от театральных сюжетов вроде «Чусин-гура» и создал серию гравюр, иллюстрирующих самый изумительный национальный пейзаж — «Тридцать шесть видов горы Фудзи».



Мост в Фукагаве.
Из «Тридцати шести видов горы Фудзи» Хокусая

Картина «В морских водах у Канагава» («Большая волна в Канагава») относится к позднему периоду его творчества и получила на Западе редкий для японских работ статус «визуального клише». Блестящий художник, с прекрасным чувством юмора и наблюдательностью, Хокусай впоследствии подписывался как «старый безумный живописец». В силу неуемной любознательности он за свою долгую и насыщенную жизнь менял местожительство не менее девяносто восьми раз. Хиросигэ, как и Хокусай, родился в Эдо, виды которого он изобразил свыше тысячи раз. К самым знаменитым его работам относятся

серия под названием «Пятьдесят три станции Токайдо», показывающая жизнь путешественников по Великому восточному пути между Эдо и Киото, а также несколько снежных пейзажей. В общей сложности ему принадлежит двадцать серий видов Токайдо и серий, изображающих Киото и Осаку. Всего же наследство Хиросигэ составляет более 10 000 работ — как самостоятельных картин, так и книжных иллюстраций.

Приход в Японию после 1853 года иностранцев способствовал развитию школы гравюры в Йокогаме; эта школа отражала и появление, и жизнь новоприбывших, и перемены, вызванные попытками японцев им подражать. Самых значительных успехов в этом деле добились Еси-тора (осн. работы 1850-1880) и Садахидэ (1807-1873). Их последователи активно экспериментировали с новыми яркими пигментами, произведенными химической промышленностью Запада. По мнению некоторых знатоков, результаты подобного творчества стали печальной деградацией прекрасной традиции.

«ЯПОНИЗМЫ»

На Западе японские гравюры стали широко известны в середине XIX века, когда они стали

ввозиться в качестве упаковочной бумаги экспортируемого фарфора. В 1862 году сэр Резерфод Элкок, первый британский посол в Японии, устроил в Лондоне выставку личной коллекции гравюр. В 1867 году парижская Всемирная выставка показала 100 подобных работ, а в 1890 году Школа изящных искусств организовала экспозицию, где только гравюр одного Утамаро было восемьдесят девять штук.

Картины оказали мгновенное и длительное влияние на импрессионистские круги Франции, и в 1872 году критик Барти назвал это повальное увлечение «японизмом». Известно, что у Моне была копия работы Хиросигэ «Сливовый сад в Камэйдо», и прославленная картина француза, на которой нарисован мост и пруд с кувшинками в саду в Живерни, настолько близка по духу к Хиросигэ, что может восприниматься как своеобразная дань уважения японскому мастеру. Дега, Писарро и Ван Гог также были страстными коллекционерами. Своей угловатой перспективой и притягивающими взгляд передними планами Тулуз-Лотрек, пожалуй, ближе всех подошел к стилю и духу *укие-э,* а тесное личное знакомство с миром кабаре и *demi-monde* («полусвета») дали его работам подходящие темы и персонажей.

Живший в Англии американский художник Джеймс Уистлер стал включать мотивы японских гравюр в свои портреты в 1864 году; его картины также опирались на них. Его «Ноктюрн в голубом и золоте: старый мост в Баттерси» походит на пылкое подражание изображению моста в Эдо работы Хокусая. Энтузиазм художников подхватили и коллекционеры, одним из наиболее страстных был французский писатель Золя. По иронии, это привело к тому, что в настоящее время лучшие коллекции гравюр хранятся не в Японии, а в Лондоне, Париже и в Вене.

В самой Японии традиция изготовления гравюр заново ожила в 1931 году, с основанием Японской ассоциации гравюры (Ниппон Ханга Кекай). Из главных современных представителей этого искусства можно назвать Мунаката Сико (1909-1975).

Живопись

Из-за своего увлечения цветной ксилографией жители Запада, по-видимому, были склонны пренебрегать достижениями живописцев периода Эдо. «Серьезное» искусство сосредоточивалось на изображении пейзажей, птиц и цветов. Человеческие фигуры использовались только для того, чтобы рассказать историю, задать масштаб или передать настроение, и редко являлись центральным элементом композиции. Они неизменно упрощались, обозначались условными линиями, стереотипно. Как заметил Оливер Импей, историк искусства:

В укие-э фигуры получили новое значение, но даже тогда смысл был в самом месте действия и в реакции на него человека, а не в фигуре как таковой. Великолепные портреты статных *ойран* (куртизанок; проституток высокого ранга)... в действительности больше походят на модные тарелки, чем на портреты, и существенная часть живописи периода Эдо показывает, скорее, во что одевались люди, нежели то, какими они были.

Вертикальные (*какэмоно*) и горизонтальные (*макимо-но)* свитки продолжали оставаться ти-

пичными формами мелких изображений, более крупные рисунки выполнялись на раздвижных перегородках (*фусума*) и створчатых ширмах (*бебу*). В этом смысле живописцы также были и иллюстраторами, и дизайнерами интерьеров. Кроме того, в Японии использовались сворачивающиеся веера из бумаги или шелка, бросавшие вызов художникам своими необычными перспективами. Перспектива понималась больше в китайском, чем в западном стиле: как вертикальная и изменчивая, а не геометрическая и зафиксированная. Чем выше на картине располагался объект, тем дальше, как предполагалось, он находился; плюс не подразумевалось, что зритель пребывает в статичном положении и смотрит с какой-либо одной точки, — он должен смотреть вначале на нижние части картины, а потом вверх, на остальные. Соответственно, тени в японской живописи обычно отсутствовали. В конце периода Эдо маленькая группа художников, известная как Рангакуся и возглавляемая математиком Си-ба Коканом (1747-1818), пробовала экспериментировать с западными канонами искусства, но в целом только в конце XIX века японские художники бросились «догонять» западных в понятии перспективы и в других

отношениях.

КАНО, ТОСА И РИМПА

Двумя самыми заметными школами живописи были школа Кано (работавшая под патронажем сегуна и *дайме)* и школа Тоса (работавшая при дворе императора, а также за счет средств зажиточных японцев). С Тоса ассоциируют и школу Римпа, которая специализировалась на ошеломляющих декоративных эффектах. Мастера Римпа жили главным образом в деревне Такагаминэ и находились под покровительством киотской аристократии. Основателем школы считается Коецу (1558-1637), человек разносторонних талантов, который зарабатывал себе на жизнь как профессиональный оценщик мечей, превосходный каллиграф и дизайнер-любитель лакированных и керамических изделий. В настоящее время одними из самых известных в Японии произведений искусства являются великолепные работы его ученика Корина (1658— 1716): в Токийском музее искусств Нецу находятся «Ирисы», а в музее искусств в Атами хранится работа «Красные и белые цветы сливы». К редким талантам, которые не принадлежали ни к одной школе, относятся «умевший одинаково обращаться с ме-

чом и левой и правой рукой» Мусаси (1584-1645), буддист-мирянин Якучи (1716— 1800) и эксцентричный Росецу (1754-1799).

В возрасте четырех лет начал рисовать Кано Танью (1602-1674); его искусство — непревзойденный образец классической академической техники. Современник Танью Тоса Мицуоки (1617-1691) сконцентрировал эстетическую мудрость эпохи в одном предложении: «Сущность живописи можно выразить единственным словом — легкость». Девизом подлинно опытного мастера были лаконичность и сдержанность, что выражалось и в аккуратном использовании ярких цветов. Обучение живописи заключалось в копировании картин признанных мастеров на протяжении десяти—двадцати лет. Оригинальность в стиле, технике, в выборе темы и тому подобное осуждались. В итоге это вылилось в неизбежный формализм и конечный упадок.

Ремесленники как люди искусства

Энгельберт Кемпфер, без сомнения, понимал, что европейские читатели его заметок о Японии будут считать собственную культуру более продвинутой в вопросах технологии и производства, и нашел способ указать на их неправоту:

Что касается всех видов ручной работы, декоративной или прикладной, то им недостает подходящих материалов, отраслей и применения; и пока дела обстоят таким образом, они ищут любой удобный случай, чтобы заполучить мастеров из-за границы, и они превосходят все другие нации в изобретательности и искусности ремесленных изделий.

Мир и процветание, которые принесло правление То-кугава, дали жизнь классу нуворишей (*нариагари-моно*), образовавших обширный рынок сбыта требующих тонкого мастерства товаров, таких как керамика, лакированные изделия и высококачественный текстиль. Даже аксессуары вроде резных пуговиц *(нэцке)* и коробочек, которые подвешивали к кимоно вместо карманов (*инро*), превращались из незначительных вещиц в затейливые предметы искусства.

ГОНЧАРЫ

Популярность чайной церемонии стимулировала спрос на керамику. Корейские гончары, приехавшие в Японию по следам неудачной попытки Хидэеси завоевать их страну, привезли с собой новые удивительные технологии и стили, которые инициировали подражательство и соперничество. Культ нарочитой простоты означал, что грубая, неглазурованная керамика ценилась, как тонкой работы фарфор. Великие мастера активно сотрудничали при производстве керамических изделий. Корин делал для своего брата Кендзана (1663-1743) картины для последующего обжига, а талантливый каллиграф Коецу изготавливал чрезвычайно красивые чашки. Кроме того, гончарные изделия стали в этот период существенной статьей экспорта в Европу. Главным центром фарфорового производства был город Арита на Кюсю, изделия оттуда стали называться арита — по названию порта, через который они переправлялись. В 1644 году коллапс китайской династии Мин лишил Японию регулярного источника голубой и белой посуды, которую использовали голландские торговцы, и Имари заполнил эту нишу. Вскоре семейству ста-

ли подражать в Европе в голландском Дельфте; а затем и сверкающий белизной фарфор *какиэмон* начали имитировать европейские мастера в Майсене, Челси и Боу.

ЛАКИРОВАННЫЕ ИЗДЕЛИЯ И ВООРУЖЕНИЕ

Пиршества и будуары способствовали спросу на лакированные изделия, которые могут служить долго, обладают огнеупорными свойствами и подходят для различных типов декоративной обработки. Столы, подносы и чаши для сервировки пищи, комоды и шкатулки для хранения средств для макияжа, медицинские инструменты и письменные принадлежности — все эти предметы могли покрывать искусной гравировкой и щедро украшать кусочками золота или слюды для создания эффекта *маки-э* («искрящаяся картина»). Комоды и кабинеты в европейском стиле также делались на экспорт.

Эпоха Токугава парадоксальным образом привела к падению спроса на оружие и вооружение, и акценты в их производстве заметно сместились от практического использования к роскошному декорированию — теперь оружие требовалось не для сражения, а для парадов и охоты. *Дайме* и их окружение приходили в восхищение от блеска

снаряжения, начиная шлемами и заканчивая стременами. Многие военные изделия мастерили в подчеркнуто анахроническом стиле, словно возвращаясь к «великим дням» феодальной анархии. Даже торговцы, которым было запрещено носить оружие за исключением небольших складных ножей, питали к нему слабость как знатоки и коллекционеры, хотя обычно были больше заинтересованы в сложных по дизайну ножнах и всякого рода фурнитуре для мечей, чем в качестве клинков.

ТЕКСТИЛЬНЫЕ ИЗДЕЛИЯ

В период Эдо текстиль производился из широчайшего ассортимента материалов: от недорогих тканей с шаблонным рисунком или износостойкого хлопка и до расписываемых вручную тканей или вышитого золотыми нитями шелка для придворных одеяний. Лицевая сторона кимоно превосходно подходила для сложного декорирования и для обозначения социальных различий того времени, что выражалось в появлении множества видов специализированных предметов одежды, подчеркивающих статус или род занятий человека. Однако отличия в одежде мужчин и женщин не слишком бросались в глаза

в обществе, которое уделяло столько внимания строго разграниченным гендерным ролям. Фактически часто моде задавали тон актеры театра *кабуки* (а ими были исключительно мужчины), исполнявшие женские роли. На гендерную принадлежность стал указывать широкий, завязывавшийся на талии пояс — *оби.*

Дизайнеры рьяно впитывали мотивы, появлявшиеся из Китая, Европы и даже — через португальцев — из Индии. В 1682 году был выпущен закон, регулирующий расходы; в 1682 году его издали в новой редакции — это была попытка обуздать чрезмерную экстравагантность в одежде. Торговцы, опасавшиеся выговора, одевались во внешне унылую по покрою одежду, зато из дорогих тканей. Потрясающие костюмы драмы *Но* и отчаянные модники из увеселительных кварталов, несомненно, потворствовали постоянным уступкам в этой сфере.

Грамота и литература

Япония переняла у Китая уважение к людям, которые владели всеми сложностями письменного языка. Умелые каллиграфы ценились всегда. К «каллиграфам-лауреатам» периода Эдо относятся император Го-Едзэй (1571-1617), дзэнский монах Хакуин (1675-1768) и прославленный художник и поэт Бусон (1716-1783). Этих мастеров часто имитировали. Как утверждают, только в одном Эдо было свыше 800 учителей каллиграфии.

В это время также существенно увеличилось количество городского населения (*тенин*), которое и составило основную массу читателей и владеющих грамотой. Ряд источников полагает, что число таких людей достигало 40%. Они образовали новую группу читателей, желавших найти в литературе простое, реалистическое и даже приземленное развлечение. Японцы придумали для обозначения подобного рода литературы термин «*гэсаку*» («истории, написанные ради развлечения»). Одним из первых эту потребность уловил и заполнил своим творчеством Сай-каку (1642-1693), который писал веселые, хотя и несколько пошловатые рассказы. Сайкаку был одарен ред-

ким даром легко подбирать слова. Так, однажды он участвовал в поэтическом марафоне и сочинял стихи в течение двадцати четырех часов. Его роман «Мужчина, несравненный в любовной страсти» состоит из пятидесяти четырех глав и рисует эротические приключения бисексуального героя с семи до шестидесяти лет, завершается его отплытием на закате на нагруженной под завязку афродизиаками лодке на остров, населенный исключительно женщинами. Сборник новелл «Пять женщин, предавшихся любви» наполнен безжалостной иронией — одна из героинь устраивает пожар ради забавы, в результате чего ее вместе с любовником сжигают заживо. «Заветные мысли о том, как лучше прожить на свете» и «Этот коварный мир» дают деловым людям массу советов, как обращать каждую ситуацию в свою пользу (японские саларимены — «офисный планктон» — до сих пор охотно читают эти руководства по достижению успеха).

Вторым популярным направлением в период Эдо были рассказы о призраках («Рассказы о дожде и луне») Аки-нари (1734-1809) и сочинение Иккю (1765-1831) «На своих на двоих по Токайдоскому тракту», где описываются комические приключения двух мужчин средних лет, которые

оставляют жен, чтобы совершить путешествие вдоль Токайдо. Еще одним значимым произведением — не в последнюю очередь из-за своего объема — является роман из 106 книг, написанный Бакином (1767-1848), в котором представлено 300 персонажей и который писался на протяжении двадцати восьми лет.

ХАЙКУ

Самой существенной литературной инновацией периода Эдо было появление *хайку* — трехстиший из семнадцати слогов (по пять, семь и снова пять слогов в строке), непревзойденным мастером которых считается Басе (1644-1694). Хайку передают мгновенный поэтический образ, часто используют игру слов, их разнообразное отражение в сознании человека при сохранении неизменности содержания самого стихотворения; этого также добиваются при помощи отсылок к образам подходящих к теме растений или иных созданий природы либо же аллюзией на определенное время года. Как точно подметил Кортаззи, «не так важно, что они говорят, важно то, что они, предположительно, означают»; некоторые из прекрасных творений Басе можно найти в путевом журнале Кортаззи. Когда Басе

оказался на месте гибели Есицунэ, он выразил свою печаль в следующих строках:

Летние травы
Там, где исчезли герои,
Как сновиденье[4].

Первым применять в *хайку* сленговые выражения стал Исса (1763-1827), чья трагическая жизнь была отмечена также симпатией к малым творениям природы и к бедноте. Это выражают его многочисленные (около 20 000) стихотворения.

Сенрю — форма *хайку*, которая тоже имеет семнадцать слогов, но отказывается от аллюзий на времена года в пользу противоречивых комментариев по поводу трудностей человеческой жизни. Самые лучшие *сенрю* эпохи были впоследствии собраны в антологию из двадцати четырех книг.

«ИСТОРИЯ О СОРОКА СЕМИ РОНИНАХ»

«История о сорока семи ронинах» — самая известная сага о самурайском времени, вдохновившая примерно сто пятьдесят современных романов и фильмов и бесчисленное количество экранизаций, часть из которых превратилась в

---

[4] Примечания: 4
Перевод В. Марковой.

эпические многосерийные сериалы. Общий сюжет таков: в 1701 году Асано Наганори, правитель земель Ако в провинции Харима (ныне — часть префектуры Хего), получил приказ стать одним из представителей сегуна, которым предстояло встретить посланников императора, прибывающих из Киото с поздравлениями по случаю Нового года. Чтобы надлежащим образом подготовиться к выполнению задания, Асано должен брать уроки этикета у «шефа протокола» сегуна — жадного и тщеславного Кира Есинаки. К несчастью, Асано (или — в других версиях — его слуга) не смог выразить Кира свою благодарность и почтение, прислав ему заранее хорошее вознаграждение/дары/невесту. После этого Кира столь высокомерно повел себя с Асано, что последний не сдержал гнева, выхватил меч и обрушил его на своего мучителя. Вмешательство одного из придворных смягчило удар, и легко раненный Кира сбежал. Однако Асано уже подписал себе смертный приговор, поскольку поднял оружие на территории резиденции сегуна. Он принужден совершить *сэппуку*, его владения конфискуются, а его самураи распущены и получают клеймо *ронинов* (буквально «человек волны», т. е. без цели, лишенный хозяина). Кира же остался без-

наказанным.

Главный самурай Асано, Оиси Есио, продолжал присматривать за имением, надеясь на восстановление дома под руководством младшего брата Асано. Когда становится очевидно, что ничего подобного не случится, Оиси начал готовиться к отмщению. Он и еще сорок шесть преданных Асано самураев объединились и присягнули на крови в том, что месть свершится. Понимая, что Кира будет крайне осторожным из-за боязни возможного нападения, заговорщики затаились, отводя от себя подозрения. Сам Оиси являет собой крайний пример маскировки, пьянствуя, устраивая дебоши и понося других самураев за их очевидную трусость.

По истечении двух лет *ронины* поняли, что Кира считает себя в безопасности от возмездия, и решили нанести удар. Переодевшись в пожарных (чтобы, не вызывая подозрения, перенести лестницы), они в ночь с четырнадцатое на пятнадцатое декабря 1702 года пересекли безлюдные и заснеженные улицы и атаковали дом Кира. Вытащив злодея из тайного убежища, они обезглавили его и отнесли его голову на могилу своего хозяина возле храма Сэнгакудзи, где и остались спокойно дожидаться кары.

Власти столкнулись с дилеммой. С одной стороны, заговорщики выказали все самые почитаемые среди воинов качества — преданность, храбрость и, не в последнюю очередь, настойчивость и упорство в достижении цели. Многие люди восхищались ими — от простого народа и до самого сегуна, — а глава клана Хосокава, в чьем доме они остановились, относился к ним как к почетным гостям и предлагал им стать его вассалами. С другой стороны, их поступок был явным вызовом принятому властями решению и, с точки зрения старших советников сегуна, подлежал наказанию.

Прошло больше месяца, прежде чем было принято решение. Сегун даже предпринял такой необычный шаг, как поездка за советом к настоятелю монастыря Уэно, но вернулся оттуда с решением о смертном приговоре на том основании, что *ронины* уже достигли пика безупречной славы и — если они будут жить дальше — несомненно хотя бы частично запятнают ее тем или иным образом. В конце концов пошли на компромисс: *ронинов* не стали казнить как обыкновенных преступников, а предоставили им право умереть как подобало героям — от собственной руки. Так и случилось четвертого

февраля 1703 года — произошло массовое *сэппуку*. (Только Тикара, сын Оиси и самый младший из группы, был помилован.) *Ронины* похоронены рядом со своим хозяином в Сэнгакудзи, токийском округе Минато. Люди хранят память об их поступке, и место упокоения героев по-прежнему остается предметом паломничества и интереса туристов.

ПРЕВРАТИВШИЕСЯ В ЛЕГЕНДУ

Первая драматическая постановка на тему этих событий появилась через двенадцать дней. В 1706 году Тикамацу Мондзаэмон написал пьесу для кукольного театра, которую в 1748 году сыграли уже в 15-часовом представлении *кабуки* под названием «Сокровищница самурайской верности». Чтобы избежать неудовольствия цензоров, были убраны детали, указывавшие на время действия и конкретного злодея, но все и так знали, что легло в основу постановки.

Для большинства японцев эта история служит примером высшего самопожертвования. Тем не менее некоторые интерпретаторы критикуют *ронинов* за недостаток подлинной «искренности» поступка и указывают на их слишком расчетливый подход к собственным обязательствам.

Как настаивают критики, настоящий самурай должен немедленно броситься мстить, едва узнав об унижении своего хозяина, — независимо от безнадежности такого порыва. Человек чести «не должен жить под одним небом с тем, кто нанес вред его господину или его отцу». Был или нет поступок «удачным» с указанной точки зрения, значило гораздо меньше, чем то, что он был совершен с абсолютной преданностью и невзирая на последствия. Устойчивое значение действия, осознаваемого как напрасное, подробно обсуждается и иллюстрируется в захватывающей книге Айвана Морриса «Благородство поражения: трагический герой в истории Японии».

Театральные подмостки

Пьесы *Но* сохраняли аристократизм, но жанр начал стагнировать. Состоятельные жители городов хотели видеть нечто более колоритное. Это желание нашло выражение в двух новых театральных формах — *кабуки* и *бунраку.*

Бунраку — драма, исполняемая марионетками в две трети человеческого роста, каждой из которых управляют три кукловода в масках. Ее корни восходят к более старой традиции *дзорури* — пению историй под музыкальный аккомпанемент. Иногда в *бунраку* исполнялись комические представления, но чаще это бывали трагические или героические постановки. Особенно мощное развитие *бунраку* приобрел в Осаке, где жил Тикамацу Мондзаэмон (1653-1724), известный также как «японский Шекспир». Он написал почти сотню пьес, составивших классический репертуар: обычно они рассказывают о конфликтах между страстью (*нинье*) и долгом *(гири).* В двадцати пьесах эта дилемма разрешалась двойным самоубийством; наиболее известное произведение такого рода — «Самоубийство влюбленных в Сонэдзаки», основанное на реальных событиях

и написанное три недели спустя. Впоследствии его часто адаптировали в разных вариантах для сцены и для экрана. Вообще эта история спровоцировала такой всплеск аналогичных трагедий, что власти были вынуждены издать указ о том, чтобы любой случайно выживший из пары считался убийцей и чтобы с телами таких людей обращались как с телами преступников — отдавали самураям для того, чтобы те проверяли на них свои мечи. А писателям было запрещено использовать в заглавии слова «самоубийство влюбленных».

Еще одна пьеса Тикамацу, «Битвы Косинга», повествует о приключениях знаменитого пирата и содержат сцены поединка с тигром, ослепления и терзаний женщины, которой устраивают кесарево сечение на глазах у публики. Кроме того, Тикамацу написал около тридцати пьес для театра *кабуки,* хотя и предпочитал кукольный театр, поскольку считал, что куклы точнее следуют его текстам, чем обычно делают актеры.

КАБУКИ

Как утверждают, *кабуки* берет начало от соблазнительных представлений жрицы одного из храмов Киото, О-Куни. Ее успех привел к то-

му, что стали собирать женские труппы, чьи выступления чаще всего лишь предваряли более интимные формы развлечений. В 1629 году правительство наложило запрет на подобные продолжения спектаклей, но тут же столкнулось с заменой их мужской версией, которая делала объектом вожделения прекрасных юношей, а не девушек. В 1652 году и это тоже запретили. На зрелой стадии в театре *кабуки* продолжали играть исключительно мужчины, но спектакль стал больше зависеть от их трагедийного мастерства, нежели от физической привлекательности. Династию выдающихся звезд сцены основал Итикава Дандзюро (1660-1704); в наши дни прямой потомок носит его фамилию уже в двадцатом поколении. Итикава первым стал играть в характерном для современного *кабуки* стиле — с преувеличенными позами и жестами (*арагато* — «грубый стиль»). По иронии судьбы, он умер при довольно мелодраматических обстоятельствах: из зависти к таланту Дандзюро, его в собственной гример-ке убил другой актер.

В *кабуки* задействованы чрезмерно экстравагантные костюмы и стилизованный, похожий на маску макияж (*ку-мадори).* Динамичность достигается за счет красочных декораций, вра-

щающейся сцены, потайных дверей и других приемов для создания визуальных эффектов. Часто для усиления напряжения применяются барабаны, флейты и трещотки. Оживлению пьесы служили и *ханамати* — ситуации, когда актер выходил на сцену прямо из публики, спускался со сцены в зал или же когда два действия разворачивались одновременно. Многие пьесы *кабуки* были взяты напрямую из *бунраку.* Одним из любимых сюжетов были трагические испытания Есицунэ; популярностью также пользовалась история градоначальника Оока Тадасукэ (1677-1751), который был знаменит тем, что справился с преступностью и однажды поступил как царь Соломон, когда к нему пришли две женщины, чтобы он рассудил, кому из них должен принадлежать ребенок. Не слишком почтительно относившийся к собственности, театр *кабуки* сделал героем и Нэдзуми Кодзо (казнен в 1832 году) — вора-домушника, который заслужил прозвище «человек-мышь» за способность обманывать и скрываться от преследователей. Так как жертвами Кодзо становились преимущественно богатые торговцы, ему приписывалось великодушие Робин Гуда; в действительности его кражи шли на удовлетворение безграничной тяги к спиртному

и азартным играм.

Актер театра кабуки в роли самурая

И *бунраку,* и *кабуки* можно увидеть и сегодня; причем представления *кабуки* намного популярнее.

Ученые и наука

Конфуцианство являлось официальной идеологией режима, поэтому его толкователи обладали властью и престижем, хотя безусловная приверженность меритократии игнорировалась в интересах наследственного права и иерархии. Тем не менее в Японии были и другие интеллектуальные течения, которые содержали в себе предпосылки вызова главенствующей ортодоксии. Так, движение *коку-гаку* («изучение национальной истории») началось с попытки ученого сообщества заново оценить древнюю японскую поэзию. Под руководством Хирата Ацутанэ (1776— 1843) исследование уникальной синтоистской мифологии было призвано доказать врожденное превосходство Японии и ее народа. Из-за этого опасного принципа впоследствии случилось большое несчастье.

Противоположное движение представляли ученые *рангаку* («изучение голландской культуры», т. е. западной), которым помогала частичная отмена в 1722 году запрета на ввоз иностранной литературы. Работы политического или религиозного характера по-прежнему запрещались,

но практические руководства — особенно по технологическим вопросам сельского хозяйства, навигации, картографии или артиллерии — были дозволены. Первое научное описание человеческой анатомии было выполнено в Японии в медицинском атласе, который скопировал с голландского Сугита Гэмпаку (1733-1817) примерно сто лет спустя со времени издания европейского оригинала и в отсутствие голландско-японского словаря. В 1811 году сегунат учредил специальный институт переводчиков. Но, невзирая на значительный интерес к прикладным наукам (медицине, баллистике, картографии), занятия чистой наукой были ограничены.

Многие научные триумфы явились результатом исключительно индивидуальных усилий, а не институционального патронажа. Первую подробно выполненную карту Японии сделал Ино Тадатака (1745-1818), потративший на нее семнадцать лет труда после того, как ушел из неудавшегося бизнеса по продаже сакэ. Изобретатель Хирага Гэннай (1726-1779) придумал электрическую ручную динамо-машину, термометр и как делать асбестовые ткани, но безразличное отношение к его изобретениям превратило Хирагу в озлобленного эксцентрика.

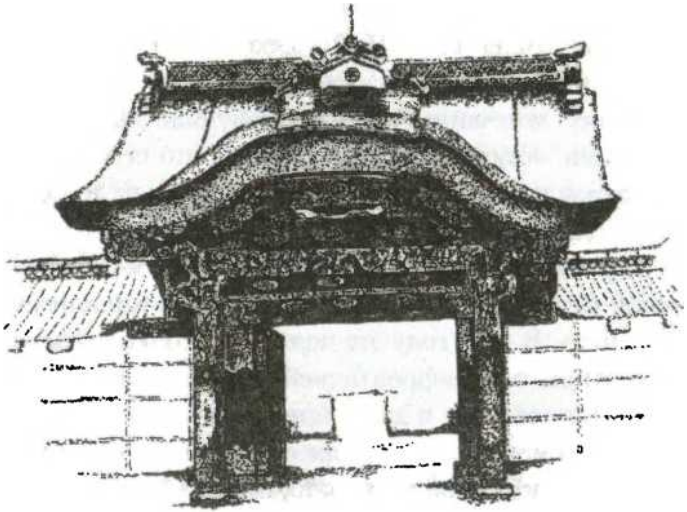
Отсутствие подлинного «научного духа» могло быть одним из интеллектуальных недостатков эпохи, но это до некоторой степени восполнялось отсутствием религиозного фанатизма. Когда японцы столкнулись со всей мощью западной науки и технологии, то обскурантистская приверженность старым догмам не помешала им дать ответ Западу.

«Темное время» в новом свете?

История — пропаганда победителей. Новые режимы редко могут противостоять искушению переписать недавнее прошлое, утверждая собственную власть путем противопоставления своих блистательных идеалов некомпетентности и коррупции изгнанных предшественников. Модернизаторы периода Мэйдзи (1868-1912), толкавшие Японию к «цивилизации и просвещению» Запада, чернили период Эдо как времена застоя и мрака невежества. Так, в 1950 году вышла книга философа Вацудзи Тэцуро, анализировавшая наследство той эпохи и озаглавленная «Национальная изоляция: трагедия Японии».

Появление впоследствии «теории развития» привело к пересмотру подобной негативной точки зрения. Указывая на скорость, с которой происходили после 1868 года институциональные изменения и технический прогресс, ревизионисты утверждали, что именно достижения периода Эдо сделали возможным будущий уникальный и успешный рывок Японии периода Мэйдзи и что они вовсе не сдерживали развитие экономики. Сторонники этого подхода приводят впечатляю-

щий перечень факторов, благоприятствовавших дальнейшим изменениям. В правление Токугава площадь обрабатываемых земель увеличилась более чем в два раза. В качестве основных культур выращивали хлопок, шелк, чай, индиго, сладкий картофель и табак — они заменили импорт и — в случае шелка — обеспечили статьи будущего экспорта, необходимые для получения иностранной валюты для оплаты импортируемых технологий. Обладавшие энциклопедическими познаниями в сельском хозяйстве, японские крестьяне были самыми продвинутыми земледельцами в Азии. Технологии производства керамики, бумаги и текстиля намного улучшились, а развитие металлодобычи превратило Японию из чистого импортера металлов в достаточно крупного экспортера. Большинство жителей городов были более или менее грамотными, а ученые *рангаку* составляли хотя и маленький, но стратегически важный источник интеллектуальных ресурсов, откуда могла поставляться технократическая элита.



Китайские ворота замка Нидзе (Киото)

С другой стороны, режим Токугава, без сомнения, подрывали серьезные структурные проблемы, с которыми он не мог адекватно справиться. Численность населения выросла до такой степени, что нарушение поставок продовольствия вызывало существенный рост цен и обрекало слабейших на голод. Изменение налоговой системы, системы чеканки монет и выпуск множества регулирующих расходы законов не могли исправить ситуацию. Сегун Есимунэ издал указ, согласно которому никто не имел права

использовать для свадебного приема больше десяти паланкинов. Его преемники периодически пытались изгнать крестьян из городов и вернуть их в деревни, а также подавить инфляцию путем выпуска запрещающих законов. Но ничто не могло помочь экономической системе, которая практически достигла границ своего потенциала и была обременена многочисленным и во многом непроизводительным военным классом, чьи привилегированные позиции оставались незыблемыми. Как пишет Бисли, «даже в конце периода самурайские ценности все еще играли центральную роль, пусть и были объектами сатиры и споров».

Череда неурожайных лет в 1830-е годы привела в 1837 году к крупному восстанию в Осаке, которое возглавил один из бывших членов правительства сегуната. Опиумная война 1839-1842 годов ознаменовала собой унижение гордого Китая европейскими силами. По прозорливому замечанию одного конфуцианского ученого из Японии, «откуда тогда было знать, что сгустившийся над Китаем туман не опустится со стужей и на Японию?» В 1852 году газета «Эдинбург ревью» уверенно заявила, что «принудительная изоляция японцев является ошибочной не только

для них самих, но и для цивилизованного мира». В 1853 году эта политика столкнулась наконец с открытой конфронтацией. Правительство сегуна, пожалуй, желало бы и далее придерживаться традиционного изоляционизма, но вскоре стало очевидным, что оно не обладает подобной возможностью.

ГЛАВА 7. *Революция и модернизация, 1853-1912 годы*

С длительной изоляцией Японии покончили насильственным путем в ходе интервенции 1853 года. После примерно пятнадцати лет политической нестабильности короткая, но кровопролитная гражданская война уничтожила сегунат и установила новый режим. «Реставрация Мэйд-зи» была по сути революцией во всем, кроме названия. Новое правительство Японии взяло курс на ускоренную модернизацию, призванную обеспечить нацию вооруженными силами и укрепить экономику для того, чтобы противостоять империалистическим амбициям западных стран. Эта программа оказалась настолько успешной, что Япония сама вошла в круг влиятельных государств мира.

Глубокая трансформация Японии за пятьдесят лет — от политики «отсталой феодальной изоляции» до статуса «великой державы» — обычно описывается как триумф национальной воли и единения. Но была и негативная сторона: сопротивление переменам достаточно жестко

подавлялось. Безжалостная эксплуатация рабочих и загрязнение окружающей среды стали печальными побочными последствиями первого японского «экономического чуда». Жители Запада двойственно относились к происходившим переменам. Большинство считало само собой разумеющимися ценности и превосходство собственной культуры и потому полагало принятие их Японией желательным и неизбежным. Некоторые с опаской размышляли о последствиях этого процесса. Другие же сожалели о решении «Страны лотоса». Редьярд Киплинг пробыл в Японии недолго, но успел горячо ее полюбить и впоследствии высказал остроумное предложение поместить всю страну под стеклянный колпак, поскольку она слишком прекрасна, чтобы быть частью реального мира. Бэзил Холл Чемберлен, первый профессор японского языка в Токийском университете, с юмором заметил: «Старая Япония походила на устрицу; открыть — означало убить ее».

Приход варваров

В течение столетий изоляции к берегам Японии иногда приходили иностранные корабли, ища убежища, для пополнения запасов или в попытке наладить более тесные взаимоотношения. Но их всегда отправляли обратно — откупались дарами или прогоняли пушечными залпами. Намерение США направить экспедиционный отряд, который японцы не смогли бы прогнать, диктовалось недавним завоеванием Калифорнии. Получив выход к Тихому океану, Штаты начали искать возможности прибыльного развития китобойного промысла и торговли с Китаем. Обе цели предполагали свободный заход американских кораблей в японские территориальные воды, и американцы полагали совершенно логичным, что их суда должны получать в Японии свежую воду и продовольствие и иметь возможность ремонта. Более того, они считали, что, «открыв» Японию, смогут обрести два несомненных преимущества: торговцы проложат путь миссионерам, а распространению христианского вероучения будет сопутствовать расширение зоны свободной торговли. Иными словами, американская агрессия

подкреплялась оправданиями одновременно практического и этического характера.

Карикатура на коммодора Перри; с ксилографии 1854 г.

Восьмого июля 1853 года американская эскадра из четырех кораблей под командованием коммодора Мэтью Колбрайта Перри бросила якорь в Токийском заливе. Сегунат, предупрежденный голландцами, заранее знал об их появлении. Но

никто не позаботился сказать об этом местным рыбакам, которые бросились к берегу, «точно дикие птахи, спасаясь от внезапного нападения». Той ночью пылающая комета озарила небо, и Перри справедливо воспринял это как предзнаменование того, «что наша попытка привести необычный и изолированный народ в семью цивилизованных наций может оказаться успешной и без кровопролития». В его заявлении неявным образом выражалась готовность в случае необходимости пролить кровь; хотя начал коммодор с хвастовства западными достижениями. Когда он наконец соизволил сойти на берег для встречи с представителями сегуна, его сопровождали два огромных чернокожих матроса («самые привлекательные парни своего цвета из всех, каких только смогли сыскать в эскадре»), эскорт из моряков и чрезвычайно шумный оркестр. Как свидетельствует официальная хроника, «...весь этот парад был только для того, чтобы произвести впечатление». Заявив о своих требованиях, американцы отплыли, пообещав вернуться за ответом на следующий год.

Через год они приплыли снова и привезли подарки, причем кораблей было уже в два раза больше. Дары для сегуна явно преследовали

цель произвести впечатление и включали в себя миниатюрную железную дорогу (350 футов 18-дюймовых путей), телеграф (с тремя милями проводов), две лодки, железную печь, телескоп, множество увесистых томов исторической литературы, сборники законов и дебатов Конгресса и тому подобное, модель винного погреба и небольшую коллекцию оружия. Каждому официальному должностному японскому лицу подарили вещи, которые представляли собой образцы продукции более развитой цивилизации: часы, меч, винтовку, револьвер и пять галлонов виски. Среди ответных даров были изделия из бронзы, лакированные поделки, керамика и текстиль — по мнению американцев, «бедная выставка, не дороже тысячи долларов». Чтобы подчеркнуть собственное превосходство, американцы провели при скоплении зевак парад и пожарные учения, организовав на борту ложный пожар, а также устроили стрельбу из тяжелых орудий. Все это сопровождалось щедрыми проявлениями морского гостеприимства («...когда свою работу сделали шампанское, мадера, вишневая настойка, пунш и виски, я обратился к... смеси из кетчупа и уксуса, которую они, похоже, тоже встретили с удовольствием») и музыкой оркестра

темнокожих «менестрелей».

Неизвестно, что японцы сочли за окончательное доказательство высокого уровня развития американской культуры, но в итоге Перри заключил вожделенное соглашение, а еще через несколько лет аналогичные документы были подписаны и с другими западными державами. Первоначальные соглашения о дружбе, обязывавшие оказывать гостеприимство путешественникам, под давлением Запада были вскоре заменены торговыми договорами, предоставлявшими иностранцам гораздо более широкие права.

В ходе этого дипломатического процесса сегунат выказал фундаментальную слабость, во-первых, беспрецедентным решением проконсультироваться одновременно с *дайме* и с императором до того, как принять соглашения; во-вторых, допущением того, что Япония не может надеяться на победу в поединке с превосходящими военными технологиями «черных кораблей» Перри. Основу авторитета Токугава — право власти от имени императора как «великого воеводы, покоряющего дикарей» — фактически признали обманом.

Первые впечатления

Первым постоянным представителем Великобритании в Японии стал сэр Резерфорд Элкок. Его отчет о пребывании в этой стране «Столица сегуна» долгое время пользовался популярностью среди его соотечественников, хотя и спровоцировал коллегу Элкока (намного более талантливого) А. Б. Митфорда нелестно отозваться о нем в том духе, что Элкок «был бы намного более велик, если бы никогда не писал книг о стране, которую не понимал, и грамматик того языка, на котором не умел ни читать, ни писать». Как бы то ни было, характеристика Эл коком Японии как земли, где все перевернуто с ног на голову, долгое время оставалась расхожим представлением западных читателей об этой стране:

В сущности, Япония — страна парадоксов и аномалий, где все — даже самые обычные вещи — приобретает новый ракурс и необычным образом перевернуто. За исключением того, что они не ходят на головах вместо ног, только с немногими они — по какому-то мистическому закону — не обращаются в совершенно противоположном направлении и в обратном порядке. Они пишут

сверху вниз, справа налево, перпендикулярными, а не горизонтальными строчками; их книги начинаются там, где наши заканчиваются, тем самым являя примеры любопытного следования правилу противоположного применения. Их замки, хотя и имитируют европейские, сделаны так, что запираются поворотом ключа по часовой стрелке. Все земные явления выглядят перевернутыми... Я оставляю объяснения философам, а сам лишь перечисляю факты. Здесь старики пускают бумажных змеев, а дети смотрят на них; плотник работает, направляя инструмент на себя; а портные шьют иглой от себя; они садятся на лошадей сзади — лошади стоят в стойле головой туда, где у наших хвосты, колокольчики на сбруе тоже всегда вешают не спереди, а позади... и наконец, здесь в общественных банях царит такое смешение полов, которое на Западе посчитали бы безусловно шокирующим и неподобающим; я описываю то, что видел, — и перед нами задача, которую предстоит решить.

Японцы читали о Западе не менее жадно, чем жители Запада читали о японцах. Описание Лондона, приводимое в книге «Перечень знаменитых мест в варварских странах» (1862 год), избегая юмористического тона Элкока, выказывает

приподнятое настроение и присущую японцам склонность к фактам и цифрам:

Здесь много огромных зданий, и численность населения тоже велика. Над рекой поднимается большой мост, 1800 футов в длину и 40 футов в ширину... Над берегом реки возвышается крепость... Устье реки настолько забито кораблями, что может показаться, будто они стоят на суше. Людей много, и количество студентов в университете обычно составляет не менее нескольких десятков тысяч. Женщины чрезвычайно сладострастны, а мужчины проницательны и хитры. Чтобы удовлетворить собственные амбиции, они строят большие корабли, которые плавают по морям во всем мире. Они торгуют всеми видами товаров и получают колоссальную прибыль. У них 28 000 торговых судов с экипажами общей численностью 185 000 человек. Корабль монарха имеет 40 пушек; свыше восьмисот кораблей оснащены 120 пушками каждый...

Подобные наивные представления бытовали и в Британии, например в «Записках о нравах и обычаях Японии», опубликованных лейтенантом Дж. М. У. Сильвером после его возвращения на родину (он нес охрану британской дипломатической миссии). Эта книга не претендовала на

научность и не придерживалась логики в изложении, начинаясь главой «Фестивали и праздники» и заканчиваясь главой «О любви к цветам», а также содержала обширные главы «Пожары и пожарные бригады» и «Двор микадо». Более шокированный совместным мытьем мужчин и женщин в общественных банях, нежели жестокими публичными казнями, Сильвер с прямотой и искренностью писал обо всем, что вызывало его удивление и интерес. Заядлый спортсмен и один из самых здоровых людей своего времени, он находил национальный спорт Японии крайне странным:

Их главным атлетическим развлечением является борьба... и мускулистые мужчины часто собираются парами по вечерам на окраинах городов и деревень и приседают в стойке, напоминая готовящихся к драке сердитых петухов, либо таскают друг дружку туда или сюда как лягушки, сражающиеся за кусочек пищи. В схватке необходимо тащить и толкаться, а главная цель — вытолкнуть противника за пределы отмеченных границ...

Профессиональные борцы обычно мужчины поистине геркулесовых пропорций. От постоянных упражнений они развивают такую мускула-

туру, которая затмевает всех наших чемпионов; но их пузатые фигуры и вялые движения делают дальнейшее сравнение невозможным, поскольку они не ценят то, что мы называем тренировкой. На маленькой площадке, которой ограничиваются соревнования, размер и вес имеют больше значения, чем напор; поэтому, вместо того чтобы избавляться от лишнего веса, они стараются его увеличить...

Если борцы сумо представлялись Сильверу парадоксом, поведение болельщиков было немногим лучше:

Шквал аплодисментов приветствует героя, который прохаживается вдоль рядов, сопровождаемый своим... слугой, собирающим дары, милостиво выдаваемые за победу. Обычно кидают деньги, но нередко дарят и предметы одежды -- иногда даже слишком свободно: для обоих полов не является чем-то необычным в таких случаях наполовину обнажить себя; а любимая забава среди женщин — посылать своих мужчин выкупать потом эти одежды у борца.

Кризис сегуната

Политическая жизнь между 1853 и 1868 годами была сложной, противоречивой и беспокойной. Многие самураи — в том числе удаленные от власти семейством То-кугава— придерживались лозунга «Сонно дзой!» («Почитать императора! Изгнать варваров!»). «Неравноправные соглашения» не только предоставляли иностранцам права проживания и собственности, но и обязывали Японию не вводить заградительные тарифы против импортных товаров, а также дозволяли рассматривать дела обвиняемых в преступлениях иностранцев в их собственных консульских судах. Подобные ограничения японского суверенитета на собственных землях были глубоко унизительными. Вокруг императорского двора в Киото, превратившегося в главный центр интриг, начала формироваться коалиция, оппозиционная политике умиротворения. Токугава разошлись во мнениях по поводу наилучших действий и метались между уступками и репрессиями. В 1862 году они разрешили *дайме* не следовать правилу «альтернативного проживания», а когда позже попытались ввести правило заново, их

приказы игнорировались. Непоследовательность правительства раздражала западные державы, отталкивала сторонников и не могла заставить критиков замолчать. *Тодзама-дайме* Сацума и Теею, которые на протяжении длительного времени не допускались в правительство, стали лидерами внутренней оппозиции, невзирая на долгое соперничество друг с другом. Оба клана имели земли на юго-западе Японии — вдали от традиционных центров политической жизни — и оба пострадали от карательных бомбардировок Запада после того, как совершили нападения на корабли и собственность европейцев. Обоих этот кровавый опыт убедил в необходимости модернизировать японскую армию и промышленность на западный манер. В конце концов они начали собственную модернизацию; и в обоих феодальных владениях молодые, радикально настроенные самураи желали ускорить темп изменений и покончить с кризисом в стране. Постепенно их недовольство вылилось в последовательную революционную программу: свергнуть власть сегуната и заменить ее правительством под началом императора, которое начало бы процесс реформирования в национальном масштабе.

В 1866 году Токугава сделали последнюю по-

пытку восстановить свою власть, послав армию для усмирения объединившихся Теею и Сацума. Эту армию разгромили, и в том же году умер сегун Иэмоти. Его преемник Есинобу (1837-1913) решил не рисковать и принял предложение главы клана Тоса об отставке. Убежденный, что обширные владения обеспечат ему важное место при любом политическом раскладе, Есинобу оказался введен в заблуждение своими противниками. В 1867 году на трон взошел пятнадцатилетний Муцухито (1852-1912), которого окружали сторонники альянса Сацума—Теею. Есинобу столкнулся с перспективой утратить свои владения, и его силы двинулись на Киото. Армии Теею, Сацума и Тоса, объединившиеся под знаменем императора, разбили Есино-бу и без боя взяли Эдо. В январе 1868 года главных *дайме* собрали в Киото и сообщили о том, что в стране «восстановлено» прямое правление императора. Новая эпоха, продлившаяся до смерти императора, звалась *Мэйдзи* — «Просвещенное правление».

Император Мэйдзи (1852-1912)

В апреле император занял Эдо и переименовал его в *Токио* («Восточная столица»). До лета 1869 года на севере Японии продолжались периодические бои, но с властью Токугава — самой длинной династии сегунов в японской истории — было

покончено.

«КЛЯТВЕННАЯ ХАРТИЯ ПЯТИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ПРИНЦИПОВ»

В апреле 1868 года от имени нового императора была обнародована «Клятвенная хартия». Основная цель документа заключалась в завоевании поддержки политически значимых сил; широким слоям населения кратко сообщалось, что они должны, как обычно, следовать инструкциям, вывешиваемым на деревенских досках объявлений. Краткость хартии придавала ей ауру великолепия, а неопределенность формулировок оставляла простор для маневра.

1. Нужно созвать совещательные собрания, а все вопросы следует решать путем публичного обсуждения.

2. Всем сословиям, высшим и низшим, надлежит объединиться для решения государственных задач.

3. Всем людям — не только гражданским и военным чинам — надо позволить следовать их призванию и тем самым избавить от недовольства.

4. С пагубными обычаями прошлого следует покончить, все должно основываться на законах

природы.

5. Следует собирать знания по всему миру для укрепления основ императорского правления.

Новый режим действовал поначалу осторожно и повиновался императору, чтобы гарантировать повиновение страны в целом. По образцу западных были созданы подобия министерств и ведомств. Для чеканки императорской монеты учредили монетный двор. Обычным людям приказали носить имена своих семейств (фамилии). Старые феодальные домены заменялись префектурами (причем не менялись ни границы, ни наместники этих земель).

«Богатая страна — сильная армия»

В 1871 году большая и высокопоставленная делегация, возглавляемая сановником Ивакурой Томоми (1825-1883), направилась на Запад для повторных переговоров о подписанных «неравноправных соглашениях». Послов в резкой форме проинформировали о том, что это совершенно неуместный вопрос; однако исход «миссии Ивакуры» был, скорее, положительным, чем негативным.

Окубо Тосимити из клана Сацума увидел смог над небом Лондона и счел его «достаточным объяснением богатства и могущества Англии». Когда он узнал, что «весь этот колоссальный рост торговли и промышленности в городах произошел за последние пятьдесят лет» и что еще сорок лет назад железные дороги, речное судоходство и телеграф были здесь неизвестны, он пришел к убеждению, что — благодаря усилиям и образованию — Япония сможет быстро нагнать Запад. Подавленные первым опытом столкновения с Западом, японские эмиссары вернулись с осознанным желанием ускорить радикальные реформы.

Лозунгом политики модернизации стало выражение «Фукоку кехэй» («Богатая страна — сильная армия»). Эта программа включала в себя принятие солнечного календаря; строительство железных дорог; обязательное образование и обязательную службу в армии; разрешение браков между людьми разных сословий и запрет на ношение мечей в общественных местах. Подобные революционные изменения с неизбежность провоцировали сопротивление. Крестьяне злились на то, что лишаются сыновей, которых обучали грамоте и забирали в армию. Самураев задевала потеря собственного статуса, режим мог предложить службу только меньшинству — учителями, полицейскими, гражданскими чиновниками или офицерами в реформированной на западный лад армии. Растущая инфляция также возбуждала недовольство.

Случались бунты, но, что более серьезно, вспыхивали и восстания. Последнее и самое крупное восстание произошло в 1877 году. По иронии, оно охватило земли клана Сацума, а возглавил его герой Реставрации Сайго Та-камори (1827-1877), который страстно верил в то, что всеобъемлющее подражание Западу угрожает моральной сути национального характера. Он и его 40 000

воинов дали правительственным войскам жестокий бой, но в конечном счете были побеждены подавляющим количеством тех, кого презрительно именовали крестьянами в заморской форме. После тщетной попытки навязать новое сражение Сайго совершил самоубийство. В 1891 году его посмертно реабилитировали, признав, что действия Сайго были вызваны опасениями нарушения целостности страны, а не личными амбициями. И до настоящего времени «Великий Сайго» остается героем Японии.

УЧИТЕЛЬ

Самым влиятельным частным лицом периода Мэйдзи называют Фукудзаву Юкити (1835-1901). Хотя его часто приглашали в правительство, он неизменно отказывался, убежденный в том, что стране крайне необходим слой интеллектуалов, не зависящих от покровительства официальных властей. Юкити внес огромный вклад в создание этого слоя, основав Кэйо (один из самых престижных университетов Японии), «Дзидзи Симпо» (одна из влиятельнейших газет) и написав свыше сотни книг. Он намеревался добиться трансформации и укрепления страны благодаря «разрыву со слепой приверженностью обычаям прошло-

го» и переходу к последовательному принятию ценностей западной цивилизации и тех научных принципов, на которых — по его мнению — та базируется:

Школы, промышленность, армия и флот — лишь внешние формы цивилизации. Их воспроизвести не трудно. Все, что нужно, — деньги, чтобы заплатить. Но остается нечто нематериальное, то, чего нельзя увидеть или услышать, купить или продать, занять или одолжить. Это нечто пронизывает всю нацию, его влияние настолько сильно, что без него любая школа и вообще всякие внешние формы окажутся слабым подобием. Эту крайне важную сущность мы должны называть духом цивилизации.

Будучи младшим сыном бедного самурая с Кюсю, Фукудзава рано понял, что ему придется пробивать себе дорогу в этом мире самостоятельно. В 1854 году он приехал в Нагасаки к мастеру-голландцу, чтобы обучаться языку для общения с Западом. Когда позднее он обнаружил, что в Европе говорят преимущественно на английском, то мужественно выучил и этот язык. Его открытость и энтузиазм в отношении иностранной культуры вызывали насмешки и угрозы ксенофобов, спровоцированных на-

сильственным открытием Перри Японии. Когда позднее он приобрел славу «почитателя Запада», то долгие годы не выходил вечерами из дома без страха быть убитым.

Жадность Фукудзавы к знаниям и способности к языкам позволили ему войти в состав ранних японских посольств в США (1860) и Европу (1862). В «Автобиографии» он вспоминал собственное изумление перед экстравагантностью и причудливостью того поведения, которое наблюдал:

...здесь повсюду видно пропадающее зря железо. В кучах хлама и на побережье — везде — я находил старые канистры из-под масла, пустые банки и сломанные инструменты. Это было удивительно, поскольку в Эдо после пожара немедленно появились бы целые тучи людей, ищущих среди пепла гвозди...

Другим шоком было гостиничное обслуживание:

...мы заметили... ценные ковровые ткани, которые в Японии могут в импортных магазинах купить только самые богатые люди, причем в скромном количестве, чтобы сделать из них кошельки и кисеты для табака. Здесь же ковер покрывал комнату целиком — что просто поразительно, — и по этой драгоценной ткани наши

гости ходили в той же обуви, в которой гуляли по улицам!

Фукудзава был зачарован охотой на лис, балами и концепцией «лояльной оппозиции». Последняя заинтересовала его в особенности, хотя иностранцы пытались произвести впечатление демонстрацией технических новинок и мощнейших двигателей. Фукудзава же хотел узнать, как работают больницы, банки и почта. По возвращении он написал три тома книги «О положении в странах Запада» (1866-1870); искренний стиль этой работы сделал ее бестселлером, а автора — знаменитостью. «Книги Фукудзавы» стали синонимом прогрессивного обучения, а кроме того, помогли популяризации таких чужеродных для Японии концепций, как «права» и «свобода», для которых Фукудзава и другие энтузиасты западной культуры придумали японские эквиваленты. Например, непривычное понятие экономической конкуренции изображалось иероглифами как комбинация китайских символов «гонка» и «борьба».

СПОРЫ И РАЗОЧАРОВАНИЕ

Фукудзава стал главным членом Мэйрокуся («Общество шестого года Мэйдзи»), которое со-

действовало публичному обсуждению западной культуры и реформ. Таким образом, он первым ввел практику непривычного для Японии искусства публичных дебатов. В 1875 году он опубликовал книгу «Краткий очерк теории цивилизации», в которой характеризовал Японию как «полуциви-лизованную» страну — наряду с Китаем и Турцией, — потому и находящуюся «ниже» Запада в отношении «литературы, искусств, коммерции, промышленности, от самых масштабных явлений и до самых малых». Он защищал введение парламентского правительства, массового образования, модернизацию языка и необходимость повышения статуса женщин. Но, хотя Фукудзава был горячим прогрессистом, он оставался пламенным патриотом и не видел противоречий между национализмом и интернационализмом:

Япония и западные страны живут под одним небом и на одной земле. Их согревает одно и то же солнце, и их народы имеют общие человеческие чувства... Следовательно, они должны учить и учиться друг у друга, печься о благосостоянии друг друга и смешиваться между собой... Мы не должны страшиться противостояния военным кораблям Англии и Америки ради того, что яв-

ляется правильным... Стране не следует бояться защищать собственную свободу от вмешательства, даже если ей враждебен весь мир.

В поздние годы Фукудзава стал все больше разочаровываться в агрессивном империализме западных держав и отвергал их притязания на звание «распространителей цивилизации», которым они прикрывали расизм и эксплуатацию. Возмутительное поведение иностранцев в торговых портах Японии вызвало злой и презрительный упрек:

Мне говорят, что все иностранцы верят в жизнь после смерти, но я должен заметить — только немногие из посещающих наши порты смогут попасть на небеса. Они едят и пьют, а потом уходят, не заплатив... Они берут аванс... и затем не доставляют обещанное... Они палят из ружей вблизи домов, прокладывают силой себе путь по частным дорогам, скачут на лошадях во весь опор...

Что же до «закона наций», Фукудзава ясно видел, как тот применяется «к тем, кто не из христианских стран... Какие бы безумства не совершали на Востоке выходцы с Запада, никто не посмеет и палец на них поднять».

В серии памфлетов «Призыв к образованию»

Фукудзава заявлял, что «когда люди рождаются, они равны по природе... Различие между умным и глупым происходит от образования». В университете Кэйо он старался внедрить «практическое обучение, которое бы было приближено к повседневным потребностям человека». Критикуя традиционных ученых как бесполезных, «проедающих рис книжников», он создал институт, откуда вышли поколения бизнес-лидеров и удивительно мало бюрократов. Подводя итог своей карьере в «Автобиографии», он скромно заключал: «Мой успех не связан с моими способностями, но обусловлен тем временем, в которое я призван был служить...»

«Цивилизованность и просвещение»

Официальное одобрение курса на вестернизацию датируется примерно 1870 годом. В 1871 году муниципальные власти Токио запретили обнажаться в общественных местах в знак уважения перед западными понятиями о скромности. Императорский двор в 1872 году отказался от традиционных шелков в пользу саржевой и золотой тесьмы, которой благоволили европейские монархи. На протяжении столетий в Японии почтенные замужние женщины сбривали брови и чернили зубы смесью из винного уксуса; в 1873 году императрица появилась на публике с натуральными бровями и белозубой улыбкой. Безумие движения *буммэй койка* («цивилизованность и просвещение») достигло пика в 1880-е годы. Следившие за модой люди приучали себя есть молочные продукты и говядину, хотя последняя застенчиво именовалась «горным китом». В 1883 году правительство открыло *Рокумэйкан* (Павильон загнанного оленя), построенное в европейском стиле здание, в котором официальные лица и приближенные к режиму Мэйдзи японцы могли вместе с западными ди-

пломатами и гостями наслаждаться бальными танцами, музыкальными концертами, бильярдом и благотворительными аукционами. Более серьезным событием были введение в 1883 году уголовного кодекса по образцу французского, учреждение в 1884 году звания пэра и кабинета правительства в 1885 году. Другим тревожным знаком стало появление агитаторов за «права народа» в лице Ита-гаки Тайсукэ (1837-1919), основателя либеральной партии, опиравшейся на поддержку сельского населения, и Окума Сигэнобу (1838-1922), создателя университета Ва-сэда. Оба политических деятеля пережили попытки покушения и стали членами первого партийного правительства: Окума как премьер-министр, а Итагаки — министр внутренних дел.

РЕАКЦИЯ

Потребность в более вдумчивом подходе к реформам была сформулировала молодым интеллектуалом по имени Куга Кацунан в газете «Нихон»:

Мы признаем превосходство западной цивилизации... и мы уважаем философию и мораль Запада... Кроме того, мы ценим западную науку, экономику и промышленность. Однако не

следует копировать их просто потому, что они западные; их следует принимать только в том случае, если они могут поспособствовать благосостоянию Японии.

Если слово «благосостояние» истолковать как «сила», «укрепление», то вышеприведенное заявление становится эхом помыслов правительства. Вскоре в официальной политике наступила пора реакции против легкомыслия и радикализма, подлинных или воображаемых. В 1887 году был издан закон о сохранении мира, который существенно расширял полномочия полиции в сфере контроля политической деятельности. Учителям, студентам и гражданским служащим запрещалось посещать политические собрания. В 1889 году была провозглашена конституция, выдержанная в западном стиле. Разработанная Ито Хи-робуми (1841-1909), доверенным советником императора и рьяным почитателем Бисмарка, она вдохновлялась германской конституцией — слабый парламент, сильная исполнительная власть и особое положение военных. Эта конституция со всей очевидностью дала понять, что новая политическая система является подарком его августейшего величества, а не выражением народного суверенитета. Только один из восьми

японцев получил право голоса.

Император выказывал интерес к конституции и лично посещал все сессии, на которых рассматривались ее статьи. Аналогичную заинтересованность он проявил и при составлении императорского указа об образовании. Выпущенный в 1890 году, указ устанавливал фундаментальные принципы японской школьной системы, которые действовали до 1945 года. Эти принципы сочетали в себе традиционные для конфуцианства дочернее и сыновнее почтение, уважение к родителям, старшим, учителям, полицейским и т. д. с новыми гражданскими обязанностями: «...способствовать общественному благу и содействовать общественным интересам; всегда уважать конституцию и соблюдать законы; а в случае возникновения чрезвычайной ситуации — отважно предложить свою помощь государству».

Так самурайские добродетели — непоколебимая преданность, безусловное повиновение и неустрашимая отвага, когда-то специфические обязательства привилегированной касты, — превратились в идеалы всей нации.

Экономическое развитие

Официальный лозунг «Богатая страна — сильная армия» подразумевал как можно более тесные отношения между двумя направлениями политики национального укрепления. Японии было необходимо модернизировать экономику, чтобы сделать могущественной нацию, а не обогатить народ. Режим Мэйдзи начал уделять внимание созданию структуры экономического развития: в 1871 году по западному подобию была учреждена почтовая система, в 1872 году — национальный банк. Были построены и позднее проданы частному сектору образцовые фабрики; некоторые из них (изготавливавшие стекло, цемент, спички и бумагу) предназначались для продолжения политики замещения импорта. В 1872 году в Томиоке при помощи французских специалистов была построена шелкопрядильная фабрика, из которой в дальнейшем выросла экспортная отрасль, обеспечивавшая Японию жизненно важным источником иностранной валюты для оплаты за импортируемые зарубежные технологии. Правительство придавало этому предприятию такое значение, что перво-

начально работников на него нанимали почти исключительно из девушек, принадлежавших к самурайским семьям. Пока фабрика оставалась в руках правительства, она никогда не приносила прибыль, но в то же время стала важнейшим центром обучения для отрасли, которая в конечном счете обеспечивала треть японского экспорта. К 1882 году действовало примерно 2000 фабрик, где — поскольку фабрики обычно были маленькими — в общей сложности трудились около 60 000 человек. С развитием тяжелой промышленности пришлось подождать: стимулы к нему появились с китайско-японской войной 1894-1895 годов, что при поддержке правительства привело к рождению сталелитейного гиганта, завода Явата, и созданию первого японского локомотива.

Энтузиазм в отношении промышленности не означал пренебрежения сельским хозяйством, которое оставалось крупнейшей сферой занятости и поставляло продовольствие для стремительно растущего населения и сырье (шелк и хлопок) для главных экспортных отраслей. Еще одной ценной культурой был чай, ставший второй по размеру статьей экспорта. Основным источником правительственных доходов продолжал оставаться налог на землю; его сбор контролировался стро-

же, чем в феодальные времена. Новый режим не поддавался искушению заимствовать деньги за рубежом, на лондонской бирже привлекли всего два крупных займа: один пошел на финансирование первой национальной железной дороги, которая протянулась на девятнадцать миль от Токио к Йокогаме и была построена 29-летним шотландским инженером (чрезмерной работой загнавшим себя впоследствии в могилу); второй займ направили на стабилизацию финансов, расшатанных восстанием в землях Сацума. Национальная приверженность самофинансированию означала, что, в конечном счете, индустриализацию Японии оплачивали крестьяне, поскольку налогообложение промышленности оставалось на сознательно низком уровне для поощрения инициативы и инноваций. Сопротивление сельчан уплате налогов, школьному образованию и введению воинской повинности безжалостно подавлялось. С другой стороны, крестьянским хозяйствам помогали, предлагая новые аграрные технологии и награждая за выдающиеся достижения в улучшении традиционных технологий или за успешное внедрение новых видов деятельности, например производства молочной продукции.

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО И ПРОТЕСТ

Отмена феодальных ограничений на продажу земель, перемещение населения и выбор рода занятий высвободил массу энергии и амбиций. Книга «Самопомощь» Сэмюела Смайлза, переведенная на японский в 1871 году, стала евангелием эпохи; и никто не следовал новой доктрине более страстно, чем Сибусава Эйиси (1840-1931) — выходец из маленького городка, ставший президентом Первого национального банка и способствовавший основанию около 500 различных компаний и торговых организаций. Дистанцируясь от презираемого образа эгоистичного и лживого торговца периода Эдо, он воспевал патриотическую ценность своей деятельности. Еще одним миллионером, сделавшим себя самостоятельно, был бывший самурай Ивасаки Ятаро (1835-1885): принадлежавшая ему верфь оказалась стартовой площадкой для бизнес-империи «Мицубиси», от судостроения шагнувшей в добычу полезных ископаемых, складской бизнес, бизнес в сфере недвижимости и банковское дело.

Новые предприятия возникали повсюду. Старинное семейство Мицуи финансировало обе стороны в ходе борьбы за свержение сегуната,

а позднее получило значительную выгоду от приватизации профинансированных правительством образцовых предприятий и поглотило бумажную и текстильные фабрики, компанию, которая в 1883 году впервые провела электричество в Токио, и машиностроительное предприятие, которое стало предтечей современной корпорации «Тошиба электронике». В 1876 году был создан филиал для операций внешней торговли, который приобрел контроль над японским угольным бизнесом, поставлял половину продукции национального машиностроения на импорт и основал собственную судоходную линию; теперь это одна из крупнейших в мире торговых корпораций «Мицуи Буссан». Признание заслуг группы Мицуи в поддержке военных усилий в 1894-1895 годах выразилось в присвоении ее главе титула барона.

В бездумном преследовании целей экономического роста законодательство фактически игнорировало права работников и защиту окружающей среды. Бесстрашный Танака Седзо (1841-1913), одновременно мятежник и традиционалист, был одним из первых, кто выступил против злоупотреблений и эксплуатации. Будучи сыном крестьянина и самоучкой, он развернул

настойчивую кампанию против добычи меди, которая отравляла пищу, воду и земли общины. Дерзко провозгласив, что «убивать людей значит убивать нацию», он в своей декларации одним из первых в мире использовал слоган защитников окружающей среды: «Забота о реках — это путь на небеса».

Ятои

Освоение культуры и технологии Запада требовало приглашения западных экспертов в качестве инструкторов. К ним обращались как к «благородным иностранным специалистам», а за глаза называли «живыми машинами». Некоторые из *ятои* (иностранных сотрудников) уже проживали в Японии и их переманивали от западных нанимателей; другие нанимались работать сами, большинство рекрутировали целенаправленно и даже вели «охоту за головами». На раннем этапе Японию наводнили *икасама* («благородные мошенники»), которые, согласно биографу британского министра сэра Гарри Паркса (1828-1885), «принадлежали к обширной массе людей, приплывавших в каждый морской порт. Выйдя из бара, борделя, игорного салона... они несли изящество, язык и манеры этих мест в классные комнаты...»

В общей сложности наняли около 4000 *ятои*, половину из них составляли британцы, другими многочисленными группами были французы, американцы и немцы. Свыше половины британцев трудились на государственных работах,

остальные служили преимущественно в военно-морском и гражданском флоте. Тогда как британцы чаще всего были инженерами и моряками, французы подвизались бюрократами и солдатами, немцы — врачами и полицейскими, а американцы — учителями и агрономами. Большинство приезжих были молоды, дееспособны и активны, не боялись ответственности и часто оправдывали доверие. Как писал Джордж Буске, первый из нанятых министерством юстиции адвокатов: «Юные студенты строят дворцы, банковские клерки оперируют огромными кредитами, а армейские капитаны выполняют обязанности, которые были бы тяжким бременем и на плечах генерала...»

Политика японцев в отношении *ятои* заключалась в том, чтобы хорошо платить, вынуждать много работать и как можно скорее избавляться от них. (Только один иностранец назывался в официальных заявлениях «необходимым» — У. Каргилл, британский директор правительственных железных дорог и телеграфа.) Подобно тому как японцы беспокоились о том, чтобы не попасть в зависимость от иностранных заимствований, они стремились достичь и самодостаточности в технических и административных вопросах.

Многие *ятои*, заканчивая работать в Японии, проводили остаток профессиональной жизни в разочаровании. Так, Генри Дайер вернулся в родную Шотландию достаточно молодым и выполнял различные заказы, но так и не смог найти дела, которое увлекало бы его не меньше, чем в Японии, где он основал при Токийском университете инженерную школу.

В разгар программы по привлечению *ятои* на их оклады уходило не менее 10% всего бюджета министерства образования. В 1874 году в стране находилось около 500 *ятои*; к 1879 году эта цифра сократилась вполовину, а к 1885 году снизилась еще на столько же. Инвестиции окупились. В 1910 году был закрыт последний курс, преподававший-с я на английском языке в университете, — стратегически необходимая наука строительства военно-морских судов. Менее чем за пятьдесят лет Япония усвоила и вывела на новый уровень техническое наследие западного мира.

МАСТЕРА И НАСТАВНИКИ

В самой Японии до сих пор с благоговением и уважением вспоминают тех иностранцев, которые помогли заложить основания современной нации и имена которых зачастую плохо извест-

ны в их родных странах. В Саппоро, где около девяти месяцев жил американец Уильям Смит Кларк, основатель Сельскохозяйственной школы, в память о нем стоит конная статуя, достойная генерала Кастера, на которой написан его совет: «Парни, будьте амбициозными!» Немногочисленные примеры иллюстрируют выдающиеся карьеры и влияние этих пионеров.

Многие японцы с почтением говорят о выходце из Ольстера докторе Уильяме Уиллисе, официальном враче британской дипломатической миссии. В ходе гражданской войны во времена свержения сегуната он лечил сотни пострадавших с обеих сторон и обучал японских докторов западной хирургии. (Как он отмечал, чаще всего ранения носили огнестрельный характер и лишь изредка были нанесены мечом.) Выполняя свои профессиональные обязанности, он также имел дело с холерой, малярией, бешенством, оспой и вспышкой венерических заболеваний. Последние столь часто поражали британскую миссию и гарнизон, что министерство иностранных дел попросило Уиллиса подготовить специальный отчет и предложить медицинские меры для устранения заболеваний. Позднее Уиллис помог основать медицинскую школу в Кагосиме, а за-

тем отправился работать в Таиланд.

УИЛЬЯМ ЭЛЛИОТ ГРИФФИС

Уиллис прожил в Японии пятнадцать лет. Американец Уильям Эллиот Гриффис пробыл там четыре года до того, как его контракт преподавателя был внезапно расторгнут, но талант публициста превратил Гриффиса в ведущего «японист» США примерно на полвека. Изначально он направился в Японию, влекомый любопытством и алчностью; он надеялся одновременно преподавать и накопить материал для книги и деньги на черный день. Прибыв в Фукуи, столицу Этидзэн, он испытал пошедший ему на пользу шок («Пелена упала с моих глаз... Я был поражен чрезвычайной бедностью народа...»). Не испугавшись, он поставил перед собой высокие цели — написать в течение семестра книгу, покончить с употреблением сакэ и «предосудительным совместным купанием полов». Рвение, идеализм и прилежание молодых студентов-самураев умерили его первоначальное тщеславие и вынудили написать в журнал «Сайентифик Эмерикен» предостерегающее письмо:

Японцам нужны помощники и советники. Они планируют оставить «начальство», чиновни-

чество и власть в собственных руках... Почти каждый назначенец приходит сюда с намерением «произвести революцию» в своем ведомстве, однако японцы этого не хотят. Они хотят, чтобы иностранцы следовали проложенному курсу и делали это ни быстрее, ни медленнее, чем могут вынести местные предприятия... Если человек желает действительно трудной работы... и хочет вникать во все дела — пусть он попытается проделать это в Японии. Если он ожидает, что японский народ захочет назначить его государственным секретарем... тогда ему лучше остаться дома...

Менее чем через год Гриффис ухитрился заполучить работу в Токио. Его потрясли перемены, произошедшие за время его непродолжительной жизни в сельском районе:

Токио настолько модернизировался, что я едва узнал его. Никаких бродяг, никаких застав, никаких стражников... Пришла эпоха носить брюки... и ездить в бесчисленных вагонах... Все солдаты одеты в униформу... Над каналами простираются новые мосты. Полиция в униформе... В обращении золотые и серебряные монеты... Со старым Эдо покончено навсегда.

Поучив студентов географии, физиологии, литературе и праву, написав заметки и руковод-

ства, а также помолившись в церкви в Йокогаме, Гриффис вернулся домой писать книгу «Империя микадо». Эта книга стала стандартом для американцев и выдержала дюжину переизданий. В ней Гриффис критиковал западные державы за высокомерие и двуличность в отношении Японии, но его любовь к этой стране не мешала ему увидеть недостатки: «Любовь к истине как таковой, целомудрие и умеренность не относятся к характерным добродетелям». В 1908 году Гриффис был награжден орденом Восходящего солнца четвертой степени.

БЭЗИЛ ХОЛЛ ЧЕМБЕРЛЕН

Бэзил Холл Чемберлен — англичанин, долгое время проживший в Японии и проделавший путь от учителя английского языка в Военно-морской школе до профессора японского языка в Токийском университете, где он первым из иностранцев стал изучать раннюю японскую историю, поэзию и язык. Из-за слабого здоровья он не смог завершить университетский курс в Англии ив 1873 году случайным образом оказался в Японии в ходе кругосветного путешествия, которое должно было поправить его самочувствие. В Японии он прожил до 1911 года, до выхода в

отставку. Его очень раздражали книги людей, которые объявляли себя экспертами по Японии, пробыв в ней шесть недель. Свои энциклопедические познания он в краткой форме изложил в восхитительном путеводителе «Все японское», организованном по типу словаря. Впервые путеводитель издали в 1890 году, затем последовало шесть переизданий, печатается книга и сегодня, поскольку остается блестящим образцом глубокого знания и сардонического юмора, что видно из приводимого ниже короткого отрывка:

...борцов (сумо) следует назвать среди наиболее характерных для Японии типажей, хотя они и не такие маленькие или изящные, как большинство японских вещей... Это горы жира и мышц, с плоскими лицами и низкими плотскими привычками... их силовые подвиги явно показывают, что «тренировка», которая заключается в выборе себе продовольствия, является напрасным суеверием.

Японцы «обожают сцены, а не пейзажи»; «...чай и церемонии совершенно безвредны, насколько этого можно ожидать от чаепития и сплетен»; «чистота является одной из немногих оригинальных черт японской цивилизации... в Японии смотрят на наготу, но не видят ее».

Чемберлен также участвовал в издании «Справочника для путешествующих по Японии», опубликованного Джоном Мюрреем и написанного знаменитым дипломатом сэром Эрнестом Сато (1843-1929). Многие из приводимых в книге советов не потеряли актуальности и сегодня: «Обувь рекомендуется носить так, чтобы ее можно было легко снять...»; «...Официальных лиц не следует оскорблять, предлагая им чаевые»; «Условия этой страны не располагают к сложным маршрутам»; «Берите с собой визитки. Японцы, с которыми вы познакомитесь, часто будут хотеть обменяться карточками»; «Прежде всего, будьте всегда вежливы и миролюбивы»; «Многие путешественники раздражают японцев, разговаривая и ведя себя так, как если бы они думали, что Япония и ее традиции — что-то вроде пип-шоу для развлечения иностранцев...»

ЭРНЕСТ ФЕНЕЛЛОЗА

То, что Чемберлен сделал для японской литературы, американец Эрнест Фенеллоза (1853-1908) сделал для японского искусства. Фенеллоза приехал в Японию по приглашению зоолога Токийского университета Эдварда Морзе (1838-1925), чья книга «Японские дома и их окрестности»

(1886) познакомила западных читателей с тонкостями японской архитектуры. Сперва Фенеллоза стал преподавать экономику и философию, но затем посвятил себя переоценке находившегося в тяжелом положении искусства. Когда мания на «западное» достигла апогея, он использовал свою должность в министерстве образования для возобновления преподавания в школах японской живописи и воспрепятствовал крупномасштабному экспорту предметов искусства иностранными коллекционерами, среди которых было много *ятои*. Кроме того, он содействовал учреждению школы, превратившейся впоследствии в Токийский университет изящных искусств и музыки (Гэйдзуцу Дайгаку). Фенеллоза тесно сотрудничал с Окакура Какузо (1862-1913), родоначальником современного музейного кураторства, который в 1906 году в новом свете представил японскую эстетику в книге «Его величество чай». Фенеллоза скончался за пределами Японии и был погребен на лондонском кладбище Хайгейт, где до сих пор можно увидеть его надгробие. Преданные японские студенты повторно перезахоронили его в храмовом комплексе Мии-дэра, откуда открывается великолепный вид на озеро Бива.

ДЖОН МИАН

Джон Милн (1850-1913) прибыл в Японию как эксперт по горному делу. В день его приезда в 1876 году случилось землетрясение. Несмотря на преподавательские обязанности, он изготовил сейсмограф для отслеживания подземных толчков, организовал первый в мире сейсмологический конгресс и учредил Сейсмологическое общество Японии. Дважды отмеченный за заслуги императором, он получил звание «почетного профессора». «Джонни-землетрясение» подтвердил свою преданность Японии, женившись на дочери буддийского священнослужителя.

Гайдзин

Японцы называют иностранца *гайкокудзин* (дословно «человек из другой страны»); в наши дни слово обычно сокращают до *гайдзин* — это выражение первоначально имело ругательный подтекст, но его настолько широко использовали сами *гайдзины,* что оно вошло в обиход. Сперва, в 1860-е годы, сообщество *гайдзин* состояло из дипломатов и коммерсантов, но скоро к нему присоединились идеалисты, оппортунисты и обычные люди всех сортов. Подобно *ятои,* многие из вновь пребывших внесли неоценимый вклад в межкультурные взаимодействия.

Джеймс Кертис Хепберн (1815-1911) до того, как приехать миссионером в Японию, имел медицинскую практику в Нью-Йорке, а также проповедовал в Китае. Поскольку формально христианство находилось под запретом, он по прибытии стал составлять англо-японский словарь, абсолютно правильно рассудив, что в свое время тот окажет неоценимую помощь в обращении японцев в иную веру. Хепберн с легкостью находил себе информаторов, общаясь с учениками, посещавшими уроки английского языка,

который преподавала его жена. Результат его усилий был в 1876 году издан в Йокогаме. Хепберн продолжал заниматься переводом Библии на японский язык, а также основал школу, впоследствии престижный университет Мэйдзи, и до настоящего времени широко используется его метод «романизации» японского языка.

Достижения на миссионерском фронте были более скромными. Японцы рьяно приветствовали многие аспекты западной культуры, но христианство — несмотря на активные усилия католиков и протестантов — имело мало сторонников. В 1907 году, спустя более тридцати лет проповедей, в Японии насчитывалось всего 140 000 христиан. Хепберн был образованным и уверенным в себе профессионалом. Его напарник-миссионер Джон Батчелор (1853-1944), простой парень из Сассекса, окончил только начальную школу, но впоследствии стал всемирно признанным авторитетом по айну, среди которых прожил шестьдесят лет, составляя первый айно-англо-японский словарь. Батчелора похоронили на заднем дворе церкви Экфилда, где он мальчишкой был помощником садовника. Шотландец Джон Редди Блэк (1816-1880) приехал в Японию через Австралию и стал в 1861 году редактором англоязычного еженедель-

ника сообщества *гайдзин* «Джа-пан геральд». В 1872 году он основал газету на японском языке с многообещающим названием «Ниссин Синдзиси» («Ежедневные достоверные новости»). Книга Блэка «Молодая Япония» стала первой из написанных не дипломатом, а журналистом; сначала опубликованная в Йокогаме, затем она также издавалась в Лондоне и Нью-Йорке.

ИНТЕРПРЕТАТОР ЯПОНИИ

Никто из *гайдзин* не отождествлял себя с приютившей их страной сильнее, чем Патрик Лафкадио Херн (1850— 1904). Он был наполовину ирландец, наполовину грек и мальтиец и по сути не имел корней. Херн уехал из Британии, а затем через США и Вест-Индию прибыл в поисках «земного рая» в Японию. Едва он в 1890 году очутился на ее земле, то понял, что обрел рай. Как видно из эссе «Мой первый день на Востоке», его переполнял восторг:

...все японское нежно, изящно, восхитительно... Банковские счета, обычные медные монеты — эти вещи прекрасны. Даже цветные ленточки, которыми продавец перевязывает вашу последнюю покупку, заслуживают внимания... в любую сторону, куда ни обрати взор, находятся бесчис-

ленные прекрасные и непостижимые вещи.

Через несколько лет Херн будет оплакивать безжалостную трансформацию своего новообретенного убежища: «...До какой же степени мертва старая Япония и какой ужасной становится Япония новая!» Другие видели в канализации и телеграфе впечатляющие доказательства того, что жизнь в стране улучшается, Херн же был напуган их влиянием на «этот отвратительный Токио... простирающийся на мили неописуемой нищеты... Трудно думать об искусстве, времени или вечности посреди помойки и грязного хлама». Он был одним из немногих европейцев, кто не только не восхвалял модернизацию Японии, но и действительно о ней сожалел.

В итоге Херн взял японское имя, Коидзуми Якумо, принял японское гражданство и женился на японке. Его очаровали японские мифы, легенды и фольклор, и он посвятил себя записям и прославлению того наследия, которое считал находящимся в опасности. Книги Херна «В призрачной Японии», «Блики незнакомой Японии», «Истории с полей Будды» охотно принимали западные читатели, и за десять лет до смерти он стал одним из самых влиятельных интерпретаторов японской культуры для внешнего мира. Его

последняя работа скромно называлась «Япония: попытка истолкования». Романтизм Херна резко контрастировал с грубоватым слогом Чемберлена, писавшего: «Когда человека вынуждают жить в Земле лотоса, Земля лотоса перестает быть таковой». Однако же Чемберлену в целом понравилась «лебединая песня» Херна, поскольку это был труд не только влюбленного в страну, но и знающего ее человека (хотя Херн так и не овладел японским языком настолько, чтобы прочесть даже газету, не говоря уже о классических текстах). Херна бросило бы в дрожь, проживи он дольше и прочти хвалебные слова своего биографа, славившего его как «японского» (!) писателя, благодаря которому «...о старых романах, забытых нами годы назад, стали говорить вновь, и древние сокровища, которые мы погребли под слоем пыли, засияли незнакомым и новым блеском».

Еще до смерти Херна в Японии появились собственные интерпретаторы ее культуры, наиболее выдающимся из которых был Нитобэ Инадзо (1862-1933), чья работа «Бусидо: душа Японии» была написана на английском языке и опубликована в 1899 году. Нитобэ утверждал, что самурайская этика служит моральным основанием японского социального порядка. Так как

сам он был самурайского происхождения, то подобная точка зрения была для него естественной. Он писал в то время, когда — посредством институтов массового образования и обязательной воинской повинности — бывшие самураи, ставшие учителями и военными офицерами, внедряли собственный кодекс чести в среде крестьянства. Как бы то ни было, аргументы Нитобэ имели исключительный успех, и за шесть лет его книга выдержала десять изданий на английском, девять на японском и даже была переведена на такие разные языки как чешский, норвежский и язык маратхи. Нитобэ окончил Сельскохозяйственный колледж Саппоро, а затем учился в США и Германии и взял в жены американку. В ходе своей выдающейся карьеры позднее он работал агрономом в Тайване, профессором в Императорских университетах в Киото и Токио и в конечном счете занял пост помощника генерального секретаря Лиги Наций.

Известные путешественники

«Странно находиться на чистой земле, необычно бродить вдоль кукольных домиков. Япония — успокоительное место для маленького человека». Так в 1889 году писал Ре-дьярд Киплинг, когда Япония стала хорошо известной в кругу викторианских завзятых путешественников остановкой в пути. Многих любопытство гнало в порты Кобэ и Йокогамы или в короткие «обязательные» вояжи к святилищам Киото и Никко. Возможно, они мудро ограничивали собственные амбиции. Как замечала Виктория Мэнторп:

Для большинства туристов цветы вишни, гора Фудзи, храмы, святилища и живописный народ были тем, что они должны увидеть. После всех усилий они получали трудно усвояемую, если и вовсе не горькую пищу. Кому-то требовался переводчик, или гид, или оба сразу. Зимой и летом климат сводил с ума. Хотя в больших городах имелись отели в европейском стиле, в глубинке вас ожидали чайные домики с бумажными стенами, без отопления, без мебели и уединения. Если вы уходили далеко от проложенных маршрутов... то оказывались в поистине суровых условиях...

ИСКАТЕЛИ ПРИКЛЮЧЕНИЙ И ЭСТЕТЫ

Дерзкие духом презирали подобные «пустяки», принимая изречение Чемберлена о том, что «настоящая Япония» открывается там, где заканчиваются железные дороги. Такой путешественницей была Изабелла Берд (1831-1904). Она относилась к тем неукротимым натурам, которые отправлялись в путешествие для поправки предположительно слабого здоровья, и, прежде чем оказаться в Японии, побывала на вершине вулкана на Гавайях и зимой на лошадях покорила Скалистые горы. В Японии она намеревалась исследовать отдаленные северные районы: «Мой маршрут пролегал вдали от проторенных путей и никогда полностью не пересекался с путями других европейцев». Записи мисс Берд о ее новаторской одиссее «По нехоженым тропам Японии» пестрили едкими суждениями: «Японцы — одни из самых нерелигиозных людей, каких мне доводилось видеть; их паломничества напоминают пикники, а религиозные праздники — ярмарки»; «Как можно ожидать, самоубийства среди женщин намного распространеннее, чем среди мужчин»; «Йокогама не заслуживает дальнейшего знакомства»; «Ни один из видов

Токио... не поражает, он на самом деле довольно монотонный... Это город величественных расстояний без вели-чия»; «Уэдзо (Хоккайдо) — самый крупный остров Японии, подобно ирландскому Типперери... Никто не оказывается здесь, не повстречавшись с чем-то странным и с одной-двумя ошибками».

В отличие от скептицизма мисс Берд искусствовед Джордж Риттнер был страстным почитателем «японского»:

Возможно, ни одна страна в мире не является более артистичной, нежели Япония... Если ручей не гармонирует с горой, через которую он протекает, его русло изменят; если некрасивое дерево имеет дерзость расти на холме, покрытом сиреневыми и белыми азалиями, его срубят... Ничто не может быть не на своем месте.

Киплинг несколько резко высказывался о влиянии американских миссионеров, которые возводят «похожие на вагоны церкви... чье уродство не может компенсировать никакое оправдание». Риттнер протестовал против соотечественников-туристов: «Как я полагаю, американцы несут главную ответственность за упадок японского искусства».

Экспансивные восхваления и порицания Ритт-

нера часто скатывались в откровенную чепуху, однако он не был, без сомнения, наихудшим критиком. Книга «Странные факты о Японии», написанная опытным путешественником и писателем Дугласом Слейденом, была менее ужасной, чем может показаться из названия (ее успех привел к появлению неизбежного продолжения «Новые странные факты о Японии»), однако подлинно удивительного уровня глупости достигла книжка того же автора «Три перекати-поле в Японии»:

Даже бродяги были весьма дружелюбными и улыбались нам с довольно непрофессиональной жизнерадостностью. Любопытство вызывают и веселые горбуны, которые показывают вам свой горб, как если бы это была лучшая в мире шутка... В Японии невозможно что-либо принимать всерьез; все кажется сделанным нарочно для того, чтобы вызывать смех.

ЯПОНСКИЙ ДНЕВНИК

По иронии судьбы, тогда как тривиальные впечатления о Японии легко находили своего читателя на Западе, один из самых диковинных рукописных отчетов оставался неопубликованным в течение шестидесяти лет после смерти

своего автора, Ричарда Гордона Смита (1858-1918). Смит был завзятым охотником, натуралистом и коллекционером; он имел значительный личный доход и внушительную телесную конституцию, а зарубежный вояж стал для него способом бегства от неудачного брака. Девять увесистых дневников в кожаном переплете заполнены нацарапанными от руки заметками, цветными зарисовками, фотографиями, открытками и всякой всячиной — от засушенных цветов и до трамвайных билетов. Как ни удивительно для страстного охотника и рыбака, он усердно изучал японскую мифологию, тщательно записывал фольклорные истории и нанимал местных художников для их иллюстрирования. Позднее его труд был оформлен в виде пяти томов и сформировал основу книги, опубликованной под названием «Древние истории и фольклор Японии». А в 1986 году Виктория Мэнторп собрала его впечатления в красиво иллюстрированной книге «Японские дневники Ричарда Гордона Смита».

На пути к империи

Стремление Японии к экспансии пробуждалось постепенно. До Реставрации Мэйдзи северный остров Хоккайдо, который в настоящее время составляет 20% национальной территории, даже формально не являлся частью японского государства. За исключением земель одного из кланов он был населен коренными айну и, по крайней мере теоретически, оставлял простор для российской оккупации. Поэтому режим Мэйдзи поторопился включить его в состав государства и при помощи *ятои*, состоявших преимущественно из американцев, создал агентство по развитию для заселения и освоения острова.

В 1874 году на Формозу (Тайвань) направили вооруженную экспедицию для наказания местного населения за убийство рыбаков с острова Рюкю (Окинава); провозглашая обязанность защищать своих граждан, Япония в то же время объявляла суверенитет над Рюкю. Жители острова на протяжении столетий жили при достаточно свободном правлении Сацума, а в 1879 году — невзирая на протесты Китая — были присоединены к Японии.

В 1874 году правительство Мэйдзи столкнулось с первым крупным кризисом в вопросах внешней политики. Встревоженная военными аналитиками, которые утверждали, что Корейский полуостров представляет «направленный в сердце Японии клинок», клика под руководством Сайго Такамори стала настаивать на его превентивном захвате. Сайго даже вызвался возглавить посольство — в надежде, что спровоцирует собственное убийство и тем самым даст повод для объявления войны. Выступавшие против упреждающих действий опирались на поддержку недавно вернувшейся миссии Ивакуры, чей опыт убеждал в том, что Японии потребуется предпринять глубокую модернизацию армии, прежде чем ввязываться в рискованные авантюры за рубежом. Соображения осторожности перевесили, и Сайго с отвращением удалился в земли Сацума готовить крестовый поход для возрождения традиционной воинской доблести.

КИТАЙСКО-ЯПОНСКАЯ ВОЙНА

Корея не была колонией Китая, однако подчинялась ему и платила дань, на протяжении столетий признавая культурное владычество «Поднебесной империи». Обеспокоенный мас-

штабом японского перевооружения, Китай начал активно готовиться к защите целостности и независимости своего вассала. Япония, все еще не желая рисковать и втягиваться в отрытое противостояние, свела инциденты 1882 и 1884 годов к компромиссам. В 1885 году обе страны согласились не посылать войска в Корею, не предупредив другую сторону. Элемент взаимности, который присутствовал в этом соглашении, давал понять, что Япония — совершенно независимое государство, требующее равноправного к себе отношения. В 1894 году Корея попросила у Китая помощи в подавлении восстания. Япония мгновенно ввела свои силы и отказалась выводить их обратно. Последовавшая война между китайскими и японскими военными на суше и на море продлилась менее года. В апреле 1895 года у Синосеки был подписан договор, согласно которому обе страны признали независимость Кореи. Китай уступал Японии Формозу (Тайвань), острова Пэнхуледао и Ляодунский полуостров, обязывался уплатить огромную компенсацию золотом для возмещения расходов на кампанию, а также делал ряд выгодных для японской коммерции экономических уступок.

Япония, которая после этого провела законода-

тельные и конституционные реформы, начала повторные переговоры о экстерриториальных уступках, вынуждая пойти своего некогда уважаемого наставника на еще более сильные унижения. Не желая признавать в Японии равноправного игрока в империалистической игре «обдери соседа», Германия, Франции и Россия объединились и потребовали от Японии вернуть Ляодунский полуостров Китаю. У Японии не оставалось другого выбора, кроме как склониться перед столь грозным альянсом, хотя согласие спровоцировало крупные бунты в Киото, а также заставило императора заметить, что он «терпит невыносимые страдания». Словно посыпая солью рану, в 1898 году Россия заставила Китай отдать ей в аренду спорный полуостров, где построили Порт-Артур — военно-морскую базу в незамерзающей бухте.

Несмотря на жестокое разочарование, война укрепила международный имидж Японии как «гигантского убийцы из засады», а на Тайване дала импульс развитию рынка, способствовала миграции избыточного населения и — в долгосрочной перспективе — создала новый источник риса и сырья. Кроме того, усилились престиж и влияние военных в вопросах национальной

политики. Военное искусство Японии еще более отточилось в ходе «боксерского восстания» в Китае 1900 года, когда японские военные отряды сыграли главную роль в составе международных сил, которые спасли осажденных в дипломатической миссии в Пекине иностранцев.

РУССКО-ЯПОНСКАЯ ВОЙНА

С заключением в 1902 году англо-японского альянса международное положение Японии заметно упрочилось. Стороны договорились помогать друг другу в случае конфликта с двумя или более государствами и оставаться нейтральными в случае войны с одной-единственной державой. Британия, обеспокоенная собственной дипломатической изоляцией по итогам англо-бурской войны (1899— 1902), готовилась повторно развернуть свои морские силы для противостояния растущей угрозе со стороны Германии. Япония же была уверена, что в случае войны с Россией угроза британского вторжения помешает французам поспешить на помощь русскому царю.

Руководствуясь подобными соображениями, Япония смогла занять более жесткую линию в воґіросе о продолжающемся усилении российского присутствия в Корее и на юге Маньчжурии.

Тщательно подготовившись, японцы прервали длительные и безрезультатные переговоры, в которые вступили ради выработки взаимоприемлемого решения. В феврале 1904 года японские корабли атаковали эскадру российского Тихоокеанского флота, стоявшую на якоре в Порт-Артуре. Лондонская «Таймс», не обращая внимания на «забывчивость» Японии относительно официального объявления войны, называла этот удар «актом отваги». Затем обученный британцами флот уничтожил вторую русскую эскадру, преодолевшую полмира, чтобы вступить в битву. Корабли адмирала Того (1848-1934), «японского Нельсона», отправили едва ли не все русские суда на дно Цусимского пролива менее чем за час. Война на суше оказалась более упорной. Русские, которые сражались в условиях недостатка обеспечения (припасы и амуницию доставляли за тысячу миль через дикую местность), едва могли обеспечить провизией свои колоссальные людские ресурсы, чтобы те действовали эффективно. Японцев же так ослабили собственные усилия, что они практически лишились офицерского корпуса, а внутренняя экономика оказалась на грани коллапса.

Обе стороны согласились принять посредни-

чество президента США Теодора Рузвельта, и в сентябре 1905 года в Портсмуте, штат Нью-Гемпшир, было подписано мирное соглашение. Россия признала приоритет Японии в Корее и отказывалась от своих экономических интересов в Южной Маньчжурии (включая вожделенный Ляодунский полуостров), а также от южной половины острова Сахалин.

Отсутствие компенсации военных затрат запятнало это соглашение в глазах японской общественности; но победа азиатской державы над европейской поощрила по всей Азии движение за независимость. По иронии, сама Япония вскоре обнаружила собственные колониальные устремления, низведя Корею до статуса протектората и вынудив ее короля оставить трон. Убийство в 1909 году только что назначенного «генерала-резидента» Ито Хиробуми местным патриотом показало, что корейцы не желают принимать японское правление со скромной благодарностью. В 1910 году Япония ответила прямой аннексией Кореи, тем самым положив начало длительному антагонизму между двумя странами. Ни одна из западных держав не протестовала. В 1911 году Япония все-таки добилась права изменить «неравноправные соглашения».

Едва ли можно винить японцев в том, что они пришли к заключению: для признания столь же «цивилизованной», как и западные нации, их стране надо вести себя не менее агрессивно.

ГЛАВА 8. *Через Темную долину, 1912-1945 годы*

Японцы, которые родились в начале XX века, наверняка достаточно хорошо помнят национальный траур, охвативший страну со смертью императора Мэйдзи в 1912 году. Тогда среднестатистический японец жил примерно столько же, сколько правил император, — чуть больше сорока лет. А за следующие сорок лет люди стали очевидцами того, как их страна обрела статус великой державы, была опустошена невиданной силы землетрясением, перешла от конституционного правления к милитаризму, завоевала и потеряла обширную азиатскую империю, пережила агонию ядерного удара и впервые в собственной истории испытала унижение иностранной оккупации.

Конец эпохи

Похоронная процессия императора Мэйдзи была богата на символы, понятные даже Западу. Ее составляли священники и придворные, одетые в форму солдат прошлого, а также моряки в западной униформе, какую император сам неизменно носил на протяжении последних сорока лет; вместе с ними в ногу маршировал почетный караул из 500 моряков британского Королевского флота — как дань близким в то время отношениям между двумя нациями. В 1913 году в храме Мэйдзи Дзингу стали возносить молитвы в честь духа покинувшего страну правителя; в наши дни это место окружено большим зеленым парком, который остается оазисом спокойствия посреди современного шумного Токио.

НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ

Два года спустя после совместного участия в похоронах императора японские и британские силы выступили как союзники в Первой мировой войне. Среди побед альянса были стремительное завоевание Японией германской базы Циндао на

китайском полуострове Шаньдун и захват ранее подконтрольных Германии островов в северной части Тихого океана.

Воодушевленная успехами, Япония решила усилить свое влияние в Китае, который все еще переживал беспорядки после падения в 1911 году маньчжурской династии Цинь. В январе 1915 года японское правительство направило молодой Китайской республике «Двадцать одно требование». Все требования делились на пять категорий. Первая группа требований относилась к новой позиции Японии на Шаньдунском полуострове; вторая — к ее интересам в Маньчжурии; третья — к добыче полезных ископаемых; четвертая — к «нежелательности» предоставления Китаем концессий другим державам; пятая же заявляла о «пожелании» Японии, чтобы китайские власти согласились принять выбранных японцами «советников», которые бы «помогали решать» китайским официальным лицам ключевые военные и экономические вопросы. Сопротивление Китая последней группе требований привело к ослаблению «пожеланий», а также к видоизменению остальных групп — которые, под давлением Британии, все-таки были неохотно признаны.

В конце Первой мировой войны, на Парижской

мирной конференции, Япония вошла в состав «Большой пятерки» мировых держав. Ее владение бывшими германскими тихоокеанскими островами получило юридическое закрепление, хотя и с условием, что они будут рассматриваться как мандатные территории под эгидой Лиги Наций. Попытки японцев внести в устав Лиги Наций пункт о провозглашении расового равенства встретил сопротивление США, Великобритании и Австралии, которые опасались возможных последствий для иммиграционной политики и настаивали на том, что статус гражданина является внутренним вопросом, определяемым каждой страной самостоятельно. Япония уже столкнулась с дискриминацией по отношению к мигрантам в Калифорнии, и ее глубоко уязвил провал попытки получить международные гарантии от подобных унижений.

Тем не менее на этом этапе Япония сохраняла преданность международному сотрудничеству. В 1918 году она послала свои отряды на помощь экспедиционным силам в Сибирь, где безуспешно пытались задушить большевистскую революцию. (Японский контингент не выводили до 1922 года, хотя длительная, напрасная и дорогостоящая интервенция была крайне непопулярной

на родине.) В 1921-1922 годах Япония приняла участие в военно-морской конференции в Вашингтоне, где пытались сформулировать новую систему безопасности для Тихоокеанского региона. Страна условилась поддерживать соотношение своих тяжелых кораблей к американским и британским как три к пяти; в свою очередь США и Британия соглашались, что западная часть Тихого океана будет считаться зоной японского господства, Британия не будет укреплять базы ближе Сингапура (оконечность Малайского полуострова), а США не будут строить базы ближе Перл-Харбора на Гавайский островах.

Хотя новые соглашения означали конец двадцатилетнего англо-японского альянса, обоюдное желание продолжать сотрудничество подкрепил обмен визитами высокопоставленных гостей. В 1921 году принц Хирохито остановился в Букингемском дворце как личный гость короля Георга Пятого и был награжден Орденом Подвязки. В 1922 году принц Уэльский предпринял ответный длительный визит, в ходе которого «проехал по Японии, встречаемый волной приветствий». Официальный отчет о его путешествии включает в себя фотографию принца в форме японского генерала. Другой снимок показывает нам его

вместе со свитой в кимоно, подаренных принцем Хирохито; подпись также указывает на высокого молодого человека на заднем плане — лейтенанта Маунтбеттена, командира британского эсминца; двадцать лет спустя ему предстоит противостоять японским войскам в этом регионе.

Демократия Тайсе

Сын и наследник императора Мэйдзи взял тронное имя *Тайсе* («Великая справедливость»), поэтому период между его восшествием на трон и низложением гражданского правления примерно двадцать лет спустя условно называют эрой «демократии Тайсе». Этот термин не следует понимать в буквальном значении: японской политикой продолжали управлять традиционные элиты — императорские советники, руководители различных ведомств и бюрократы. Демократизация означала рост политического популизма и признание того, что лидеры крупнейших политических партий должны участвовать в процессе принятия решений. Парламентская политика Тайсе характеризовалась бандитизмом и поливанием грязью на выборах, непристойными препирательствами в дебатах и коррупцией.

Смерть старого императора удалила номинального главу, который, по меньшей мере, являл собой стабильность и патерналистские идеалы общественного служения; его преемник, страдавший от наследственного душевного расстройства, не мог выполнять даже эти мини-

мальные функции, и в 1921 году принц Хирохито (1901-1989) стал регентом. (В 1926 году Хирохито сделался полноценным правителем и взял имя *Сева* — «Просвещенная гармония».) В то же время престарелые государственные деятели *(гэнро* — неофициальные советники), которые совершили революцию Мэйдзи и с тех пор преданно служили режиму, умирали один за другим, а с ними уменьшалось и политическое благоразумие. После этого, как в своей характерной сухой манере пишет Бисли, «ситуация развивалась таким образом, что поддерживать порядок среди населения было легче, чем среди тех, кто им правил».

Перспективы перехода к более партисипаторному (вовлеченному) стилю политики померкли из-за внутренних последствий войны. С одной стороны, впервые Япония перешла от длительного бюджетного дефицита к профициту и имела прибыль от промышленной экспансии, особенно в химической и судостроительной отраслях; с другой стороны, изменения сопровождались ускорением инфляции и дестабилизацией цен, что в 1918 году привело к «рисовым бунтам» по всей стране. Также в 1918 году обладавший поддержкой и ресурсами Хара Такаси возглавил первое в Японии партийное парламентское

правительство. Победы демократий в Первой мировой войне поощряли демократов и в Японии, но одновременно демократизацию омрачал призрак большевизма. И если война способствовала бурному развитию промышленности, она провоцировала и промышленные волнения. Так, например, если в довоенное десятилетие среднегодовое число забастовок составляло около двадцати, то в 1919 году их случилось около пятисот. В 1921 году Хара был убит железнодорожным работником, «наказавшим» министраза коррупцию.

В 1922 году в Японии возникла Коммунистическая партия. Идеологический водоворот дополнился появлением различных групп радикалов, феминисток и социалистов (в том числе христианских социалистов). Они оставались малочисленными, управлялись неэффективно, противостояли друг другу и не отвечали надеждам крестьян, интересы которых более честно представляли движения арендаторов; объединившись в 1926 году, последние создали левую Крестьянскую партию.

С учетом консервативной природы деревенского общества, в котором до сих пор проживало большинство японцев, правительство, вероятно,

рисковало меньше, чем может показаться, когда в 1925 году предоставило право голоса всем мужчинам старше двадцати пяти лет. Для умиротворения рабочей силы были приняты законы о страховании здоровья, порядке разрешения трудовых споров при помощи посредников и о промышленной безопасности. Тот факт, что указанные законы исходили от ведомства социальных проблем при министерстве внутренних дел, обнаруживал беспокойство, которое в правящих кругах вызывал рост профсоюзного движения среди индустриальных рабочих и популярность марксизма среди студентов и профессуры.

В 1925 году был принят закон о сохранении мира, который учреждал специальную полицию для борьбы с «опасными мыслями» и расширял полномочия власти в части преследования подозреваемых в подрывной деятельности. В 1928 году задержали около 1600 подозреваемых в коммунизме, тогда же призывы к отмене частной собственности и изменению конституции стали считаться государственным преступлением. (К 1974 году было арестовано в целом 74 000 «подрывников» государственного строя, хотя всего 5000 человек впоследствии заключили в тюрьму.) В то же время сельские патриотические

ассоциации, возглавляемые ветеранами военной службы и выдвиженцами с государственной службы вроде школьных директоров и почтальонов, агитировали деревенскую молодежь вести здоровый полувоенный образ жизни. Эти клубы активно поддерживала и финансировала армия, чьи старшие офицеры, без сомнения, были напуганы появлением на улицах Токио *мобо* («современный парень»), единственные интересы которых, похоже, заключались в стремлении одеваться в причудливые западные одежды, слушать хриплую западную музыку и волочиться за нескромно одетыми *мога (модан гаару* — «современная девушка»). Престарелые офицеры не только находили себе занятие в сельских патриотических организациях, но и создавали механизм, благодаря которому военные могли оказывать влияние на граждан, недавно получивших избирательные права. Как в начале 1925 года — когда так называемое «партийное правительство» находилось в полном расцвете — признавался в своем дневнике «умеренный» военный министр генерал Утагаки:

Свыше 200 000 человек на действительной службе, свыше 3 000 000 состоящих в ветеранских организациях, 500 000 или 600 000 студентов

средних и высших учебных заведений и более 800 000 новобранцев в местных частях: всех будет контролировать армия, и они станут основной поддержкой императора в войне и в мире.

Далее он зловеще добавлял: «Право автономного командования императорской армией, в случае чрезвычайных обстоятельств, не ограничивается командованием войсками, но содержит полномочия контролировать народ».

КУЛЬТУРНЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ

Социальная и политическая неопределенность отражалась противоположными тенденциями в искусстве. «Вовлеченные» в политику деятели культуры писали на «пролетарские» или националистические темы, но большая часть значимой литературы этого периода оставалась вне политики. Сига Наоя (1883-1971), один из наиболее заметных представителей жанра интроспективного «Я-рома-на», стал известен публике благодаря участию в авангардистском ежемесячнике «Сирикаба». До того как в возрасте тридцати пяти лет покончить с собой, мастером фантазии обозначил себя Акутагава Рюноскэ (1892-1927). Его статус подтвердило учреждение в его честь в 1935 году литературной премии. Один

из друзей Рюноскэ, драматург Кикути Канн (1888-1948) основал влиятельнейший культурный журнал «Бунгэй сюндзю» и во время войны на Тихом океане занимал пост председателя Японской патриотической литературной ассоциации.

Период между двумя войнами примечателен и появлением двух очень разных и заметных женщин-писатель-ниц. Есано Акико (1878-1942) сочиняла эротическую поэзию и написала получившую широкую известность версию «Повести о Гэндзи». Бака Ямада (1879-1957) подалась в проститутки от предстоявшего брака и уплыла в Америку, а затем нашла убежище в христианской миссии и вышла замуж за одаренного, но обедневшего преподавателя японского языка. Вернувшись в Японию, Бака стала писать в феминистическом журнале «Сэйто» и снискала национальную известность колонкой женских советов в «Асахи симбун», а также успешно боролась за принятие законов об охране материнства и детства.

Среди пластических искусств самым важным стало рождение движения *мингэй* (народное искусство), сконцентрировавшегося вокруг Янаги Соэцу (он же Мунееси, 1889-1961) — еще одного основателя журнала «Сирака-ба». Дружба Янаги с

английским гончаром и керамистом Бернардом Личем познакомила его с работами английского поэта, гравера и мистика Уильяма Блейка и дизайнера Уильяма Морриса. Кроме того, влияние на его философию оказали восхищение корейскими ремесленниками и уважение к дзэн-буддизму, вдохновленное книгами Судзуки Дайсэцу. К значимым для *мингэй* фигурам также относится глиняных дел мастер Хамада Седзи (1894-1978) и резчик по дереву Мунаката Сико (1903-1975). В живописи соперничали два течения: *нихонга* (национальная живопись) и *йога* (живопись в западном стиле). На последний из упомянутых стилей сильно повлиял импрессионизм, и многие его последователи отправлялись в Париж на учебу. Так, в 1913 году туда приехал Фудзита Цу-гухара (1886-1968), в Париже он и скончался, уже будучи французским гражданином под именем Леонард Фудзита. В Великобритании его соперником был обаятельный и эксцентричный художник и иллюстратор Есио Маркино (1869-1956), который жил в Англии с 1897 года и до изгнания в 1942 году.

ДЕСТАБИЛИЗАЦИЯ

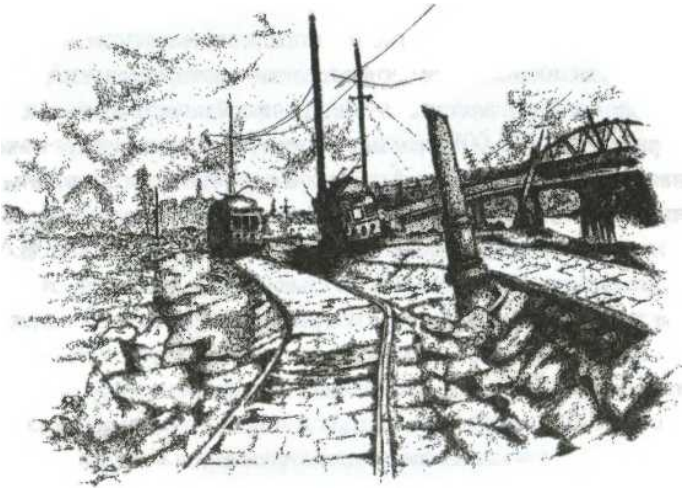
Хотя японская экономика развивалась стремительно, она не была устойчивой. Одни регионы стали существенно опережать другие; разрыв между городом и деревней становился все более явным, и не только в стандартах, но и в стиле жизни. Дешевый импортный рис из Кореи и Тайваня подрывал местное производство. Краткий послевоенный бум в 1920 году сменила рецессия.

Затем в 1923 году случилось землетрясение Канто, которое буквально стерло с лица земли Йокогаму и большую часть Токио. Толчки и последующий пожар погубили 100 000 человек, еще 50 000 человек пострадали. Три миллиона домов на равнине Канто было разрушено или серьезно повреждено. В хаосе после землетрясения стали распространяться слухи о том, что корейские иммигранты грабят дома и обирают выживших, и из-за паники в погромах погибли около 6000 корейцев. Великолепный отель «Империал» Фрэнка Ллойда Райта, который открыли накануне бедствия, оказался одним из немногих высотных зданий, практически не пострадавших, и его быстро превратили в госпиталь, полевую кухню, временную штаб-квартиру и дом для десятков

дипломатов и журналистов. (По иронии судьбы, «Империал» уцелел при бомбардировках города в войну, но был разрушен в 1967 году.) Пусть катастрофа и принесла различные косвенные выгоды (например, разрушение трамвайных путей ускорило развитие моторизированного транспорта), она отбросила экономику далеко назад. Уменьшение в 1924 году бюджета означало сокращение четырех армейских дивизий и 20 000 рабочих мест; может, сама по себе это была не такая уж и плохая мера, но она разозлила военных, уже и без того раздосадованных фиаско в Сибири.

Когда восстановительные работы вроде бы вернули стабильность, крупномасштабный банковский кризис 1927 года нанес удар по внутреннему доверию в бизнес-среде. Паника привела к отставке правительства и закрытию тридцати семи банков. После чего в 1929 году случился крах на Уолл-стрит, последовавший за ним крах мировой торговли за год урезал цены на шелк-сырец на две трети, лишив сельские общины главного источника поступлений денежных средств. Безработица выросла до 3 000 000 человек. Сорок процентов всех смертей в 1930-е годы было вызвано болезнями, которые можно было предотвратить; реже в качестве

примера отчаяния, в котором японцы пребывали в течение следующего десятилетия, приводят тот факт, что фермеры продавали собственных дочерей в гейши.



Последствия великого землетрясения Конто

В ПОИСКАХ КОМПРОМИССА

На фоне этих трудностей внешняя политика Японии под руководством профессионального дипломата Сидэхара Кидзуро (1872-1951) все еще пыталась найти компромисс с западными

державами, особенно по поводу взаимоотношений с Китаем. Для Японии Китай представлял собой обширный потенциальный рынок, а также важный источник сырья (например, руды для государственного сталелитейного завода Явато); но страна погружалась в политический хаос из-за борьбы за власть между военачальниками, националистами и коммунистами. Америка по-прежнему придерживалась принципа «открытых дверей», который ставил все иностранные государства в равное положение. Японские аналитики сетовали на подобную позицию: для США зарубежная торговля имела относительно малое значение, для Японии она была жизненно важной; стратегические интересы США находились преимущественно в Западном полушарии, японские интересы же включали в себя соседнюю материковую Азию. За время Реставрации Мэйдзи численность населения страны с 30 000 000 человек более чем удвоилась; однако введенные в 1924 году Америкой ограничения сдерживали возможности миграции. Начавшаяся Великая депрессия привела к протекционизму, который ограничил экспорт Японии. Все сильнее и сильнее японские националисты — в армии, в правых патриотических организациях, в тайных и обыч-

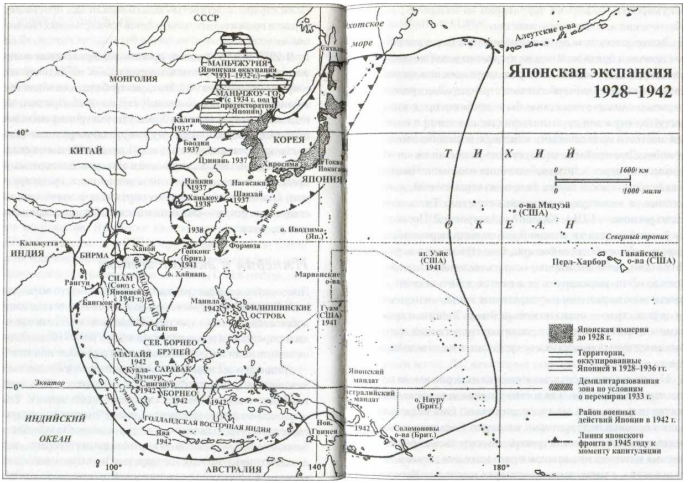
ных обществах, в находившихся под жестким прессингом деревнях, откуда в армию рекрутировали подавляющую часть солдат и младшего офицерства, — требовали «жестких мер» для гарантирования японских интересов в Азии. Идеальный образ скромного самоотверженного самурая, заботящегося исключительно о благе своей страны, с легкостью использовали как противовес образам прожженных политиканов и эгоистичных бизнесменов.

В 1930 году в Лондоне прошла международная военно-морская конференция, направленная на дальнейшее сокращение вооружений. Вопреки требованиям общества, японская делегация пошла на уступки. В ноябре того же года в премьер-министра Хамагути выстрелил молодой правый фанатик, нанеся ему смертельное ранение (министр промучился до смерти еще полгода). Началось сползание в агрессию, а сторонники интернационализма — представленные в дипломатическом корпусе, среди крупного бизнеса, в политических партиях и, в значительной степени, во флоте — оказались неспособными остановить этот процесс.

Империя и экспансионизм

Японский колониализм, как и западный, часто оправдывают тем, что он приносил пользу, пусть и не всегда имел доброжелательный характер. «Развитие», как его понимали и определяли колониалисты, имело место независимо от того, хотели сотрудничать колонизируемые или нет.

Японскую экспансию поощряли стратегические, экономические и демографические соображения. Пожалуй, наиболее очевидным был стратегический аспект. Тон японской политике задавали военные; Япония, позже других стран вставшая на путь модернизации, продолжала беспокоиться о слабости своего положения по сравнению с положениями прочих государств в Восточно-азиатском регионе. Было слишком легко перейти от оправдания аннексии маленьких удаленных островов (для создания «линии безопасности») к провозглашению необходимости оккупировать обширные территории на материке ради обеспечения «линии преимущества».



Экономические мотивы империализма были связаны со спросом и предложением на промышленный потенциал Японии. Зарубежная империя, как надеялись националисты, позволила бы обеспечить страну крайне нужным сырьем и одновременно стала бы потреблять продукцию растущих отраслей промышленности, причем при помощи жесткого политического контроля делала бы это постоянно. Демографический аргумент указывал на «необходимость» переместить «избыточное» население Японии и на невозможность такого шага из-за ограничений,

наложенных на японскую иммиграцию странами Тихоокеанского региона — США, Канадой и Австралией. Поскольку Хоккайдо едва ли можно было назвать перенаселенным, подобное обоснование вряд ли заслуживает доверия. Возможно, амбиции Японии создать империю являлись, прежде всего, выражением ее желания добиться полного равенства с западными государствами; и она — в отличие от других стран — могла по меньшей мере заявить о легитимности своего интереса к развитию тех регионов, которые вплотную примыкали к ее границам, а не находились где-то вдалеке.

На максимуме экспансии японская империя имела почти такие же размеры, как и сама Япония, а ее население составляло двадцать миллионов человек. Она включала в себя небольшие территории влажного Сахалина и солнечных тихоокеанских островов, относительно перенаселенных и потому не слишком пригодных для дальнейшего освоения, а также такие крупные колонии, как Корея и Тайвань, особенности и судьба которых резко контрастировали друг с другом.

ТАЙВАНЬ И КОРЕЯ

Тайвань, долгое время бывший удаленной островной провинцией находившейся в упадке Китайской империи, стал показательным примером прогрессивного эксперимента. Благодаря успехам японских агрономов, производство риса и сахара выросло настолько, что значительные излишки начали экспортировать в родную страну. Здравоохранительные и образовательные стандарты местного населения тоже существенно выросли. Даже враждебно настроенные антиколониальные наблюдатели (вроде американских миссионеров) почувствовали себя обязанными признать, что японское правление приносило пользу. Положительные взаимоотношения между колонизаторами и колонизируемыми подтверждает и тот факт, что ко времени Второй мировой войны почти две третьих местных жителей могли изъясняться по-японски.

Корея — государство и культура которой были столь же древними, как и японские — резко сопротивлялась покорению. На Тайване проводниками колониальной политики были инженеры, врачи и учителя; в Корее — полицейские и военные. Даже учителя начальной школы носили мечи.

Да, некоторые корейцы служили режиму в качестве «младшей» элиты коллаборационистов, но их число в лучшем случае составляло пять процентов от всего населения. После тридцати лет колониального правления менее двадцати процентов корейцев понимали японский язык. С другой стороны, площади обрабатываемых земель увеличились почти в два раза, выпуск же местной промышленности вырос двадцатикратно.

Называемая японцами Чосен, Корея подверглась еще более жестокому унижению с началом Второй мировой войны. Ее экономика была реструктуризирована ради военных потребностей Японии. Корейцев обязали носить японские фамилии, а с 1942 года корейских мужчин забирали в японскую армию или посылали в саму Японию работать на фабриках и шахтах, практически как рабов. До августа 1945 года Корея оставалась угнетаемой и озлобленной колонией; и до настоящего времени над японо-корейскими отношениями висит тень этого периода жестокого владычества.

В Квантунской (Гуаньдуньской) армии, которая охраняла японские железные дороги и шахты в соседней Маньчжурии (последняя по-прежнему

с технической точки зрения являлась частью Китая), было много сторонников экспансии, полагавших, что Японии следует создать самодостаточную экономическую систему, за которой страна могла бы укрыться от неопределенностей глобальной торговли, переживавшей депрессию. Маньчжурия обладала обширными запасами угля, железа и другого стратегически важного для Японии сырья. Оглядываясь назад, поглощение Маньчжурии выглядело логичной прелюдией к попытке завоевания Китая. Тем не менее американский историк Роберт М. Сполдинг утверждает, что причины тому были другие:

Японские армейские офицеры рассматривали Маньчжурию как лабораторию... в которой они смогут продемонстрировать эффективность, организационные инновации и ту идеологическую чистоту, которой, как они считали, недоставало их собственной стране... они смотрели на Маньчжурию как на трамплин, если не для контроля над Китаем, то для реформ в Японии.

Так или иначе, не Китай, а Советский Союз стал главной мишенью будущих военных действий. Красная армия, огромная и механизированная, несла японским позициям в Маньчжурии гораздо больше угрозы.

ТЕМНАЯ ДОЛИНА

В 1931 году офицеры Квантунской армии взяли инициативу в собственные руки, сымитировав атаку на якобы охраняемую ими железную дорогу. Эта «атака» послужила предлогом для нападения на местные китайские отрады и положила начало открытого завоевания холодного, но богатого минералами региона, который затем объявили «независимым государством» Маньчжоу-Го под властью (чисто номинальной) последнего потомка свергнутой китайской династии Цин, императора Пу И. Для образования правящего класса в марионеточное государство направили миллион японцев. Японское правительство не могло отрицать подобные действия, а саму Японию потрясли убийства: в феврале 1932 года — министра финансов Иноуэ, в марте 1932 года — главы конгломерата Мицуи, а в мае — премьер-министра Инукаи, последнего из партийных политиков, возглавлявших правительство. После этого в администрации стали доминировать офицеры, бюрократы и придворные. Международное расследование под руководством лорда Литтона привело к осуждению Лигой Наций действий Японии в

Маньчжурии. Япония отвергла обвинения и в 1933 году вышла из Лиги Наций.

Внутри страны рост международной изоляции сопровождала волна того, что можно назвать националистским фундаментализмом, вызванного страхом перед попытками восстановить утраченное национальное согласие. Этот феномен принимал различные формы, не последней из которых было стремление «очистить» японскую культуру и язык от «порчи» Западом. Например, пьющих пиво убеждали использовать изобретенное для напитка «аутентичное» слово, буквально значившее «ячменное варево» вместо заимствованного «*биру*». «Чистка» затронула не только язык, но и людей. Когда выдающийся (и крайне консервативный) преподаватель права профессор Мино-бэ имел безрассудство назвать императора «органом конституции», его обвинили в преступлении против государства и выгнали со всех постов. В позитивном отношении ультранационализм способствовал оживлению традиционных культурных форм, в особенности таких боевых развлечений прошлого, как сумо и кен-до, а также распространению через образовательную систему экстремистской пропаганды в учебных текстах, которые восхваляли

уникальную историю «божественной страны» и священное единство императора и народа, связанных воедино в трудно определимое понятие *кокутай* («национальная структура»).

ФАШИЗМ?

Была ли Япония 1930-х годов фашистским государством? Нет — в той мере, в какой фашизм требует инверсии понятия классического либерализма. В действительности Япония никогда не была слишком либеральной и потому не имела нужды извращать либеральные ценности, представленные парламентским правительством с его рациональными дискуссиями, поисками компромиссов, легитимностью инакомыслия; она просто душила их последние слабые проявления. Японские ультранационалисты не слишком походили на европейских фашистов: им были свойственны романтическая приверженность национальному прошлому, воспринимавшемуся как героическая легенда, болезненно преувеличенное почитание первичных ценностей «крови и земли» и тоска по решительным действиям вместо скуки переговоров. Япония никогда не имела харизматичного лидера, равного Гитлеру или Муссолини; она мобилизовывала массы — но

без помощи псев-дореволюционной партии. По мнению знатока японской политики профессора Маруяма Масао, Япония испытала «фашизм сверху». И, хотя противники компромисса изолировали оппонентов, а фанатики их убивали, оппозиционерам никогда не отказывали в праве считаться людьми и не отрицали для них возможности покориться и быть «принятыми в общество».

Одним из идеологов тех дней был Кита Икки (1883-1937) — бывший социалист и неудавшийся революционер. Младшие армейские офицеры активно читали его «План переустройства Японии». Эта работа призывала к отмене партий и аристократии, национализации главных отраслей промышленности, жестким ограничениям личного богатства и активной роли Японии в поддержке азиатских националистов, свергающих западную власть.

ИЛИ МИЛИТАРИЗМ?

Если в европейском смысле Япония не была фашистской страной, то, без сомнения, она была милитаристской. Это означало, по меньшей мере, следующее — приоритет милитаристских интересов в национальной политике и расшире-

ние влияния военных на экономику и общество. Указанные процессы осложнялись длительным соперничеством между флотом и сухопутной армией, а также внутри отдельных фракций; среди последних наиболее важным был антагонизм между *Кодоха* («Императорский путь»; выступали за непоколебимую преданность императору и «духовную тренировку») и *Тосэйха* («Группа контроля»; призывали к дальнейшей механизации армии и экономической мобилизации).

Днем двадцать шестого февраля 1936 года младшие офицеры из *Кодоха* вывели около 1400 человек из знаменитой Первой дивизии на заснеженные улицы Токио, окружили императорский дворец и потребовали «Реставрации Сева». На самом деле не ясно, что означали эти действия: был ли это приговор коррумпированным гражданским политикам и капиталистам, которым служили первые? Или попыткой помощи страдающему крестьянству? Или желанием духовного обновления нации? Или войной против коммунистической России? Так или иначе, это было сделано ради блага императора, а то, что оправдывалось мотивами лояльности, должно было считаться легитимным. Заговорщики смотрели на себя как на принципиальных наследников

«людей чести», которые в 1860-х свергли слабый режим Токугава и открыли дорогу национальной реконструкции. Три главных члена правительства были убиты, премьер-министр Окада спасся только благодаря тому, что мятежники по ошибке застрелили вместо него его шурина — показательная промашка для не слишком организованного путча.

Император однозначно обозначил свою позицию и отрекся от всяческих симпатий к мятежникам. Вскоре попытка путча была подавлена, а его зачинщики скрылись. Девятнадцать человек расстреляли, семьдесят заключили в тюрьму. Одним из казненных был Кита Икки. Однако усмирение февральских беспорядков не привело к восстановлению правительственного контроля. Генералы уже долгое время работали над тем, чтобы подчинить себе любую гражданскую администрацию, всего лишь отказавшись предоставлять офицеров для постов военного министра и министра военно-морского флота, как того требовала конституция. Теперь военные могли заявить, что сами испытывают давление снизу и смогут держать собственных подчиненных в узде, только направляя их туда, куда те хотят идти (довольно любопытное оправдание

лидерства).

ОСНОВЫ БЛАГОСОСТОЯНИЯ

Несмотря на колебания экономики, в период между двумя войнами были созданы или получили значительное развитие сразу несколько важных японских компаний. В 1931 году компания «Мазда», изначально производившая пробку, а затем машинный инструмент, выпустила первое транспортное средство — трехколесный грузовик. В 1933 году новый филиал, выпускающий легковые автомобили, основала компания «Тойода», специализировавшаяся на производстве ткацкого оборудования. В 1937 году «Тойота мотор» стала независимой (название она получила из-за ошибки при регистрации, когда имя основавшего ее главы семейства Тойода записали неправильно). К 1941 году «Тойота» ежемесячно выпускала 2000 машин; но важнее объема выпуска был тот факт, что она приняла стратегию развития, базировавшуюся на инновационных разработках, а также стала использовать производственный менеджмент на основе принципа своевременных поставок запчастей (принцип «точно вовремя»), который позволял добиться существенной экономии складских издержек. В

1933 году была основана и компания «Ниссан» (буквально «Компания ежедневного производства»); к 1938 году она производила 8000 автомобилей в год.

В 1934 году была учреждена компания «Фудзифилм»; тогда же государственная компания Явата превратилась в «Ниппон стил».

В 1917 году началась история компании «Мацусита электрик», тогда она занималась изготовлением электрических патронов и лампочек. В 1929 году она едва выжила, но к 1937 году стала частью группы из девяти компаний, производивших радио, электролампы, гальванические элементы и нагревательные приборы. Все эти компании теперь всемирно известны и работают в глобальных масштабах.

На пути к войне

В 1936 году Япония присоединилась к нацистской Германии и фашистской Италии в «Антикоминтерновском пакте», который имел явно выраженный антикоммунистический характер и подразумевал взаимную помощь сторон друг другу в случае войны с участием США. В июле 1937 года сфабрикованный инцидент на мосту Марко Поло у китайской границы послужил предлогом для военного вторжения в Китай. К декабрю японские силы достигли Нанкина, столицы Гоминьдана, где совершили масштабные злодеяния в отношении разоруженных китайских солдат и тех гражданских лиц, которые не смогли найти убежища в международном квартале.

Приверженность правительства силовым методам экспансии была подтверждена в апреле 1938 года, с принятием закона о всеобщей мобилизации, подчинявшего экономику военным задачам. Однако направление экспансии было частично предопределено СССР. Инциденты у маньчжурской границы в июле 1938 года и в мае 1939 года закончились поражением японцев, быстрых побед в Сибири добиться не удалось.

(Благодаря Германии, позднее Япония и СССР подписали пакт о нейтралитете, который продержался до августа 1945 года.)

Продолжающаяся в Европе война подошла к Японии с юга. Падение Франции и Нидерландов и казавшийся неизбежным коллапс Великобритании в 1940 году побудили Японию напасть на их колонии в Юго-Восточной Азии. Отныне Япония объявила о создании «сферы совместного процветания великой Восточной Азии» — нового порядка в Азии под руководством просвещенной и индустриализованной Японии, ведущей своих менее удачливых соседей к высшим ступеням развития и одновременно освобождающей их от белой расистской власти. В реальности, под давлением военных обстоятельств, этот процесс обернулся эксплуатацией еще более жесткой, чем было при «белых расистах». Внутри Японии провозгласили отмену всех политических партий и слияние последних в «Ассоциацию поддержки императорского правления».

Противники на Тихом океане

США выразили неудовольствие поведением Японии, ограничив экспорт стали (стратегически важного ресурса), а затем наложив эмбарго на нефть. Япония же потратила слишком много крови и денег, чтобы выйти из Китая. Даже после того как американское правительство заморозило японские активы в США, обе стороны продолжали вести переговоры, хотя трудно представить, к какому компромиссу они могли бы прийти.

Конфиденциальные японские источники оценивали военный потенциал Америки в десять раз выше по сравнению с Японией. Но готовность к конфликту в Тихоокеанском регионе базировалась на допущении, что США, «развращенные джазом и журналистикой», не будут сражаться, а лишившись своих ударных сил в ходе превентивной атаки, не смогут воевать, даже если и захотят. С учетом крайне ограниченных запасов нефти, флот настаивал на скорейшей атаке, которая обеспечила бы преимущества именно своей внезапностью.

Тот факт, что известие об объявлении Японией войны до ее нападения 7 декабря 1941 года на

Перл-Харбор не было получено, с очевидностью приписывается вопиющей некомпетентности сотрудников японского посольства в Вашингтоне. Но гораздо труднее объяснить, почему это стало такой неожиданностью для США — невзирая на доступность разведданных для дипломатических и военных экспертов. Один из самых полных анализов той ситуации называет причину в своем заглавии — «На рассвете мы спали».

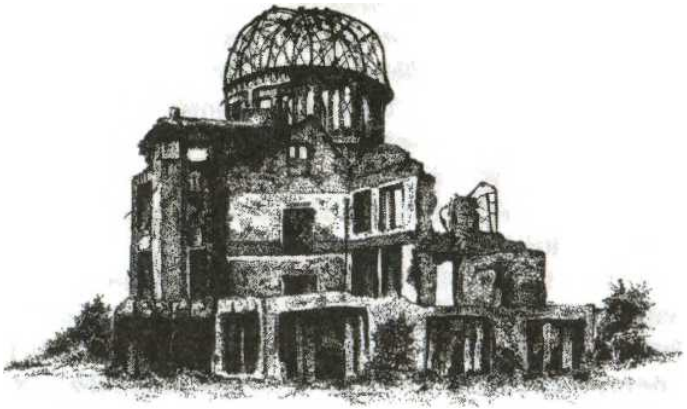
Победы и поражение

Тактически гениальный, но стратегически катастрофический налет на Перл-Харбор позволил Рузвельту объединить нацию ради войны. В течение нескольких месяцев казалось, что силы Японии не остановить: они завоевали Филиппины и Индонезию, взяли Сингапур — бастион Великобритании на Востоке — и пробивались через Бирму к границам Индии. В ретроспективе очевидно, что перелом случился уже в июне 1942 года, когда Япония потеряла четыре авианосца в битве при атолле Мидуэй.

Лишенная основы своих военно-морских ударных сил, Япония не могла успешно противостоять контрнаступлению, как не могла и найти где-либо достаточной помощи. Тогда как Альянс опирался на по-настоящему скоординированную стратегию, страны Оси образовывали союз только номинально. Германия обеспечила подписание Японией пакта о нейтралитете с СССР, даже не уведомив Японию о своем планируемом вмешательстве. В свою очередь, Япония никогда не сообщала Германии о планах атаковать Перл-Харбор. Обе стороны не доверяли друг другу

из-за расизма. Среди своего окружения Гитлер открыто называл японцев «желтыми макаками»; японские экстремисты, отравленные образом *хакку итиу* («восемь углов под одном крышей»), считали нацистов «дружелюбными врагами».

С захватом в 1944 году тихоокеанского острова Сайпан силы Альянса получили базу, откуда могли бомбить Японию. В марте 1945 года Токио подвергся трехдневной атаке, в ходе которой погибли 100 000 человек. В апреле 1945 года произошло вторжение на Окинаву, часть родной территории Японии, — для обеспечения безопасного аэродрома для возвращавшихся домой бомбардировщиков. Защищая остров, насмерть полег весь японский гарнизон в 110 000 солдат, а также пали 150 000 гражданских. К маю 1945 года из-за бомбардировок 13 000 000 японцев остались без крова над головой.



Разбомбленная торговая палата в Хиросиме

Потсдамская декларация призывала в июле 1945 года к «безоговорочной капитуляции» Японии; и хотя уверяла, что «японцы не должны быть порабощены как раса или уничтожены как нация», но не давала гарантий продолжения существования системы императорского правления. Кабинет японского правительства проигнорировал призыв к капитуляции, но попытался найти посредника в лице СССР. Истолковав нежелание Японии отвечать как отказ от капитуляции, 6 августа США сбросили атомную бомбу на Хиросиму. Восьмого августа СССР объявил войну Японии, введя войска в Маньчжурию. Япония столкнулась с угрозой быть частично

оккупированной СССР, который мог расположить постоянные военные части на ее территории; полная оккупация означала бы несомненную отмену императорского трона. Девятого августа вторая атомная бомба упала на Нагасаки. Официальные заявления до сих пор говорят о необходимости такого шага, чтобы успешно покончить с войной, однако правительство Японии и так находилось в тупике, из которого не было иного выхода, кроме как склониться перед неизбежным. Противники компромисса обращали взор на полуголодное гражданское население и вооруженную «бамбуковыми копьями» армию, призывая к партизанскому сопротивлению, хотя бы для сохранения «Земли богов», во имя чего готовились потерять все 20 000 000 жизней. В конце концов император разрубил гордиев узел и выбрал мир.

ГЛАВА 9. *Реформа, восстановление и возрождение у 1945-1973 годы*

Потребуется не что иное, как оккупация страны; необязательно очень длительная, но достаточно продолжительная, чтобы факт нашей победы и их поражения стал неоспоримым... Поэтому программа такова: разгром, оккупация, разоружение, возможность. Период оккупации должен быть поставлен в зависимость от способности японцев к созданию... правительства с либеральными идеями, которое бы желало и беспокоилось о сотрудничестве с союзническими нациями... Главной задачей оккупационной армии будет гарантия того, что при реорганизации администрации новое правительство получит защиту и помощь... Любая попытка дискредитации императора, по моему мнению, будет катастрофой. Что мы должны сделать, так это убедить японский народ в том, что император был введен в заблуждение своими военными советниками. Чистосердечное сотрудничество императора было бы незаменимым... Целью всех наших

усилий будет сделать Японию миролюбивой и удовлетворенной, добровольным партнером международной политики; страной, которая будет вносить свой вклад в экономику единого мира... если мы намереваемся разоружить Японию... надо найти выход для ее экономической энергии...

Эти удивительно точные слова написаны в 1943 году Джоном Моррисом, бывшим лектором Токийского университета, который жил в Японии с 1938 по 1942 год. Они в значительной степени оказались предзнаменованием исторических событий следующего десятилетия.

Поражение

Пятнадцатого августа 1945 года император обратился к японскому народу. Впервые в истории император напрямую говорил со своими подданными, но открытость обращения затемнялась придворной манерой речи. Слово «сдаться» не упоминалось ни разу. Вместо этого японцам сообщалось, что военная ситуация «развивалась не обязательно в пользу Японии» и что пришло время «проложить дорогу к великому миру для будущих поколений, вынеся невыносимое и пережив непереносимые страдания». Попытки предотвратить обращение императора не удались. После этого около 500 офицеров покончили жизнь самоубийством. Большинство гражданских испытали шок, потом облегчение, а затем страх. Япония как страна еще никогда в своей истории не испытывала поражения и, тем более, оккупации. Будет ли оккупационная армия грабить и чинить насилие над несчастными и голодными мирными жителями?

Пока нация в замешательстве ожидала прибытия завоевателей, настало время назвать предварительные оценки поражения. Война

обошлась Японйи в 1 855 000 погибших и 678 000 раненых и пропавших без вести. Утрата Тайваня, Сахалина, Окинавы и ряда тихоокеанских островов почти наполовину сократила национальную территорию, а коллапс империи означал возвращение японцев, то есть еще 6 000 000 ртов, которых предстояло кормить в то самое время, когда сократились импортные поставки риса и соевых бобов. Восемьдесят процентов флота было потоплено. Треть всего промышленного машиностроения была уничтожена бомбежками, как и четверть всех зданий. Из крупных городов только Киото, Нара и Камакура избежали опустошения. Когда в конце августа 1945 года в Японии появились оккупационные силы, они были ошеломлены масштабом разрушений и не имели желания их увеличивать. Целью прибывших была не месть, а реформа.

ПОСЛЕДНИЙ СЕГУН

В теории оккупация Японии должна была осуществляться силами всех победивших стран, на практике этим занимались почти исключительно одни американцы. В Вашингтоне существовала Дальневосточная комиссия, но она находилась слишком далеко от места действия,

чтобы выполнять какие-то функции, кроме неопределенного контроля. В Токио работал Союзный совет по Японии, но вскоре его — после отказа русским в праве оккупировать половину Хоккайдо — парализовал антагонизм между американцами и СССР.

В Японии присутствовали контингенты Великобритании и Австралии, среди которых было много людей со знанием японского языка, но они представляли собой чисто символические силы на фоне американцев, занявших подавляющую часть 2800 военных баз. Реальная власть сконцентрировалась в руках одного человека — генерала Дугласа Макартура, назначенного Верховным главнокомандующим союзных держав. Тщеславный и мечтательный, он имел сильное, хотя и романтичное чувство исторического момента и с энтузиазмом воспринял выпавший ему шанс объединить роли героя-крестоносца и последнего из сегунов. Собственная позиция поставила его перед парадоксом: он мог сделать Японию демократичной только с помощью приказа. Японцы были побеждены, но если бы они не захотели сотрудничать, это бы помешало достижению главной цели. Цензура была запрещена, однако Верховный главнокомандующий ретиво возбра-

нял все, что могло поощрять милитаризм, — от кен-до до кабуки.

Надменный, театральный стиль поведения Макарту-ра позволил ему, подобно императору, обращаться напрямую к японскому народу и помог справиться с нехваткой говорящих по-японски людей. Тем не менее в основном он опирался на существовавший государственный аппарат. Он намеревался снизить численность военных (167 035 человек) и политической элиты (34 892 человека). Макартур считал, что такое количество людей не нужно ни ему самому, ни Японии, но под «чистку» попали только 1809 чиновников и 1898 бизнесменов. Чтобы оккупация проходила гладко (за исключением итога в виде «великого изменения»), требовалась поддержка армии японских клерков, полицейских и почтальонов. Для предотвращения массовой безработицы и голода надо было использовать энергию бизнесменов, фермеров и владельцев магазинов. Все спускаемые сверху директивы проходили через иерархию японских бюрократов, которые могли преднамеренно неправильно понять или не так перевести полученные инструкции, — могли и делали. Американская оккупация не могла не оказаться переиначенной на японский лад. И в

то время как офицеры и политики свою власть утеряли, власть бюрократов возросла.

К счастью, японцы охотно сотрудничали. Как цинично выразился один комментатор, оккупация представляла собой идеальные отношения: самый самоуверенный мировой учитель пришел в земли самого рьяного студента в мире. Определенно, японцы не утратили ни энергии, ни духа предпринимательства. Менее чем через месяц после подписания акта о капитуляции вышла иллюстрирующая оба этих качества книга «Карманный английский разговорник», которая стала в Японии первым послевоенным бестселлером.

ДЕМИЛИТАРИЗАЦИЯ

Японцы подняли оружие по призыву императора, по просьбе венценосца они его и сложили. К ноябрю 1945 года вооруженные силы в основном были демобилизованы. (Большинство японских отрядов в Корее и Маньчжурии было окружено русскими, многие были обращены в новую «веру», взяты в плен или бесследно исчезли.) К январю 1946 года машина цензуры и репрессий военного времени остановилась. Для суда над двадцатью пятью высокопоставленными офицерами и должностными лицами, обвиненными в

преступлениях против человечества, был создан Международный военный трибунал по Дальнему Востоку. Семерых, в том числе бывшего премьер-министра Тодзе (Тодзио), приговорили к повешению, остальных — к тюремному заключению (позже сроки для большинства осужденных сократили). Судебные слушания воспринимались японцами в основном как «правосудие победителей», другие же считали это ценой поражения, никакого же подходящего для такого случая международного законодательства не было. Единственным специалистом в области международного права среди одиннадцати судей, представлявших союзные нации, был индиец Рад-хабинод Пал, и он признал всех подсудимых невиновными. Акты обвинения были зачитаны в 1946 году в день рождения императора, а казни проведены в 1948 году — в день рождения его сына.

Демократизация

Западные эксперты быстро убедили Макартура, что любая попытка сделать из императора военного преступника почти наверняка приведет к массовому неповиновению, вынудит оккупационные силы тратить усилия на поддержание порядка и разрушит всякую надежду на быстрые и конструктивные реформы. Макартур, припугнув правительство США угрозой оплачивать содержание «минимум одного миллиона солдат... в течение неопределенного количества лет», стал настаивать на том, что одобрение реформ императором будет служить наилучшей гарантией их успешности, и увещевал свое далекое начальство: мол, император на самом деле имеет «более глубокое понимание демократии, чем почти всякий другой японец».

В канун 1946 года был выпущен императорский указ, осуждавший «ложную идею о божественности императора и о превосходстве японского народа над другими расами и его призвании повелевать миром...» Вместо этого указ призывал народ «создать новую Японию, мирную, а официальных лиц и обычных граждан — содействовать

обогащению культуры и улучшению стандартов жизни». Тем не менее указ не отрицал происхождение императора от богини солнца и не лишал его права исполнять синтоистские церемонии.

Можно спорить, было ли подобное «отречение от божественности» сделано специально для Запада или же для самих японцев. Действительно, детей в школах учили тому, что император является *арахитогами* — духом-*коми* в человеческом облике, — но лишь горстка националистических идеологов верила в него как в бога. Иностранцам же казалось, что японцы верят в божественность императора так сильно, что выраженное самим «богом» отрицание способно отвратить их от подобной ошибки. На деле указ означал, что масса японцев больше не чувствовала страха перед малочисленными фанатиками, не воспринимая в качестве буквальной истины нечто, не являющееся таковым. В любом случае, возвышение человека до статуса *коми* не подразумевало возведения его в ранг создателя вселенной. Так японцы по традиции отдавали дань тем людям, которые своей жизнью или делами имели выдающиеся заслуги в глазах нации: например, поэту и ученому Сугавара-но Митидзанэ, объединителю нации Токугава Иэясу и командующему

флотом Того Хейхати-ро — всем им посвящались различные святилища.

ПРАВИЛА ИГРЫ

Шестого марта 1946 года Макартур объявил, что Японии нужна новая конституция. Ее составили всего за неделю, и не представители японской стороны, а американские юристы, служившие оккупационным силам, и на английском языке. По иронии, во вступлении к новому набору политических правил триумфально провозглашался присущий японскому народу суверенитет. Но, как и предшествовавшая ей «феодальная» конституция 1889 года, конституция Сева тоже была подарком от власть предержащих.

Среди приоритетов конституции Макартура были:

1. ограждение от агрессивного милитаризма;
2. определение позиции императора как чисто символической;
3. отмена наследственной и иной законодательно закрепленной дискриминации.

Новая конституция вступила в силу 3 мая 1947 года. Примечательно, что первая глава была посвящена не правам народа, но роли императора как «символа государства и единства

народа», причем в четвертой статье этой главы говорилось, что он «не наделен полномочиями, связанными с осуществлением государственной власти».

Вторая глава состояла из единственной девятой статьи, уникального пункта, который не встречается ни в одной другой конституции мира:

Искренне стремясь к международному миру, основанному на справедливости и порядке, японский народ на вечные времена отказывается от войны как суверенного права нации, а также от угрозы или применения вооруженной силы как средства разрешения международных споров.

Для достижения цели, указанной в предыдущем абзаце, никогда впредь не будут создаваться сухопутные, морские и военно-воздушные силы, равно как и другие средства войны. Право на ведение государством войны не признается.

Глава третья провозглашала «Права и обязанности народа» и была самой длинной. Вторя американской Декларации независимости, она в возвышенных тонах объявляла «право на жизнь, свободу и на стремление к счастью...» и, подобно первым десяти поправкам к американской конституции, гарантировала фундаментальные гражданские свободы. Утверждение в статье

тринадцатой, что «все люди должны уважаться как личности», относилось к подразумеваемой отмене ранее действовавшего законодательства, которое предоставляло неравные права мужьям по сравнению с женами и главам семейств по отношению к остальным домочадцам. Статья двадцатая не только провозглашала свободу вероисповедания, но и меняла систему синтоистского государства, заявляя, что «ни одна из религиозных организаций не должна получать от государства никаких привилегий и не может пользоваться политической властью», и запрещая государству проводить «религиозное обучение и какую-либо религиозную деятельность».

Остальные главы описывали полномочия и функции различных органов правительства, объявляли о главенстве законодательной власти, независимости судов и о правах местного управления по отношению к центру.

ДЕМОКРАТИЯ БЕЗ КОРНЕЙ?

Могла ли Япония стать демократической посредством приказа? Новая конституция была очевидно чужеродным документом, утверждавшим чуждые понятия и составленным на чужом

языке теми людьми, которых японские пропагандисты долгое время изображали одновременно как демонических и недоразвитых. Растущая инфляция, жизнь на грани голода, рост преступности и серия приносящих убыток забастовок привели японцев в растерянность, их угнетало глубокое чувство «неверного» устройства собственного общества, чей порядок долгое время был главным источником национальной гордости.

С другой стороны, в стране имелась традиция парламентского правительства, пускай некорректная, но понятная. Неграмотность фактически отсутствовала, а пресса была сильно развита. В Японии были либералы и социалисты, которые пережили преследования и могли сформировать ядро новой политической элиты. Кроме того, факт свершившейся катастрофы и позор поражения полностью дискредитировали милитаристов. Более того, в надзоре за тем, как исполняется его новый закон, Макар-тур пользовался непререкаемым авторитетом; в отличие от Германии, здесь не было необходимости договариваться с партнерами по союзу, контролирующими различные зоны. Япония была эффективно отрезана от остального мира, поскольку оккупационные

власти сами решали, какие из иностранцев имеют право въехать в страну и кто из японцев может ее покинуть.

Журналист Йосида Кэнити, сын послевоенного премьер-министра Йосида Сигэру, обобщил политический эффект американской победы и оккупации следующим образом:

Это покончило… с армией, основанной на устаревших принципах, и соответствовавшей им устаревшей ментальностью… Это обнаружило коммунистов… и теперь мы могли бороться с ними, не опасаясь, что за ними придет полиция и превратит их в мучеников… Император снова стал императором народа… Эти перемены… нельзя было ожидать до войны, и, что более важно, если бы мы ее не проиграли. Вот чем мы действительно и искренне обязаны американцам: они победили нас так, что не оставили места сомнениям в том, кто должен был выиграть.

В переходе Японии к демократии не было ничего странного. То, что новая политическая структура сохраняла критически важные элементы прошлого, а также направляла нацию на новый курс, объяснялось идеализмом и самоуверенностью американцев, плюс гибкостью и умом

японцев. С момента своего принятия конституция Сева не изменялась.

ИСТОКИ ЧУДА

В планы Макартура не входило добиться экономического чуда. Официальная точка зрения гласила, что «бедственное положение Японии явилось прямым следствием ее собственного поведения, и союзники не будут брать на себя бремя восстановления». Приказы Макартура подчеркивали, что «не следует нести какую-либо ответственность за экономическую реабилитацию Японии или за укрепление японской экономики».

Первоначально оккупационные власти склонялись к «деиндустриализации» Японии с целью гарантировать, что она больше не сможет произвести что-либо более агрессивное, чем велосипед. Особое внимание было уделено прекращению существования «большой четверки» конгломератов, которые контролировали треть японской промышленности и половину ее финансов: Мицуи, Мицубиси, Сумитомо и Ясуда. Согласно официальной позиции, «относительно не важно, подстрекали ли к войне отдельные *дзайбацу* или нет; важно, что система *дзайбацу* обеспечива-

ла благоприятную среду для милитаристской агрессии». Кроме того, утверждалось, что *дзайбацу* сдерживали заработную плату, душили мелкий бизнес и были враждебно настроены по отношению к свободным профсоюзам, поэтому их разрушение отвечает интересам демократизации.

Первые годы после войны ознаменовались дефицитом, повышением цен и процветающим черным рынком. Многие японцы жили в прямом смысле в руинах. В 1946 году промышленное производство составляло менее трети от уровня десятилетней давности. Для борьбы с голодом требовалась продовольственная помощь Америки и Австралии, а продовольственные карточки не отменили даже после оккупации. Но, хотя война многое уничтожила, она имела и позитивную сторону. Служба в армии познакомила миллионы крестьян с чудесами вроде грузовиков, радио и телефона. Производившиеся для военных камеры и мотоциклы могли быть приспособлены для гражданского рынка. Там, где фабрики и транспортная система оказались разрушены бомбежками, их замещали новые технологии. На протяжении всей своей истории Япония демонстрировала замечательное упорство перед лицом катастроф,

будь то пожар, землетрясение или тайфун.

Теперь, вместо восстановления деревни, предстояло восстановить нацию.

ЗЕМЕЛЬНАЯ РЕФОРМА

Американские установки в отношении японской экономики фундаментально зависели от политических устремлений США. Частично ради уничтожения «феодального угнетения», частично для создания заинтересованного в новом порядке (и враждебного коммунизму) класса, особая роль отводилась земельной реформе. Половину всей рабочей силы Японии составляли крестьяне, и почти половина национальных земель обрабатывалась арендаторами-ис-полыциками, которые выплачивали «благодарственную» ренту. Отныне же декрет предписывал, что никто не может владеть землей более одного гектара, за исключением случая, когда человек обрабатывает землю лично (тогда разрешаемая площадь увеличивалась до трех гектаров). На малонаселенном Хоккайдо нормы были больше.

Вся избыточная земля выкупалась правительством по ценам 1939 года, а затем продавалась фермерам, но уже с учетом значительно раздутой инфляцией валюты. Проигравшие рассматри-

вали такой обмен активами как фактическую конфискацию под прикрытием закона. Один из землевладельцев сказал, что на полученную за все его земли компенсацию можно купить разве что билет на поезд. Почти пять миллионов акров пахотных земель были заново перераспределены между практически тем же самым числом арендаторов. Арендные платежи резко упали, «благодарственные» платежи перестали существовать, и в итоге только 10% всей земли продолжали обрабатывать наемным путем. Негативная сторона земельной реформы заключалась в заморозке моделей фермерства на мелких и разрозненных пашнях, что вело к трудовым потерям и затрудняло механизацию. И хотя реформа стимулировала повышать урожайность, поскольку вся прибыль стала принадлежать фермерам, но средств для этого давала мало.

ОБРАЗОВАНИЕ

Реформа образования тоже считалась жизненно необходимым шагом для укрепления молодой демократии. Ярые националисты были уволены с преподавательских должностей (в общей сложности — 100 000 человек). Сторонники левых заняли места в учительских профсоюзах и

с тех пор их не покидали; книги же переписали так, чтобы исключить националистическую пропаганду. Учебное расписание пересмотрели в пользу научных дисциплин, снизив часы занятий «моральным образованием». Снова было введено изучение английского языка. Отменялась старая элитарность высших учебных заведений, вместо нее вводилась американская структура: шесть лет начальной школы, затем по три года в младшей высшей и в старшей высшей школах, а потом еще четыре года в университете. Доступность образования увеличилась благодаря продлению периода образования с шести лет до девяти и основанию новых университетов, по крайней мере по одному на префектуру.

Изменить структуру образования было просто, в отличие от стиля обучения. Доминирующей моделью педагогики оставалась механическая зубрежка. А в результате реформы не только будущая элита, но и население в целом столкнулось с конкурентным давлением при сдаче письменных экзаменов.

Зрелые размышления

Уже в марте 1947 года Макартур заявил: Япония настолько позитивно приняла реформу, что вскоре можно прогнозировать окончание оккупации. Приход коммунистов к власти в Китае способствовал переоценке позиции Японии, которая все меньше и меньше выглядела как побежденный враг, требующий подозрительного отношения, и все больше и больше — как подающая надежды демократия и будущий ценный союзник. Заботы американцев о «сдерживании коммунизма» помогали восприятию страны как стратегически важной базы, «непотопляемого авианосца».

Верховный главнокомандующий все более удовлетворялся функциями всеобщего надзора и оставлял политику в руках японцев. Поощрялось восстановление промышленности, запрет на *дзайбацу* отменили. В 1948 году закон ограничил право на забастовки, а в 1950 году — когда коммунистические силы вторглись в Южную Корею — в ходе «красной чистки» около 12 000 предполагаемых коммунистов убрали из японских профсоюзов. По инициативе Макартура был создан резерв национальной полиции из 75 000

человек. В 1951 году премьер-министр Йо-сида проинформировал национальный парламент о том, что «крупномасштабные вооружения — то, что побежденная Япония не может себе позволить».

СОТВОРЕНИЕ ФРАНКЕНШТЕЙНА?

Оборачиваясь назад из 1990-х годов, многие американские комментаторы оценивают оккупацию как процесс, посредством которого США сотворили Франкенштейна, чья судьба — соперничать, а затем и уничтожить экономику собственного создателя. Составитель трудового кодекса Японии Теодор Коэн в своей книге «Переделывая Японию» отказывается от тяготеющего к паранойе анализа в пользу теории беспорядка.

...Экономическая демократизация, особенно либерализация крестьянства и свобода профсоюзов вести переговоры от имени трудового коллектива, созданные впервые в японской истории, и обширный внутренний рынок массового потребления. Таковы были главные движущие силы японского экономического развития и всего того, что за ним последовало. Американские лидеры... были поглощены предотвращением возрождения японского милитаризма и построением

демократической защиты от него. Японцы тоже не заглядывали так далеко вперед. Они были счастливы освободиться от бывших угнетателей и вести мирную «культурную Японию» к процветанию... И американцы, и японцы обрели то, что хотели. «Экономическое чудо» они получили как дополнение.

Коэн мог бы добавить, что разоруженная Япония была по определению страной, свободной от бремени военных расходов. Приняв на себя затраты на оборону Японии (хотя и не без некоторой помощи со стороны японских налогоплательщиков), США высвободили почти 5% ВНП Японии для эффективного инвестирования в производство. Кроме того, технические исследования и разработки для удовлетворения потребностей гражданского рынка могли осуществляться совершенно свободно, в отличие от исследований в военной сфере. Еще одним невольным последствием оккупации оказался целый ряд средств управления, предназначенных для контроля за восстановлением промышленности при помощи лицензирования, выкупа технологий, контроля обращения иностранной валюты и т. д. После 1949 года эти бюрократические меры передали министерству иностранной торговли и промыш-

ленности (ранее оно называлось министерством коммерции, а еще раньше — министерством военного имущества).

ТЕНЬ ДЯДИ СЭМА

Восьмого сентября 1951 года премьер-министр Йосида поставил на кон свою политическую карьеру, подписав в Сан-Франциско соглашение о мире, зарывавшее «топор войны» с США и их сторонниками, но оставлявшее неразрешенными разногласия с СССР и его союзниками. Йосида в характерной для себя манере выбрал политику практическую вместо недостижимого «всеобщего мира», который один — как настаивала японская оппозиция — способен гарантировать безопасность. С началом войны в Корее холодная война достигла нового уровня напряжения. Япония и так уже превратилась в американский военный лагерь самим фактом оккупации. И Йосида рассудил, что лучше принимать альянс с энтузиазмом, чем пытаться уклониться от него без всякой для себя выгоды. «Невооруженный нейтралитет» мог привлекать университетских пацифистов, но для умудренного политика он выглядел прямым приглашением хорошо вооруженным коммунистическим соседям занять

Японию. Через пять часов после заключения мирного договора в Сан-Франциско Йосида подписал договор о взаимном сотрудничестве и безопасности с США, с бессрочным сроком действия и асимметричными обязательствами. США обязывались защищать Японию, но не наоборот. США также получали базы на японской территории и сохраняли за собой право на интервенцию в случае крупномасштабных внутренних беспорядков. Решение Йосиды разделило японское общественное мнение — достаточно дорогая цена для нации, психологически склонной к согласию. Более того, отношения с СССР оставались напряженными. Япония продолжала считать своей территорией занятые СССР Курильские острова, в ответ СССР наложил вето на членство Японии в ООН. В то же время Япония должна была следовать американской линии и бойкотировать контакты с КНР и поддерживать националистический режим на Тайване.

Двадцать восьмого апреля 1952 года, в день вступления в силу мирного сан-францисского договора, штаб-квартира верховного главнокомандующего союзными силами была расформирована. Три дня спустя левые организовали антиамериканское выступление перед импера-

торским дворцом. Один студент был убит, около тысячи арестовано. Йосида стал непопулярным как внутри национального парламента, так и вне его. В 1954 году он учредил японские «силы самообороны», аргументируя решение тем, что право на самооборону — неотъемлемая часть суверенитета наций согласно уставу ООН, новые военные силы Японии не несут агрессии, а потому их существование не нарушает девятую статью японской конституции.

Вскоре после этого Йосида уступил свое место Хатояма Итиро, который ставил целью восстановить дипломатические отношения с СССР. Эта цель была достигнута за счет отказа от претензий на Курилы, и хотя формально мирный договор с СССР так и не был заключен, но Японию допустили в ООН.

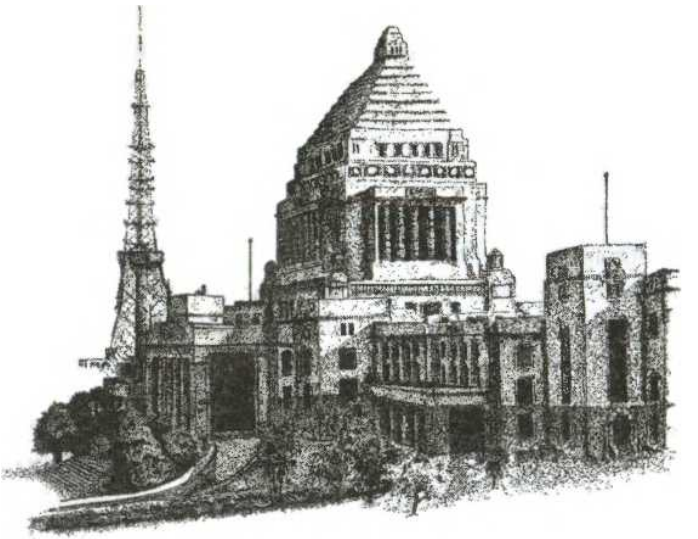
РЕВИЗИЯ И БУНТ

Киси, следующий премьер-министр, задался целью пересмотреть договор о безопасности с США ради установления более равноправного партнерства. Американцы должны были консультироваться с Японией до того, как менять расположение войск или размещать на территории страны ядерное оружие, а также отказаться

от права вмешательства в дела Японии и выплачивать ей денежные средства за пользование военными базами. Японские и американские силы должны были сотрудничать в планировании действий и обучении. А действие всех заключаемых впредь соглашений ограничивалось сроком в десять лет.

Киси полагал, что США согласятся на повторные переговоры, но когда он представил соответствующие предложения в национальный парламент, это спровоцировало протесты и внутри, и на улицах. Левых задело продолжение отчужденных отношений с Россией и Китаем, а кроме того, они опасались, что частично вооруженная Япония может быстро превратиться в полностью вооруженную. Американский комментатор Пол Ф. Лангер отмечал, что антиамериканские настроения в Японии, без сомнения, подпитывались сомнениями в реальности коммунистической угрозы и в том, что в случае нападения американцы действительно окажут помощь, а также страхом, что — если им все же помогут — Япония окажется полем ядерной войны, плюс негодованием от присутствия американских военных и боязнью загрязнения японских районов рыболовецкого промысла осадками сброшенных

американцами ядерных бомб. Киси отверг все возражения и дал понять, что будет использовать парламентское большинство для ратификации предложений. Это было совершенно конституционно и очень не по-японски.



Офисное здание в Токио

Депутаты-социалисты бойкотировали заседания парламента, осажденного левыми демонстрантами. Президент Эйзенхауэр распорядился отменить долгое время планировавшийся «визит

доброй воли». Тем не менее Киси продолжал стоять на своем и добился ратификации, после чего ушел в отставку. Агитация прекратилась. Япония и США перешли к обсуждению вопросов в дружеском тоне. Последняя сотня военных преступников была досрочно условно освобождена. Требования японской стороны о выплатах репараций за оккупацию приняли, эти средства направили в развивающиеся страны, в помощи которым были заинтересованы и США, и Япония. Бывший оборонительный альянс превратился в позитивную для мира силу.

ОБРАТНЫМ КУРСОМ?

Наиболее устойчивыми стали результаты тех реформ периода оккупации, которые отвечали желаниям самих японцев. Демократическая конституция и земельная реформа оставались неприкосновенными. Но американская установка на децентрализацию рассматривалась японцами как расточительная и извращенная. Реформаторы эпохи Мэйдзи считали центры местной власти угрозой для национальной стабильности и причиной отсталости; централизованный контроль воспринимался как гарантия прогресса и стабильности. Когда американцы децентрализи-ровали полицейскую систему, ре-

зультатом стал административный беспорядок, от которого выигрывала только преступность. С 1950-х годов централизованная система полиции, образования и местных правительств постепенно восстанавливалась. Этот «обратный курс», однако, не означал опасности для фундаментальных достижений периода оккупации. Хотя в парламенте шли шумные дебаты по поводу необходимости пересмотра конституции, ее так и не тронули. А когда в 1958 году правительство попыталось ограничить трудовой радикализм принятием нового законодательства, оно не смогло этого сделать из-за сопротивления парламентской оппозиции, прессы и общественного мнения. Для многих людей новый эгалитаризм ознаменовал в 1959 году и символичный брак наследного принца Акихито: его невеста, Седа Митико, была родом из простой семьи.

Возможности и амбиции

Начало в 1950 году корейской войны принесло Японии неожиданные экономические выгоды в форме «специальных поставок» для американских военных сил, нуждавшихся в провизии и обеспечении. В результате к 1952 году доход от этих поставок помогал оплачивать половину японского импорта. Дополнительные деньги поступали и от американских военнослужащих, которые находились в отпуске и желали хорошенько отдохнуть и расслабиться; даже после окончания корейской войны расходы американцев в Японии доходили до $ 500 000 000 в год. С учетом этих обстоятельств, США решили прекратить прямую помощь, достигшую к 1952 году суммы в $ 2 016 000 000. К 1954 году доходы среднестатистических японцев вернулись к уровню середины 1930-х годов — до того, как условия военного времени привели к перекосам и крайне расшатали экономику. Фундаментальные принципы национальной экономической стратегии уже были определены. С учетом недостаточности энергетических и других ресурсов было логично предположить, что Япония, ве-

роятно, нацелится на превращение в то, чем фактически стала ее бывшая колония Тайвань, — в экспортно-ориентированного производителя низкотехнологичных товаров легкой промышленности типа лампочек, столовых приборов и спортивных товаров. Но, еще до формального завершения оккупации, японские власти решили, что единственным способом для семидесятимиллионной нации добиться сопоставимых с Западом стандартов жизни является развитие разнообразных отраслей тяжелой — и, в конечном счете, высокотехнологичной — промышленности, с акцентом на сталелитейную промышленность и химическую отрасль. Надежды возлагались на автомобилестроение и создание международных авиалиний. Америка рассматривалась как не только самый богатый мировой рынок, но и как ключевой источник продвинутых технологий. Макартур пригласил в Японию из США специалиста по производительности, Уильяма Эдвардса Деминга — пионера внедрения статистических методов контроля качества; среди японских инженеров последний быстро нашел преданных сторонников и энтузиастов. (Премия Деминга, учрежденная его последователями, остается одной из самых престижных

в Японии промышленных наград.) Для обучения экспертов на основе данных статистической таблицы, показывающей взаимозависимость отраслей промышленности, а именно — сырье каких отраслей используют другие отрасли, был создан Центр национальной производительности, выпускники которого отправлялись затем в другие страны собирать информацию о последних индустриальных достижениях. В 1955 году кабинет министров опубликовал пятилетний план экономической самопомощи, нацеленный на формирование «жизнеспособной экономики», независимой от «специальных поставок», за счет ежегодного роста ВНП на 5%.

ОПРОВЕРГАЯ ОПАСЕНИЯ

Между 1955 и 1960 годами экономика росла почти в два раза быстрее, чем надеялись. Многие из поставленных экспортных и модернизационных задач были достигнуты за два года вместо планировавшихся пяти. К 1957 году стандарты жизни были уже на 27% выше по сравнению с 1954 годом. К 1958 году официальные источники смогли объявить о завершении восстановления, хотя и звучали предостережения о том, что дальше рост может оказаться значительно более скромным.

Но дальнейшие события продолжали опровергать подобные опасения. Между 1956 и 1959 годами возникла совершенно новая отрасль промышленности: количество произведенных телевизоров выросло со 165 000 до 3 290 000 штук.

В 1960 году Икэда Хаято, известный финансист, стал премьер-министром и обнародовал план удвоения национального дохода всего за десять лет. Западные комментаторы высмеяли подобную идею. Хаято достиг цели за семь лет. План Хаято, составленный при помощи будущего министра иностранных дел Окита Сабуро, намечал пять основных приоритетов:

1) улучшение инфраструктуры — дорог, портовых сооружений, систем водоснабжения и водоочистки и т. п. Наряду со строительством недорогих домов это должно было стимулировать сталелитейную отрасль и производство стройматериалов, а также подтолкнуть к дальнейшему росту «проблемные зоны» экономики;

2) поощрение тяжелой промышленности, особенно химической отрасли и машиностроения, прогресс которых необходим для целого ряда «вторичных» отраслей с потенциалом роста, типа производства транспортных средств;

3) поддержка экспорта и укрепление связей с развивающимися странами, особенно с богатой ресурсами Юго-Восточной Азией;

4) повышение «человеческого потенциала» Японии благодаря увеличению количества ученых, расходов на исследования и разработки и профессиональное обучение;

5) уменьшение разрыва между модернизированными и традиционными отраслями и между процветающими и менее развитыми регионами.

Шестнадцатого августа 1945 года, на следующий день после заявления императора о капитуляции, «мозговой центр» Японии, называвший себя Комитетом по послевоенным проблемам, собрался в Токио в штаб-квартире Южно-Маньчжурской железнодорожной компании. Секретарем комитета был Окита Сабуро.

ОСТАЛОСЬ В ПРОШЛОМ?

Стремительный экономический рост почти неизбежно означал неравномерность экономического развития. Сельский социолог Фукутакэ Тадаси в 1961 году обращал внимание на увеличивающийся разрыв в темпах изменений города и деревни. Действительно, механизация проходила быстро: в 1939 году во всем фермерском секторе

использовалось 90 000 единиц электротехники, а через двадцать лет это число составляло уже 2 500 000 единиц. Уровень фермерского потребления между 1951 и 1956 годами вырос более чем на одну пятую, но мелкие фермеры не могли обеспечить адекватными доходами свои семьи, а ведь их количество составляло 41% населения. И если в 1952 году на один заработанный городским рабочим доллар средний фермер располагал суммой в 83 цента, то к 1956 году эта пропорция снизилась до 67 центов и продолжала сокращаться. Фукутакэ зловеще предупреждал о политических последствиях подобного тренда: «Народ не может развивать демократию в собственном обществе, если ему приходится бороться с бедностью». Единственным решением, по мнению социолога, было «сократить хроническое популяционное давление и создать современные отрасли, куда пошли бы те крестьяне, которые заняты сезонной работой... Это необходимо для обеспечения больших возможностей для экономической независимости сельскохозяйственных семей».

Так более или менее и случилось. Сельская местность давала все больше хорошо образованных работников, которые могли включаться в стремительно расширяющиеся новые отрасли,

а новым отраслям не надо было переманивать к себе посредством более высоких зарплат людей из «старых». В период активного роста 1960-х годов это обеспечивало критически важный актив, помогая держать издержки под контролем и в то же время не затормаживать выпуск. Вместе с тем продолжавшие заниматься фермерством получали выгоду от щедрых субсидий, поддерживавших высокие цены на рис и другие культуры. На деле им платили налогоплательщики и домохозяйки. Но, оглядываясь на голодные дни после войны, люди полагали, что дело того стоит.

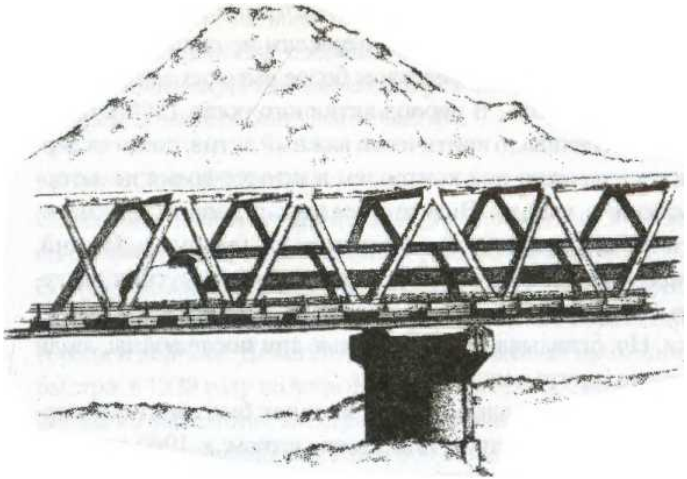
В 1950 году один из двух японцев был занят фермерством, рыболовством или лесоводством; к 1960 году это соотношение составляло один к трем; к 1985 году — один к десяти.

УПРАВЛЯЯ РОСТОМ

Опубликование плана Хаято не означало, что Япония превратилась к командную экономику в коммунистическом духе. Отношения правительства и промышленности напоминали, скорее, французскую модель косвенного планирования, при которой правительственные технократы вырабатывают «видение» общего направления, куда они хотели бы повести экономику, и используют

для «помощи» в реализации такие инструменты как государственные инвестиционные программы, «налоговые каникулы» и протекционистские тарифы. Вместо «командования» власти «предлагали», а промышленность следовала выбранным курсом.

Желание японского правительства строить национальные приоритеты вокруг принципа «на первом месте экономика, производство и экспорт» не было хорошей новостью для окружающей среды, но это стало заметно лишь постепенно. В итоге все вылилось в стремление к росту как к таковому и как к средству завоевания международного престижа.



Синкансен — символ возрождения Японии

В то же время поразительный успех Японии был признан: в 1964 году ее приняли в «клуб» богатых наций — Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). Теперь годовой выпуск Японии составлял столько же, сколько выпуск остальных стран Азии вместе взятых. В том же году страна насладилась непривычным, но, несомненно, приятным для нее вниманием мировых масс-медиа, поскольку талантливо и эффективно провела у себя Олимпийские игры и заняла на них общее четвертое

место в турнирной таблице. Преисполненные благоговейным страхом, гости страны перемещались между Токио и Киото на скоростном поезде, разгонявшемся до 130 миль/час и специально сконструированном под мероприятие. Немногие могли отрицать, что — буквально восстав из собственного пепла — Япония воистину является «Азиатским фениксом». Чтобы подчеркнуть это, для зажжения Олимпийского огня японцы выбрали девятнадцатилетнего Сакаи Есинори — юношу, родившегося в тот день, когда на Хиросиму сбросили атомную бомбу.

СУПЕРРОСТ

С осени 1965 года и до лета 1970 года Япония переживала период непрерывного экономического бума, ежегодный уровень роста в среднем составлял 11%. В 1955 году Япония выпустила первый в мире транзисторный портативный приемник; в 1965 году производилось уже 454 миллиона портативных приемников, а к 1970 году — 1813 миллионов штук. За этот же промежуток выпуск телевизоров вырос с 98 000 до 6 400 000 штук, а автомобилей — с 696 000 до 3 178 000 экземпляров. Мировая торговля росла на восемь процентов в год, а японский экспорт — примерно в два раза

быстрее. В 1967 году Япония опередила Западную Германию и стала второй крупнейшей экономикой вне коммунистического блока. В 1968 году сальдо торгового баланса Японии впервые оказалось положительным — и осталось таковым. В 1969 году японские резервы в иностранной валюте составляли $ 3,5 млрд, к 1971 году эта цифра достигла $ 15,2 млрд. Значительно изменилась структура национальной внешней торговли: от экспорта игрушек и текстиля страна перешла к экспорту судов, стали и автомобилей; импорт же теперь состоял практически целиком из нефти, минералов, целлюлозы и, все больше, из такого продовольствия как мясо и соевые бобы. С учетом роста уровня заработной платы на 15% в год и пересечения в 1967 году населением отметки в сто миллионов человек, обширный внутренний рынок также подпитывал рост и позволял производителям существенно сэкономить на масштабах до того, как отправлять товары на экспорт.

Создатели чуда?

Для каждого «чуда» необходимо немного магии. Предприниматели, которые обеспечили японское чудо, отрицали бы его сверхъестественное происхождение. Скорее, они воспевали бы «викторианские добродетели»: старание, терпение и открытость идеям. Глава корпорации «Мицубиси» Фудзино Тидзиро кратко обобщил ситуацию так: «Мы, промышленность и страна, обладали правильной комбинацией — трудом, ноу-хау, доступным зарубежным сырьем и способностью продавать. Очень важным был и энтузиазм. Мы тяжело работали».

Похожую точку зрения выразил и Хонда Соитиро, сказав, что «единственным крупнейшим фактором успеха нашей компании и успеха Японии является наш новаторский дух». Ибука Масару, президент компании «Сони», в отличие от прочих утверждал необходимость «избегать следовать за другими... Новые товары сами производят рынки, особенно — если они не делают того, что хочет мир». Ибука узнал о транзисторах в ходе учебного визита в США в 1952 году; когда он заявил американцам, что собирается приме-

нить их для производства радио, ему ответили — «это технически невозможно». К 1958 году он экспортировал «невозможное» радио в Америку.

ХОНДА

Эпический успех Хонды Соитиро (1906-1991) демонстрирует, как в условиях доминирования в экономике огромных корпораций и засилья бюрократии личные усилия одного-единственного предпринимателя по-прежнему способны привести к созданию производителя-гиганта. Хонда был сыном кузнеца и начал собственный бизнес в возрасте 22 лет, сначала управлял ремонтной мастерской, а затем делал поршневые кольца для «Тойоты». В годы войны его компания была обязана работать на военные поставки, и этот опыт привел его к убеждению в том, что «командная экономика» ведет к провалу: негибкие стандарты, фиксированные цены и отсутствие конкуренции убивают стимулы для улучшений.

Послевоенная нехватка личного транспорта предоставила Хонда первую новую возможность. Он вышел на рынок мотоциклетного производства, приспособив оставшийся от военных запас маленьких моторов. В 1951 году он запустил в производство легкий, простой в управлении мо-

тоцикл «Дрим», продав в итоге 9 000 000 единиц. В 1953 году Хонда выпустил модель С-100; к 1959 году это был самый продающийся мотоцикл в мире.

Хонда знал, что ключ к успеху — брать пример с лучших и превосходить их. Он отправился на гонки на острове Мэн, которые были своеобразным местом смотра и апробирования технологий, и решил превратить свою компанию в мировой бренд, но его первые попытки были осмеяны. Многому Хонда научился благодаря терпеливому «обратному инжинирингу»: покупая британские мотоциклы и дотошно и педантично разбирая их по частям. Таким образом он получал знания, которые затем тестировал на трассе; дорогостоящие уроки позже учитывались при производстве машин для каждодневного использования. Гонки дали Хонде точку опоры, от которой отталкивались стандарты качества и превосходство инженерной мысли, и в то же время обеспечили компании статуе мирового лидера. Когда-то в Японии мотоциклы производили 300 компаний, но в конце концов осталось только четыре, и компания Хонды была крупнейшей из них. Основной конкурент, компания «Тохацу», обанкротилась в 1964 году. К 1960-м годам на повестке

дня стояло производство автомобилей, невзирая на враждебные отношения со всемогущественным министерством международной торговли и промышленности, которое считало компании «Тойота» и «Ниссан» производителями мирового класса и хотело объединить прочих производителей в единую компанию. Хонда отказался подчиняться и позднее гордился этим, говоря, что «причина, по которой моя компания существует сегодня, заключается в том, что я делал противоположное советам министерства». В 1972 году Хонда вывел на рынок экономичную модель «Сивик» — как раз вовремя для энергетического кризиса, разразившегося в 1973 году. В том же году он формально сложил с себя полномочия главы компании, чтобы освободить дорогу «свежему менеджменту, строящемуся на тех ценностях, которые я всегда находил удивительными».

СЕКРЕТЫ УСПЕХА?

В 1967 году лондонский журнал «Экономист» опубликовал статью «Восходящее солнце», в которой попытался проанализировать факторы, приведшие Японию к успеху. В статье выделялись два фактора: тесное сотрудничество между правительством и промышленностью и высокий

средний уровень образования. (Разумеется, автор статьи имел некоторое предубеждение по поводу этих факторов, которые в Великобритании разительно отличались от японской ситуации.) С конца войны Японией, за исключением периода чуть менее года в 1948 году, правили опиравшиеся на бизнес-сообщество «консервативные» партии. В 1955 году изменения среди левых привели к тому, что различавшиеся только в названии партии либералов и демократов оставили свои споры и объединились в Либерально-демократическую партию (ЛДП), которая с тех пор и пребывала у власти. Подобная стабильность политической системы одновременно укрепила доверие бизнеса к осуществлению долгосрочных инвестиций и придала убедительность обещаниям правительства. Что касается образования, то к концу 1960-х годов примерно 70% японских детей обучались в школах до восемнадцати лет; это вдвое выше, чем в Великобритании. Неравенство же в пропорциях японских и британских университетских выпускников, выходящих на рынок труда, было еще заметнее. Среди других важных факторов западные аналитики называли:

1) отсутствие продолжительных забастовок. Ежегодные апрельские «весенние наступления»

(*сюнто*) обычно были короткими ритуальными остановками и часто длились всего несколько часов. Долгие споры, вредившие рыночной ситуации, считались только дающими преимущества конкурентам. Например, с 1958 по 1974 год компания «Тойота» не простаивала ни единого часа по причине забастовок.

2) уровень сбережений, в три раза превышающий британский; его стимулировали налоговая и платежная системы, поощрявшие сбережения, а также банковская структура, которая перенаправляла эти средства в промышленность для финансирования долгосрочных инвестиций. (Со временем почта Японии — с точки зрения наличных депозитов — должна была стать крупнейшим банком в мире.) К 1960-м годам среднегодовой прирост основного капитала в Японии превышал 30% от ВНП, что в два раза выше уровня США.

3) благоприятная международная среда — низкие цены на сырье и энергоносители, расширяющаяся мировая торговля и выгоды, извлекаемые из конфликта во Вьетнаме.

История о вознаграждении добродетели? Частично. Но также это и рассказ о способности увидеть возможности, ухватиться за них обеими руками и реализовать, опередив высо-

комерных конкурентов, которые чрезвычайно недооценивали новые технологии из-за того, что совершенно не видели у японцев способности разработать их и расширить.

А японцы не боялись защищать свой рынок всеми доступными средствами. К концу 1950-х годов около 80% японского импорта находилось под определенными запретами или являлось предметом квотирования. Остальная часть страховалась посредством толстенной кипы документов.

СТАНДАРТЫ И КАЧЕСТВО ЖИЗНИ

По мере того как забывались война и голод, простота традиционного образа жизни уступала место желанию иметь различные технические устройства (гаджеты) и новинки. При коронации японский император получал три священных сокровища: зеркало, меч и яшмовое ожерелье. К 1950-м годам японские потребители хотели обладать своими тремя сокровищами: телевизором, холодильником и стиральной машиной; и к 1964 году 90% из них смотрели Олимпийские игры на собственном телевизоре, и свыше 50% получили и два других вожделенных предмета. К концу 1960-х годов потребители хотели «трех чудес» — автомобиль, цветной телевизор и кондиционер;

наиболее жадные стремились купить «три В» — видео, виллу (у моря) и вояж за границу.

В 1968 году в ходе студенческих бунтов — когда по всему миру вьетнамские события стали катализатором роста внутреннего недовольства — кампус элитного Токийского университета превратился в поле битвы, откуда в полицию летели бутылки с зажигательной смесью. Японцы в целом очень толерантно относились к выходкам молодежи, и некоторые известные социальные комментаторы великодушно интерпретировали подобный вандализм как критику тупого материализма эпохи. С другой стороны, многим иностранцам японцы казались освежающе-свободными от повсеместного социального зла, считающегося неизбежным спутником «изобилия». В Японии не было особых проблем из-за наркотиков, уличная преступность была незначительной, о граффити буквально ничего не знали.

Правда, в Японии были *якудза* — мощный класс гангстеров, численностью 80 000 человек, что в пять раз больше численности американской мафии. Романтизируя образ «современных самураев», они декларировали свою приверженность кодексу чести, который сочетал готовность кон-

тролировать проституцию и рэкет с рьяным патриотизмом. (*Якудза* действительно направляли резервных агентов в штатском для помощи регулярной полиции в защите от проявлений враждебности приезжающих в страну иностранцев.) Организованные в семь крупных сетей, они долгое время получали выгоду от тесных связей с высокопоставленными членами политической и бизнес-элиты. За исключением терроризирования несговорчивых продавцов расположенной в стратегических местах недвижимости или запугивания акционеров, смевших задавать «неудобные» вопросы на собраниях компании, *якудза* почти всегда направляли силу друг против друга, а не обрушивали ее на обычных граждан. Глубоко консервативные во взглядах, десятилетиями в послевоенной Японии они были если и не добродетельной силой, то основой стабильности. (Впоследствии проникновение *якудза* в легальный бизнес, особенно благодаря «развитию собственности», приобрело такие масштабы, что их прежние отношения с силами порядка стали выглядеть явно угрожающими.)

Отчет «Японцы и общество», выпущенный в 1972 году Агентством экономического планирования, рисовал картину все более здоровой нации,

но в то же время страны людей, подверженных стрессу и склонных причинять себе вред. Среди позитивных факторов отмечалось, что японцы сравнялись по продолжительности жизни со шведами, а младенческая смертность у них самая низкая в мире. Улучшение питания привело к значительному увеличению роста, веса и силы молодых людей; в среднем японская молодежь была на пять дюймов выше своих дедушек и бабушек в том же возрасте. Но работа приводила к физическому переутомлению; она была «настолько интенсивной, что накопленный стресс нельзя легко снять при помощи сна». Связанную со стрессом усталость усугублял тот факт, что «люди берут не более половины от своего оплачиваемого отпуска, который и так существенно короче, чем в западных странах». «Люди не хотят брать больничный, за исключением серьезной болезни... сорок процентов опрошенных не брали больничный, когда получали медицинский уход».

ВЫСОКАЯ ЖИЗНЬ И НИЗКИЕ ВКУСЫ?

Экономическая экспансия и социальный прогресс Японии за несколько десятилетий после войны неопровержимы; ее культурные дости-

жения были более спорными. За счет доходов старших *сараримэн* («саларименов», т. е. «белых воротничков», менеджеров, офисных клерков и т. п.) процветали клубы и кабаре, а тинейджеры и домохозяйки толпились в комнатах для игры в пинбол (*пачинко*) и в *киссатэн* (кофейнях). Национальный спрос на «мягкую» порнографию, комиксы *манга*, угрожал лишить Японию лесов. В то же время официальная поддержка «живых национальных достояний» помогала выдающимся ремесленникам, а массовый интерес к искусствам аранжировки цветов и каллиграфии способствовал процветанию сотен академических и частных преподавателей. Благосостояние сделало доступным традиционный досуг самураев для остального народа.

Одним из значимых следствий послевоенного периода было возрождение интереса к японской культуре на Западе. Британский мастер по глине Бернард Лич восхищался японской керамикой, традиционной и авангардной. Писатель Алан Уоттс популяризировал необычную философию дзэн. Группы энтузиастов начали заниматься дзюдо, кен-до и *икебаной*; другие серьезно увлеклись содержанием карпов *кои* (разновидность золотых рыбок) и выращиванием *бонсай.*

Вероятно, проводником, который первым подпитывал новый энтузиазм, был кинематограф. В 1951 году фильм «Расемон» режиссера Куросавы завоевал гран-при Венецианского кинофестиваля. Руководители крупнейшей студии Японии «Тохо» не хотели отправлять фильм на конкурс, опасаясь, что он не будет принят Западом (как и многими японцами). В фильме рассказывается и, что более в&кно, пересказывается средневековая история о грабежах и насилии с точки зрения их жертвы, злодея и стороннего наблюдателя. Чтобы еще больше запутать сюжет, от лица путешественников XVIII столетия, которые укрываются от грозы в разрушенных воротах Расе (Расе-мон) в Киото, внутри одной истории рассказывается другая. За основу фильма Куросава взял сюжет короткого рассказа Акутагавы Рюноскэ «В чаще». Вскоре путем Куросавы пошли и другие. Действие его фильма «Семь самураев» (1954) было перенесено в Мексику, там новая версия получила название «Великолепная семерка», а «Едзимбо» (1961) в руках Серджио Леоне превратился в фильм «За пригоршню долларов», тем самым положив начало чрезвычайно успешному циклу «спагетти-вестернов».

Самым известным послевоенным автором Япо-

нии стал не обладатель Нобелевской премии по литературе лиричный Кавабата Ясунари, отравившийся газом в 1972 году, а драматичный Юкио Мисима, совершивший *сэппуку* в 1970 году. Плодовитый и разносторонний писатель, Мисима превратил свою жизнь в искусство. Воспитанный в изоляции деспотичной бабушкой, он сумел благодаря интенсивным физическим тренировкам из застенчивого слабака, негодного для службы в армии, стать истинным атлетом. Одна из его лучших книг, «Золотой храм» (1956), рассказывает подлинную историю этого древнего сокровища Киото, которое чудесным образом пережило пять столетий, а потом было сожжено сумасшедшим монахом. Мисиму всегда завораживали образы неестественного и ужасного; позднее он написал рассказ и снял фильм о самоубийстве молодого офицера, вовлеченного в февральский «инцидент» 1936 года. Все более обеспокоенный тем, что он считал послевоенным моральным разложением Японии, Мисима сформировал военизированную группу «Общество щита», целью которой являлось духовное возрождение нации. В день, когда он завершил свою последнюю работу, тетралогию под названием «Море плодородия», Мисима вместе с преданными сторонниками из

«Общества щита» попытался начать в военных казармах пригородного Токио государственный переворот во имя императора. Когда солдаты гарнизона ответили на его высокопарную речь недоверием и насмешками, он совершил самоубийство традиционным для самураев способом.

Некоторые западные литературные критики сожалеют об известности личности Мисимы на том основании, что публичность его жизни и работы затмевала достижения других выдающихся писателей, например «Огни на равнине» (1951) Оока Сехэй, где описываются ужасы каннибализма в филиппинских джунглях во время войны; роман-клаустрофобию «Женщина в песках» (1962) Кобо Абэ и «Молчание» (1966) Эндо Сюсаку, где живописуются преследования христиан в XVI веке. «Великим старым человеком» называли писателя Дзюъитиро Танид-заки (1886-1965), чей первый рассказ вышел в 1910 году. Его главная работа, переведенная под названием «Мелкий снег» (1943-1948), повествует о жизни среднего класса в дни, предшествовавшие войне. Последний роман Та-нидзаки «Дневник безумного старика» описывает жизнь старого человека, который начинает испытывать сексуальное влечение к ногам собственной невестки.

Комические и сатирические произведения японских авторов обычно считаются не слишком «серьезными» для перевода на другие языки, и потому у западных читателей легко может сложиться впечатление, будто японская литература концентрируется почти исключительно на меланхолии, болезнях и мазохизме.

МЯГКО ДОБИВАТЬСЯ ЦЕЛЕЙ

Во время оккупации главной целью японской национальной политики было восстановление права на эту самую политику. В 1950-е годы Япония предприняла несколько внешнеполитических инициатив, направленных на возобновление членства в международных организациях и заключение соглашений о репарациях с бывшими оккупированными ею странами. В 1964 году, в год Токийской олимпиады, были наконец отменены сложные правила, долгое время ограничивавшие зарубежные поездки частных лиц, что стало пусть маленьким, но значимым символом повторного появления Японии на международной арене. В 1965 году Япония восстановила дипломатические отношения со своей бывшей колонией, Республикой Корея (Южная Корея); эти отношения вряд ли можно было

назвать сердечными, но они открыли путь для дальнейшего взаимовыгодного экономического сотрудничества.

Отношение к Китаю было сложным. Оставаясь лояльными США и признавая националистический режим на Тайване, Япония получала выгоду за счет расширения торговли со стремительно развивающимся островом, но одновременно поддерживала нерегулярные, косвенные контакты с материковым Китаем через торговые дома, якобы поддерживаемые левыми организациями, симпатизирующими коммунизму. К 1970 году оборот составлял 2% японского экспорта и 20% китайского импорта. Даже правые продолжали испытывать сдержанное уважение к Китаю как к источнику японского культурного наследия, ядерной державе и потенциально огромному будущему рынку.

Политика в отношении СССР оставалась явно негативной. Проведенный в 1971 году опрос общественного мнения показал, что японцы не любят СССР даже сильнее, чем изоляционистскую и милитаристскую Северную Корею. Отчасти это было выражением антикоммунистического настроя, отчасти — памятью об обращении русских с японскими военнопленными, отча-

сти — продолжающейся советской оккупацией Южных Курильских островов, которые японцы упорно считали неотъемлемой частью своей территории. На протяжении десятилетий вопрос о «северных территориях» остается неразрешенным и выступает преградой для экономического и технологического сотрудничества, которое могло бы быть крайне выгодным для обеих сторон.

Лишенная армии и неискушенная в дипломатии, в мире Япония чувствовала себя увереннее, имея дело с экономикой и технологиями. Соответственно, немалые усилия власти приложили для проведения в Осаке в 1970 году «Экспо» — международной выставки, которая показывала другим странам, как далеко вперед ушла Япония за четверть века. Однако события 1971 года подтолкнули Японию к болезненному осознанию того, что она рано начала праздновать. Америка, краеугольный камень глобальной политики Японии, провела сразу две инициативы, которые застали японское правительство врасплох: США признали «Красный Китай» и подняли тарифы на импорт, включая японский. Дело не в том, что Япония не могла приспособиться к этим важным изменениям в политике, но в самом факторе внезапности, который воспринимался как шок

или удар. Впоследствии американцы смягчили принятые решения, уверяя японцев, что не будут заключать с Китаем соглашений, ущемляющих интересы Японии, и позволив в итоге Окинаве вернуться под японский суверенитет. Тем не менее Японии насильственно напомнили, что ее «особые отношения» с США по-прежнему остаются односторонними.

СПАД

Экономические «чудеса» не являются исключениями из правила, что все на свете имеет свою цену. Загрязнение воды химическими компаниями и токсины бумажных компаний, попадавшие в пищевую цепь, стали вызывать уродства и преждевременную смерть среди фермеров и рыбаков. Скоро слово *когай* (загрязнение окружающей среды) широко распространилось, японцы узнали о страхах, ассоциируемых с болезнью Минамата (хронические отравление ртутью) и астмой *еккаити.* Раньше города конкурировали между собой за привлечение новых фабрик, теперь они же вместе протестовали против них. К 1971 году действовало более 450 групп против загрязнения окружающей среды, в одном Токио их насчитывалось свыше ста. К этому времени

столица страдала от побочного продукта своего богатства — фотохимического смога. В 1971 году власти города официально заявили: «Жители Токио дышат отравленным воздухом. Их водные источники загрязнены. Они живут с уровнем шума, который действует на нервы. Земля под их ногами проваливается. Животным, растениям и жизни в море угрожают промышленные отходы».

В том же году было с опозданием создано Агентство окружающей среды, которое возглавил директор в ранге члена кабинета министров. К 1973 году правительство было вынуждено выпустить официальное предупреждение о том, что никому не следует есть в неделю больше шести креветок или одного фунта тунца. Детям и беременным и кормящим женщинам категорически не советовали употреблять в пищу моллюсков.

Строительство дорог шло гораздо медленнее, чем росла численность автомобилистов; за тридцать лет с 1945 года на дорогах Японии погибло больше людей, чем во вместе взятых Хиросиме и Нагасаки. Городские пейзажи подавлялись видом мрачных, серых бетонных офисов и апартаментов. Леса и побережье были разграблены. В 1973 году правительство признало провал:

Правительство тратило слишком много общественных фондов на инвестиции в производство, пренебрегая социальной сферой. Оно не смогло составить адекватный план зонирования для разделения жилых и промышленных областей. Оно мало делало для регулирования деятельности бизнеса, связанной с загрязнением окружающей среды, за исключением тех случаев, когда вред был очевиден.

В том же году рыбак с Кюсю, арестованный за демонстрацию против планировавшегося строительства еще одного нефтехимического сооружения, высказался на эту тему намного более жестко:

Япония — осьминог, пожирающий собственные щупальца. Нашим главным богатством всегда были океаны, реки, превосходные земли и дух нашего народа... В погоне за экономическим ростом мы загрязняем нашу почву, воду и воздух, а также и себя. Мы — третьи в мире по ВНП, но первые — по валовому национальному загрязнению.

Потенциальное разрешение кризиса пришло с неожиданной стороны. Разразившаяся на Ближнем Востоке война привела к тому, что арабы ввели «нефтяные санкции», которые увеличили

в четыре раза цену на нефть — крупнейшую импортную статью Японии — и тем самым стали угрожать поставить японскую экономику на колени.

ГЛАВА 10. *Интернационализация и идентичность, 1973-1990-е годы*

За два десятилетия после «нефтяного шока» 1973 года в структуре японской экономики произошли серьезные изменения, энергоемкие тяжелые отрасли эпохи суперроста (сталелитейная и химическая промышленность) уступили дорогу высокотехнологичному производству — компьютерам, мехатронике и биотехнологиям. В социальном плане длительное повышение уровня благосостояния привело к обеспокоенности экономическими последствиями стремительного старения населения и вероятному отказу от традиционных ценностей среди молодого поколения, которое настолько отличалось от своих родителей, что их даже прозвали *синдзинруи* — «новая раса людей». В политическом же отношении этот период можно охарактеризовать как «нестабильную стабильность»: партию либерал-демократов периодически сотрясали скандалы, но она оставалась у власти и безуспешно пыталась избавиться от связей и давления со стороны

различных лоббистских групп, от расположения, денег и голосов которых она в конечном счете зависела.

«Интернационализация» (*кокусайка*) стала *ки-вадо* (ключевое слово) — институциональным императивом для бизнеса и университетов. Все должны были к ней стремиться, но никто не был уверен, что именно это должно означать. Само правительство тоже продвигало концепцию интернационализации в качестве желательного национального приоритета. Осознавая, что удар по национальной экономике подталкивает страну к более широкому и активному международному участию, власти последовательно вынуждали Японию реагировать на глобальные проблемы в более позитивном ключе. Тем не менее кризис в Персидском заливе в 1990 году спровоцировал смущение, нерешительность и однобокость действий. Американский госсекретарь Дин Ачесон как-то сказал, что Великобритания уже потеряла империю, но еще не нашла для себя новой роли. То же самое можно сказать и о Японии — то ли экономическом лидере, то ли дипломатическом наблюдателе.

Неопределенность

Японцы называют нефтяное эмбарго 1973 года не кризисом, а шоком (*секку*). Политический аналитик Косака Ма-сатака подчеркивал, что это была не та ситуация, когда Япония могла оставаться в стороне. Впервые с 1945 года нация столкнулась с серьезными проблемами. Вся послевоенная история предстала в новом свете:

Оглядываясь назад... надо признать, что быстрый экономический рост Японии... был следствием не только способностей японского народа, но и благоприятных международных обстоятельств, в особенности, того факта, что страна могла практически бесконечно расширять свою внешнюю торговлю и свободно покупать ресурсы...

К началу 1970-х годов нефть обеспечивала три четверти энергетических потребностей Японии, и подавляющая часть нефтяного импорта шла с политически нестабильного Ближнего Востока. За одну неделю Япония расходовала теперь столько нефти, сколько за весь 1941 год, когда нефтяное эмбарго ускорило атаку на Перл-Харбор. В последующие десятилетия Япония извлекла огромную выгоду из международной ситуации, а

теперь эти же самые обстоятельства обернулись против нее, и она была бессильна перед ними. По осторожному замечанию Коса-ка: «Мы все знаем, что в настоящее время Япония проходит испытание. Однако его природа не очень понятна». Кроме того, несколько запоздало выпустив успокоительные заявления по поводу своих симпатий к Палестине, японское правительство было обязано сфокусировать усилия на приведение в порядок внутренней ситуации.

В 1972 году премьер-министр Танака начал амбициозный план «переустройства Японского архипелага». План предусматривал перенос промышленности из перенаселенных южных и восточных областей в менее развитые северные и западные, а также продолжение экономического роста на 10% в год в течение следующих десяти лет. Нефтяной шок делал такие допущения абсурдными, и план отклонили. Вместо этого, по мере того как промышленность требовала нефти и домохозяйки — моющих средств и туалетной бумаги, был принят целый ряд мер, направленных на снижение инфляции и сокращение энергопотребления. В правительственных учреждениях и школах резко ограничили расходование тепла, электричества и использование

систем кондиционирования. Припрятывание топлива считалось преступлением. Неоновые огни Гинзы были потушены — по крайней мере, периодически гасились.

Год 1974 был трудным. После десятилетия беспрецедентного роста экономика встала. Прибыли упали, безработица выросла. Табу на увольнение постоянных служащих и работающих на полную ставку мешало массовым сокращениям, но новых работников почти не нанимали, а многих частично занятых уволили. Менеджеры потеряли в доходах, простым работникам предлагали трансферты и досрочный выход на пенсию. Примерно треть национальной промышленности простаивала, убивая всякую надежду на возрождение посредством новых инвестиций. Естественно, самый тяжелый удар пришелся на отрасли, сильнее других зависевшие от дешевой нефти: химическую отрасль, производство цемента, древесины, бумаги, стали и судостроение. Спасение пришло благодаря рационализации и затягиванию поясов. В спросе акцент был сделан на диверсификации источников нефти — увеличении импорта из Аляски, Мексики, Нигерии и других неарабских стран — и на развитии потребления ресурсов типа угля, сжиженного

природного газа и ядерной энергии. Со стороны предложения внимание уделяли сокращению энергоемких отраслей и расширению тех, которые требовали невысоких энергетических затрат и больших профессиональных умений, например электроники. С 1975 по 1978 год значительное увеличение эффективности использования труда, энергии и сырья способствовало росту производительности в промышленности на 8,4% в год. Когда благодаря внутренним инвестициям снова начался бум экспорта (подъем с $ 56 млрд в 1975 году до примерно $ 80 млрд в 1977 году), 80% этого роста приходилось на автомобили и электротовары.

К 1975 году платежный баланс вновь стал положительным; к 1979 году промышленность достигла 90% от дошокового уровня.

Затем случились иранская революция и второй нефтяной кризис, более чем утроившие цену на нефть за неполных два года. Уроки 1973 года принесли свои плоды. Инфляция снизилась с 17,7% в 1980 году до 1,4% в 1981 году. Импорт нефти уменьшился между 1979 и 1981 годами на четверть. Япония уже не росла на 10% ежегодно, но ей нельзя было сильно навредить.

Политические игры

Хотя в 1960-е годы была создана крупная новая партия, Комэйто, и выросло число голосующих за коммунистов, на национальном уровне доминированию либерал-демократов ничто всерьез не угрожало. На уровне муниципалитетов и префектур левые партии могли приходить к власти благодаря кампаниям в защиту окружающей среды, но ЛДП в конце концов поняла намек и справилась с угрозой потери власти, подойдя к вопросам качества жизни более серьезно. Премьер-министр Сато Эйсаку оставался у власти почти восемь лет и вышел в отставку в 1972 году, получив Нобелевскую премию мира за противодействие распространению ядерного оружия. В ретроспективе годы, когда он находился на посту, называют золотым веком консерваторов.

Уход Сато вынудил ЛДП искать нового партийного лидера, который — как лидер партии, обладавшей большинством в национальном парламенте, — автоматически становился премьер-министром. На эту роль было четыре кандидата, каждый возглавлял одну из фракций правящей партии: Танака Какуэй, Мики Такэо,

Фукуда Такэо и Охира Масаеси. Все они в 1970-е годы успели побывать премьер-министрами.

В 1972 году победу одержал Танака, отпраздновавший свой триумф визитом в Пекин для восстановления дипломатических отношений между Японией и Китаем. Выбрав в качестве лозунга своего кабинета характерный лозунг «Решительность и действие», Танака совершенно не походил на традиционного либерал-демократического политика. Большинство коллег Танаки закончили университет и происходили из зажиточных семей, он же проделал сложный путь наверх, самостоятельно добившись успеха в строительной промышленности и получив бесценный практический опыт, выигрывая государственные тендеры. Сперва Танаку восприняли как жесткого, проницательного и ловкого политика, но его амбициозная схема «переустройства» разогнала инфляционную спираль, поскольку спекулянты бросились скупать земли и недвижимость в надежде обогатиться на государственной поддержке. Затем случился нефтяной кризис, и политика покатилась в пропасть. Усилия Танаки получить дополнительную поддержку на выборах в верхнюю палату в июле 1974 года привели к таким явным злоупотреблениям партийными

фондами, что Мики и Фукуда покинули кабинет в знак протеста. После этого престижный ежемесячник «Бунгэй сюндзю» напечатал подробную статью «Танака Какуэй: его деньги и его люди». Премьер-министр уступил разгневанной общественности и ушел в отставку, но опекаемый им избирательный округ остался ему верным и повторно избрал Танаку в парламент, где он оставался серым кардиналом, из-за кулис управлявшим лояльностью фракции, вплоть до того дня, покуда не лишился сил из-за серьезной болезни.

Второй скандал, тоже с участием Танаки, случился в феврале 1976 года. На этот раз дело было во взятках, связанных с покупкой самолета у компании «Локхид». Толи из принципов, то ли из мести, Мики отказался защищать своего арестованного предшественника. Сам Мики в итоге покинул пост после того, как шесть членов ЛДП для вида отделились от партии, сформировав Новый либеральный клуб — на деле еще одну фракцию, с формальной точки зрения находившуюся вне партийной структуры. На всеобщих выборах в декабре 1976 года впервые с 1967 года ЛДП не смогла набрать свыше 50% голосов. Мики сменил Фукуда, победивший с минимальным

перевесом голосов.

Фукуда использовал свой срок пребывания у власти для введения новой системы, требовавшей от будущих лидеров ЛДП переизбираться каждые два года. По иронии, на первых выборах по этой системе Фукуда проиграл Охире. Сотрясавшая фракции внутренняя борьба привела к проигрышу ЛДП на выборах в октябре 1979 года и вынесению в мае 1980 года вотума недоверия, ускорившего проведение очередных выборов. После почти десяти лет скандалов и разногласий перспективы ЛДП казались неопределенными, однако внезапная смерть Охиры посередине кампании вернула партии подобие единства и вызвала неожиданные симпатии электората. В результате была одержана убедительная победа, завоевано устойчивое большинство и осуществлен компромиссный вариант в лице Судзуки Дзэнко, который выбрал своим девизом лозунг «Политика гармонии».

В 1980-е годы Япония вступала с партией, которая находилась у власти четверть века и теперь, как казалось, еще более жестко контролировала страну. Как это можно объяснить? Некоторые комментаторы указывают на то, что, несмотря на свое несовершенство, ЛДП давала избирателям

то, что они хотели, — постоянно возрастающий уровень жизни. Другие считали, что избирателям не хватало альтернатив либо же этих альтернатив в теории было слишком много, а на практике — не было вовсе. Крупнейшая оппозиционная партия, Японская социалистическая партия, была слишком ограничена в своих действиях, чтобы напрямую выиграть выборы; ее электоральную базу составляло профсоюзное движение, которое продолжало сжиматься по мере утраты позиций тяжелой промышленности. Более того, социалисты были перегружены интеллектуалами марксистского толка и потому придерживались нереалистичных целей. Единственным способом прийти к власти могло бы стать заключение предвыборного альянса, но сближение с коммунистами встречало сопротивление среди центристских партий, и наоборот. Тем самым, ЛДП — пусть это и не было всем приятно — оставалась у власти.

Дилеммы оборонной политики

Национальный полицейский резерв в 75 000 человек, созданный волей Макартура в 1950 году, вскоре поднялся до статуса Сил национальной безопасности численностью в 100 000 человек, а затем в 1954 году превратился в Силы самообороны численностью 146 000 человек и разделился на сухопутные, воздушные и морские силы. В 1957 году японское правительство выпустило первое послевоенное заявление по поводу оборонной политики, заверявшее нацию в необходимости «постепенно улучшать оборонную мощь для того, чтобы быть более эффективными в необходимых пределах самообороны». Позиция являлась чрезвычайно осторожной, поскольку по-прежнему была сильна память о поражении в войне, бедности и *унижении.* Левые партии ядовито нападали на все, что выглядело как угроза девятой статье конституции. Многие левые политики склонялись к абсолютному «невооруженному нейтралитету», и даже правые считали, что последовательное вооружение встревожило бы соседей Японии и скорее дестабилизировало бы Восточную Азию, нежели помогло бы поддер-

живать в регионе безопасность. И все полагали, что рост расходов на оборону означал бы уменьшение инвестиций в промышленность; согласно декрету, военные расходы должны были оставаться на уровне не более 1% от ВНП.

В Белой книге по вопросам обороны Японии, изданной в 1970 году, население и соседей страны заверяли: «Япония обладает огромной экономической мощью, но она не будет становиться великой военной державой. Скорее, она будет превращаться в новый тип государства, целями которого являются социальное благосостояние и всеобщий мир».

В том же году, однако, новый глава Оборонного агентства Накасонэ Ясухиро выступил за радикальное переосмысление национальной военной политики:

Если часть города остается необитаемой, там множатся сорняки, ее наводняют змеи и плодятся насекомые, и вскоре она превращается в свалку. Создать военный вакуум означает породить максимально удобную среду для возникновения точно такой же ситуации. В этом смысле международной обязанностью и долгом каждой нации в современном мире является установление и поддержание баланса

на периферии минимальной военной силой, необходимой для удержания других наций от потакания агрессивным амбициям и убеждениям.

Где «периферия» Японии? Накасонэ утверждал, что она находится далеко за «водным краем» — в Малайском проливе, через который проходили жизненно важные для Японии поставки нефти, на длинном пути с Ближнего Востока. Будучи во время войны младшим офицером во флоте, Накасонэ призывал к укреплению японских военно-морских и воздушных сил для того, чтобы перекроить оборонную стратегию. Если это означало пересмотр конституции, значит, надо ее пересмотреть.

Мощная оппозиция в национальном парламенте душила предложения, основанные на пересмотре политики с позиций Накасонэ. Но дебаты по поводу оборонной политики продолжались. С 1973 года США стали выводить войска из Вьетнама, вызвав, однако, всплеск изоляционизма. Будет ли «американский зонтик» там, где понадобится? В то же время СССР продолжал наращивать вооружения и, не в последнюю очередь, флот, значительная часть которого базировалась во Владивостоке, непосредственно у

северной части Японии. В сентябре 1976 года в небе над Хоккайдо появился советский МиГ-25, пилот которого попросил политического убежища. Японские системы слежения не смогли его засечь. Снова наружу прорвалось ноющее чувство уязвимости.

В июле 1978 года генерал Курису выступил в новостях с рассуждениями о том, что — в случае чрезвычайной ситуации — находящиеся у линии фронта командиры Сил самообороны должны действовать до того, как проконсультируются со своим гражданским руководством. Это интервью привело к взрыву негодования, так как радикалы усмотрели в нем призрак 1930-х годов с вышедшими из-под контроля военными. Курису подал в отставку. Премьер-министр Фукуда приказал пересмотреть соответствующие юридические тонкости.

Если достаточно очевидно то, что Япония не желает собственных вооруженных сил, то гораздо менее ясно то, что ей требуется. Опрос 1978 года, проведенный газетой «Асахи симбун», показал, что 57% японцев хотят сохранения Сил самообороны на текущем уровне, но 71% выступает против изменения конституции. Когда был задан вопрос, что будет являться для Япо-

нии наилучшей гарантией безопасности, то 42% назвали мирную внешнюю политику и только 2% уповали на армию. И хотя 54% не думали, что на Японию может напасть другое государство, все же 56% полагали, что США не придут стране на помощь, если это случится. Тем не менее альянс с США оставался краеугольным камнем национальной политики, численность Сил самообороны возросла до 240 000 человек, 150 кораблей и 1000 самолетов, и «безоружная» Япония вышла на девятое место в мире по размеру военных расходов.

Новые японцы

В мае 1977 года японское правительство объявило, что свыше 50% населения родилось после войны. Это подтолкнуло эксперта по информационным технологиям Масуда Енэ-дзи попытаться определить отличительные характеристики послевоенного поколения японцев; в конечном счете он пришел к следующим выводам:

...Люди этого поколения в основном отличаются от предыдущего... они — «вестернизованные» японцы с чувством индивидуализма и научным взглядом... они не знают ни войны, ни голода и, что более важно... они игнорируют авторитеты...

Масуда сокращенно назвал этих американизированных тридцатилетних поколением МЕС: «М» означало моторизацию, подразумевавшую одновременно мобильность и достаток; «Е» обозначало ориентацию на английский язык и культуру (English); «С» — компьютеризацию, то есть привычку к высоким технологиям и способность к критическому мышлению. Масуда также считал новых японцев более открытыми, более оптимистичными и более гибкими по сравнению с предками; его главное наблюдение заключалось

в том, что молодым японцам «могло не хватить душевных сил, чтобы выдержать бурю национального кризиса».

ПРОПАСТЬ МЕЖДУ ПОЛАМИ?

Являются ли отношения между японскими мужьями и женами отношениями субординации? Или разделением сфер? Писавший в 1979 году консультант по маркетингу Абэ Еко определил японских 35-45-летних женщин как новый «праздный класс». Выборка из менее чем тридцати японских женщин в возрасте 35-43 лет обнаружила, что в их времяпрепровождение входят: занятия альпинизмом, теннис, прогулки на лошадях, йога, поэзия, западная и японская классическая музыка, лепка из глины, каллиграфия, танцы, готовка и шитье; не говоря уже об различных дистанционных курсах, уроках вождения, приработках, проведении вечеринок и управлении собственным бизнесом. А мужья посвящают довольно много времени уходу за садом, настольным играм, слушанию записей и уходу за домашними питомцами. Заключение было очевидным:

Мужской досуг ориентирован на пребывание внутри дома и по своей природе склонен к уеди-

нению, драматичным образом контрастируя с интересами жен — активными и обращенными во внешний мир... Главными выгодоприобретателями высокого экономического роста Японии стали домохозяйки. Их мужья жертвуют своим отдыхом и оставляют женам активное участие в семейных делах. И кто выигрывает от этого? Женщины.

Традиционная синтоистская свадебная церемония

Абэ обнаружил, что менее трети мужей признавались в контроле семейного бюджета. Менее 5% мужчин возлагали на себя основную ответственность за образование и воспитание детей; свыше 40% допускали мысль, что это дело исключительно жен. На родительские собрания приходили четыре из пяти жен, на собрания локальных сообществ — три из пяти. Для мужей же эти цифры составляли меньше чем один из пяти. Абэ подытоживал:

Повсюду жены превосходят — в управлении домом, домашних делах, в вопросах воспитания детей и гражданских делах... Современные взрослые мужчины больше не являются главами домохозяйств. Теперь, подобно менеджерам, у руля японских домохозяйств стоят жены, с их длительным опытом как потребителей, с избыточным свободным временем и с активами и доходами, которыми они распоряжаются.

РАЗРЫВЫ МЕЖДУ ПОКОЛЕНИЯМИ

Что можно сказать о молодежи? Исследования обнаруживали завоевания и проигрыши. Между 1948 и 1978 годами рост четырнадцатилетних

мальчиков увеличился в среднем на целых 17 сантиметров. Они стали выше и тяжелее, чем их отцы, однако тесты показывали, что в действительности они менее сильные, менее гибкие и менее проворные. Подростки несравнимо лучше материально обеспечены: 70% четырнадцатилетних имели часы, радио или кассетный плеер, у 30% была камера, у 20% — такое дорогое хобби, как гитара, телескоп или микроскоп. Лучше ли они подготовлены с точки зрения жизненного опыта? Большинство жило в городах и только периодически посещало сельскую местность. Лишенные открытого пространства для игр, днем они вынуждены находиться в школе, а вечерами просиживают перед телевизорами. С сокращением малого бизнеса все меньше и меньше детей росло в домах, где работали их родители; многие из живших за городом детей видели своих отцов только по выходным. Тенденция к маленьким семьям означала, что у большинства детей всего по одному брату или сестре или таковых нет вовсе; а все возраставшая мобильность привела к тому, что большинство живет отдельно от своих бабушек и дедушек и видится с ними только время от времени. Критики, придерживающиеся традиционных социальных ценностей, опасались,

что стиль жизни богатого общества приводит к формированию таких японцев, которым — к прискорбию — недостает устойчивости к внешним воздействиям, реализма и бескорыстности, чем гордились предыдущие поколения. Без сомнения, подобный пессимизм только усиливался, когда критики обращали взгляд на панков и других неформалов из Харадзюку, центра токийской «молодежной культуры».

Если ситуация с молодежью беспокоила, то перспективы старшего поколения вызывали «позитивную тревогу»: дело не в том, что пожилые люди нуждались, но в том, что с каждым годом их становилось все больше. В 1980 году было создано «Общество семей, помогающих пожилым людям». В том же году по поручению премьер-министра, откликнувшегося на озабоченность общественности, провели сравнительное исследование условий жизни пожилых в Японии, Великобритании и США. С точки зрения общей приверженности «семейным ценностям» результаты были следующими:

— в Японии только 6% пожилых людей живут одни, в Британии и США — свыше 40%;

— в Японии свыше половины пожилых проживают со своими состоящими в браке детьми, в

Британии и США — менее 10%;

— в Японии продолжают работать свыше 40% респондентов, в США — 24%, в Британии — 8%;

— в Японии 30% опрошенных регулярно получают деньги от своих детей, в обеих западных странах таких случаев практически нет;

— в Японии к нуждающимся себя отнесли 14% пожилых, тогда как в Британии — 18%, а в США — 28%.

Тем не менее японцы понимают, что предаваться самодовольству глупо. Сокращающемуся количеству рабочей силы придется поддерживать постоянно растущую долю выходящих на пенсию. Пенсионные и медицинские отчисления в структуре национальных расходов будут неуклонно расти. Люди, чьей жизненной целью является работа, должны научиться положительно относиться к отдыху. В Японии растет число разводов среди людей старше 60 лет — живя вместе преданно, но в сущности по отдельности, они попросту не научились постоянно пребывать в компании другого человека. Одним из ответов на эту проблему является планирование выхода на пенсию. Другие меры включают в себя новые бизнес-стратегии генерирования будущих доходов, требующихся для поддержания высоких

текущих стандартов жизни — например, за счет инвестиций в венчурные производства за границей и роботизацию внутри страны.

Технология...

В 1967 году Япония импортировала из США первого робота, а к 1970 году компания «Кавасаки» выпустила первую японскую версию. К 1979 году роботов в Японии изготавливали 135 компаний, и 80 лабораторий занималось разработками в этой области. Проведенное в том же году американское исследование показало, что в США в действии находятся 3000 промышленных роботов, в Западной Германии — 6000, а в Японии — 47 000. К 1980 году компания «Фукдзицу» открыла фабрику, где одни работы делали запчасти для других, хотя конечную сборку все равно производили люди. В 1979 году небольшое производство команды из десяти человек в Одаваре, близ Токио, добилось ежедневного выпуска 900 000 головок для одноразовых зажигалок; к 1984 году два контролера и команда роботов делали уже 4 000 000 штук.

Женщина-предприниматель У месима Мие в 1983 году заметила, что хотя появление новых технологий могло стать плохой новостью для занятых на производстве зрелых мужчин, оно было хорошей новостью для женщин из офисов. Она

говорила, что женщинам понравилось работать с компьютерами, потому что:

В отличие от других занятий, здесь на них не оказывают давления, не требуют вести себя определенным, предписанным для женщин образом. Их работа ценилась так, как того стоила. Одной из приятных сторон была неспособность самих компьютеров к гендерной дискриминации... Женщины, которые гордились своим умом и которые до того в обычной компании зарабатывали меньше, оказались хорошо приспособленными к компьютерному бизнесу.

У месима опиралась в своем анализе и на прошлое:

Именно профессиональные способности женщин поддержали развитие текстильной промышленности... и... последующее устойчивое развитие электрической промышленности. Теперь непрерывный ручной труд женщин направляется в другую передовую отрасль... В прошлом от женщин требовались... терпение, настойчивость и перфекционизм в работе. С учетом такой удачной традиции мы можем ожидать, что женщины будут еще лучше справляться с работой с компьютерами.

Что более существенно, У месима предвидела

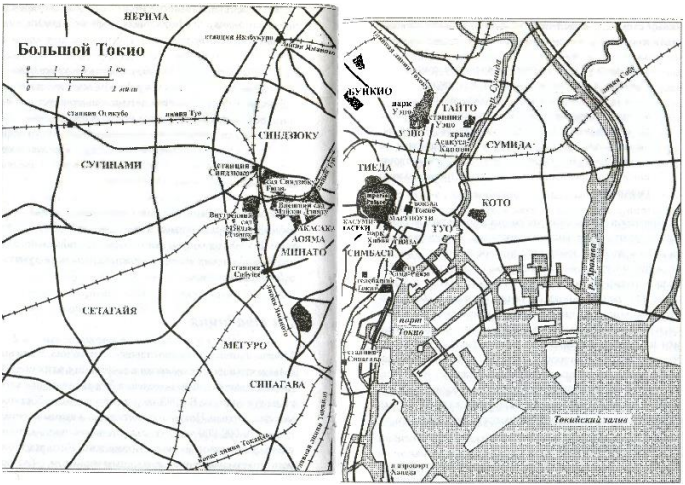
укрепление связи между профессиональными амбициями и социальной ответственностью:

По мере того, как рабочие места будут все ближе к дому и распространится работа на дому, женщинам не придется пренебрегать детьми или манкировать уходом за пожилыми родителями... Когда я думаю о негибкости управляемого мужчинами японского общества, я чувствую неуверенность, делая такое заявление. Но традиционные модели доминирования... мало подходят для компьютерного мира.

Возможно, поэтому японские женщины охотно стали работать с безразличными к полу компьютерами и роботами. В 1988 году опрос газеты «Джапан тайме» показал, что 70% японских мужчин отказывались даже думать о работе для женщин.

...и традиция

Многие японцы, особенно старшего поколения, стали опасаться, что новые технологии в сочетании с влиянием Запада сделают будущие поколения безразличными к японским традициям. В 1983 году социолог Като Хидэтоси указывал, что на Новый год святилища и храмы посетили свыше 70 000 000 человек, значительную часть которых составляли молодые люди. Кроме того, Като предположил, что по сравнению с довоенным периодом — благодаря росту досуга и возможностей, предоставляемых более длительным периодом учебы и поддерживаемыми компаниями схемами накоплений — намного больше женщин стали заниматься традиционными искусствами.



Традиция и модернизация являются комплиментарными, а не противоречащими друг другу... Теперь люди подъезжают к храмам на собственных машинах, а женщины обучаются икебане в классах на фабриках, где стоит самое совершенное электронное оборудование... Япония — это страна, где возможно гармоничное сосуществование старого и нового. Само существование и функционирование Японии построено на этой гармонии.

Примеров сохранения традиции множество. Мужчины надевают в офис западные костюмы,

но переодеваются дома в удобные *юката* (хлопковое кимоно). Топ-менеджеры могут провести выходные с клиентами в загородном гольф-клубе, но остановиться на ночлег в одной из 80 000 традиционных гостиниц, *риокан.* Свыше 95% японских компаний имеют электронные редакторы и факсы, и ежегодно более одного миллиона людей сдают экзамен на умение использовать *соробан* (японские счеты). Японцы ввели метрическую систему уже больше тридцати лет назад, но площадь комнат по-прежнему измеряется числом вмещающихся туда *татами* (соломенных матов). И более 30 000 традиционных предсказателей судьбы все столь же выгодно занимаются своим ремеслом.

ПАРАДОКСЫ ИЗОБИЛИЯ

В 1990 году англоязычная газета «Джапан тайме» напечатала вторую работу Леонарда Корена, автора провоцирующих к размышлению комиксов в мягкой обложке «2<£3 *полезные идеи из Японии*». Новая книжка называлась «История успеха: Как 11 крупнейших японских компаний обрели жизнь» и представляла собой любопытное собрание историй успеха — не только гигантов вроде групп «Мицуи», «Мацусита электрик»,

рекламного агентства «Дэн-цу» и косметической империи «Сисейдо», но и истории основания школы чайной церемонии Ура Сэнкэ, компании по выпечке бубликов, токийского Диснейленда, агентства западных моделей, девелоперской компании и человека, который изобрел упакованную лапшу моментального приготовления. Однако самой захватывающей и интригующей была одиннадцатая глава, посвященная компании «Муд-зирюси рионин».

В 1970-е годы японские социальные критики порицали потребителей за приверженность брендам и логотипам. Выпускница философского факультета элитного университета Кэйо и домохозяйка Кацуме Юкико попыталась объяснить читателям влиятельного журнала «Бунгэй сюндзю», «почему японские женщины покупают дорогостоящие импортные сумки». Уподобляя повальное увлечение потребителей вспышкам средневековой религиозной истерии, она мрачно намекала на то, что его «подстрекателей следует искать среди мерчендайзеров, которые знают, как раздуть пожар массового потребления прежде, чем покупатели смогут установить собственную идентичность». Как утверждалось в статье, японцы получили богатство, но не стали

искушенными, и их тяга к элитным брендам означает недостаточную уверенность в себе, не-сформированный вкус и недостаток экономической рациональности. Когда статья вышла, последовала чисто японская реакция, очередной парадокс. Вдохновленные достижениями американцев в массовом производстве доступных повседневных товаров, японцы обратились к своей традиции ручного изготовления товаров с длительным сроком использования. Продвигаемый гигантскими сетевыми магазинами розничной торговли, на свет появился лозунг «Маленькое — это прекрасно», отражавший также популярность экологических ценностей. Покупка абсолютно анонимных с точки зрения дизайна товаров была «доказательством» потребительского сопротивления навязыванию стиля и, соответственно, как ни парадоксально, — защитой целостности, разума и индивидуальности.

«Мудзирюси рионин» («Небрендовый, хороший продукт») — детище «Сэйю», подразделения по работе в нижнем ценовом сегменте колоссальной империи «Сэйбу» (в настоящее время — группа «Сайсон»). Стратеги «Сэйю» были в приподнятом настроении из-за «открытия» типовых продуктов-«дженериков» — базовой продукции

повседневного спроса, которая продавалась в американских супермаркетах в плоских упаковках по предельно низким ценам. С точки зрения традиционных японских ценностей это представляло собой воспроизведение дзэнских добродетелей — деревенской простоты и сдержанности. Когда продукт готов, о нем говорит упаковка, причем довольно подробно. На темной, повторно переработанной бумаге для каждого продукта писались название, вес, цена за упаковку и стоимость единицы, а также объяснялось, почему он имеет выдающуюся ценность.

Первая продуктовая линейка из сорока товаров была запущена в 1980 году и вызвала неоднозначную реакцию. Так, головы лосося (обычно выбрасываемые в мусорное ведро) подавались как дешевая и питательная пища; рекламным слоганом было утверждение с очевидной экологической коннотацией: «Лосось — целая рыба». Предлагая своим покупателям пакетики с разломанными сухими грибами, компания одновременно «подсовывала» критику ложного перфекционизма и расточительности потребителей — поскольку и целые грибы в любом случае будут измельчены при готовке. Чрезвычайно успешный растворимый кофе, однако, вряд ли

был возвратом к каким-то ценностям. Начиная с 1981 года рекламные постеры утверждали: «Любовь не нуждается в приукрашивании» и с иронией позиционировали в качестве новых «индивидуальных MR-товаров» такие вещи, как небеленые носки и блокноты для заметок из вторсырья.

С 1983 года «Мудзирюси рионин» открыла в Аояме, модном токийском районе, магазин, наполненный переработанной древесиной и плиткой, что само по себе уже служило воплощением философии фирмы. Годовой план продаж был выполнен в течение месяца. К октябрю 1983 года «Мудзирюси рионин» выпустила седьмую порцию дополнений к продуктовой линейке, которая теперь включала в себя 475 товаров для дома, 124 наименования пищевых продуктов и 122 артикула одежды. В 1985 году продажи перевалили за отметку в $ 250 000 000. В 1990 году «муд-зи»-магазин открылся на лондонской Риджент-стрит, мек-ке английского шоппинга. За одно десятилетие венчурный бизнес проделал полный круг — с Запада на Запад. Несмотря на это, в самой Японии покупатели жаловались, что товары из «Мудзирюси рионин» стоят слишком дорого и весьма среднего, а не превосходного

качества. Приняв на себя весь национальный выпуск «бракованных», разломанных на кусочки грибов, «Мудзирюси рионин» отказывалась закупать целые грибы, заставляя поставщиков ломать их самостоятельно — чтобы поддерживать идеализм покупателей, благодаря которому и велась торговля. «Мудзирюси рионин» стала заложником собственного мифа, гигантский успех пал жертвой лозунга «Маленькое — это прекрасно», поскольку больше не мог справиться со своими врожденными противоречиями.

Интернационализация

«Японцы — великий народ. Они не могут и не будут удовлетворяться ролью, которая ограничивает их производством лучших транзисторных радиоприемников и швейных машин и обучением других азиатских стран тому, как выращивать рис». Мнение премьер-министра Сингапура Ли Кван Ю, высказанное им в 1965 году, разделяли далеко не все. Как известно, генерал Де Голль называл японского премьер-министра «продавцом транзисторов». В Пакистане японцев считали не больше, чем «экономическими животными». В 1989 году похороны императора Сева собрали вместе глав государств и правительств из примерно ста стран; это было крупнейшее из современных собраний такого рода и неявное признание мировой значимости Японии. Хотя британская желтая пресса не удержалась от критики, что герцог Эдинбургский не шел впереди императорского гроба — в жесте уважения и явно прочитывавшегося двойственного отношения к бывшему врагу. Подобные инциденты, долго обсуждавшиеся в Японии, укрепили многих японцев в убеждении, что иностранцы не спо-

собны понять их добродетели, сильные стороны и достижения.

ПО-ПРЕЖНЕМУ ЗАКРЫТАЯ СТРАНА?

Для общества, открытого иностранным идеям и рьяно закупающего предметы роскоши из других стран, Япония 1980-х годов оставалась на удивление закрытой для иностранцев. «Исследование национальных предпочтений», выполненное в 1986 году Агентством национального развития, показало, что 70% из попавших в выборку респондентов положительно относились к новостям, почте, технологии, телефонным звонкам, гостям и студентам из-за границы; однако менее 30% желали более частых или тесных контактов с иностранцами и одобряли приезд иностранцев на работу в Японию или заключение браков с японцами и японками. Что бы японцы не думали по этому поводу, Япония все же стала более космополитичной благодаря собственной экономической экспансии. Между 1965 и 1985 годами число иностранцев, ежегодно посещающих страну, выросло в девять раз; но эти 2,3 млн человек по-прежнему составляют всего лишь одну шестую от числа посетителей Великобритании. За тот же период число регистрирующихся иностранцев

увеличилось почти в пять раз, правда, 80% из 850 000 «иностранцев» приходилось на корейцев, и подавляющая их часть была по рождению японцами. Доля смешанных браков за 1965-1985 годы утроилась и достигла 1,7% от общего числа. За 1975-1985 годы также утроилось число студентов-иностранцев (0,8% от поступающих в высшие учебные заведения, что составляло примерно одну десятую от доли аналогичных студентов в Великобритании). В 1982 году были пересмотрены официальные документы, и государственным университетам разрешили предлагать должности постоянных преподавателей неяпонцам; к 1987 году таких преподавателей было пятьдесят два человека — при общей численности штата в 40 000 человек. С другой стороны, программа JETS (Japan English Teaching Scheme), в рамках которой молодых выпускников из англоговорящих стран приглашали в японские школы, за десять лет расширилась с тридцати до трех тысяч мест — хотя преподаватели по JETS имели только одногодичные контракты.

Японские власти периодически провозглашали свою приверженность «интернационализму» и обещали то удвоить за пять лет размеры благотворительной помощи другим странам, то

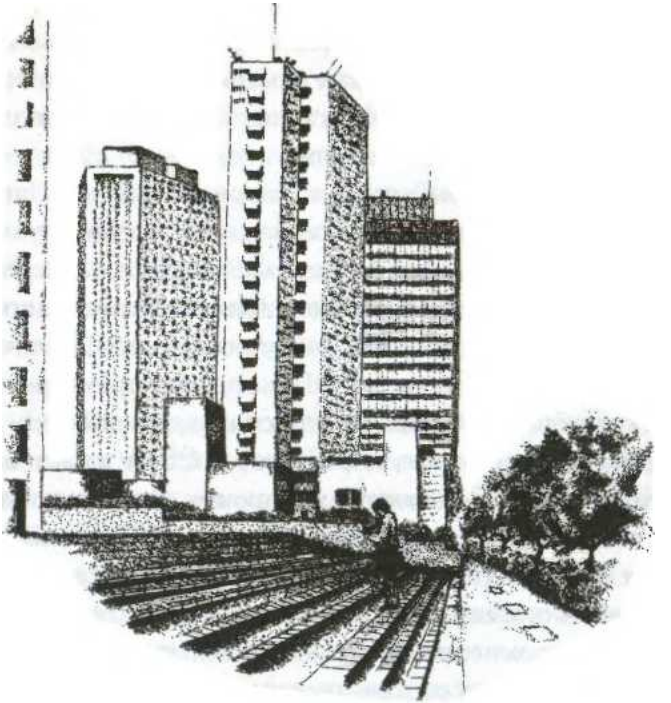
удвоить за четыре года количество путешествующих за границу японцев. Но, упираясь в бюрократию, благие намерения слишком часто отходят от практических следствий «открытия» Японии. Японцы с беспокойством смотрят на проблемы остальных развитых стран с наркотрафиком, СПИДом и нелегальными иммигрантами. Изоляция Японии помогает ей держать эти угрожающие проблемы на крайне низком уровне, и результаты очевидны.

РАБОТАЯ ВМЕСТЕ С ДЯДЕЙ СЭМОМ

В значительной степени вопрос интернационализации Японии вращался вокруг характера ее отношений с США — главного союзника, основного покупателя и важнейшего зарубежного источника идей и технологий. Когда в 1982 году премьер-министром Японии стал Накасонэ Ясухиро, первый из чиновников такого уровня знаток английского языка, наблюдатели увидели в этом возможность огромного шага вперед в двусторонних отношениях, а японские журналисты писали о потенциале непосредственного «диалога Рона и Ясу». Но атмосферу продолжал отравлять растущий профицит торгового баланса с США, достигший к 1984 году $37 млрд.

Американские политики требовали протекционизма, тарифов и квотирования для защиты от японского экспорта. Японские производители в ответ заявляли, что американские корпорации не прилагают достаточных усилий для вхождения на непростой, но высокоприбыльный японский рынок. Другие разногласия возникли из-за участия американцев в работе Токийской фондовой биржи, крупных строительных проектах и в развитии приватизированной японской телекоммуникационной системы. Поскольку экономические трения постоянно отражались на дипломатических отношениях, японские власти чувствовали необходимость делать примирительные жесты. В 1985 году премьер-министр Нака-сонэ в личном обращении по телевизору презентовал «программу действия», направленную на поощрение импорта. Он предлагал каждому японцу купить иностранной продукции на сумму хотя бы в $ 100. То, что в качестве примеров предполагаемых покупок назывались «пустячные» вещи, антипригарные сковородки и наборы подушечных наволочек, невольно показало, что японские потребители думают о качестве и свойствах зарубежных товаров. В 1986 году, в год проведения в Токио ежегодно-

го саммита Семерки ведущих промышленных демократических государств, официальный «Доклад Маэкава» наметил ряд решительных мер по открытию рынка. К несчастью, с точки зрения японо-американских отношений, выгоду от этой инициативы стали получать производители Кореи, Тайваня и Гонконга.



Небоскребы Синдзюку (Токио)

Космополитичный, говорящий по-английски, Накасо-нэ уничтожил значительную часть собственных усилий одной поразительной оплошностью, заявив, что американцы в действитель-

ности не способны эффективно конкурировать с японцами, поскольку последние намного более образованные и умные. Шок от слов премьер-министра усугубила его попытка «пояснить», что на самом деле американцы не глупее, но, так как в США живет много чернокожих, испаноязычных и прочих этнических меньшинств, это — по сравнению с гомогенной Японией — изнутри вредит Штатам. Японские дипломаты сделали для сглаживания инцидента что смогли, однако мнение На-касонэ, без сомнения, разделяло все большее количество его разобиженных соотечественников. Состояние японоамериканских отношений наглядно продемонстрировал шумный успех вышедшей в начале 1990-х годов книги «Япония, которая может сказать “Нет!”».

Взять на себя инициативу?

За 1985-1987 годы курс йены повысился примерно на 40%. Выдавливание сотен мелких экспортно-ориентированных японских компаний из бизнеса в результате роста себестоимости из-за пересмотра валютного паритета оказало заметное влияние на проблему профицита торгового баланса. Кроме того, это вынудило многих японцев задуматься, не следует ли пересмотреть отношения между Японией и США. Экономист Ивао Накатани утверждал, что позиции Америки — архитектора, регулятора и центра силы послевоенной системы глобальной торговли — очевидно расшатываются. Из крупнейшего мирового кредитора она становится самым большим должником в мире, опрометчиво расходуя чрезмерные средства на «пушки и масло». Напротив, Япония производила в два раза больше Западной Германии, ежегодный прирост ее национального выпуска превосходил весь годовой выпуск Бельгии. И это с учетом того, что в Японии живет всего 2,6% населения планеты, а территория страны занимает 0,3% общей площади всех земель. К 1986 году японскими были семь из

десяти крупнейших банков мира, к 1988 году вся десятка стала японской. Согласно Накатани, США слишком озабочены проблемой обслуживания собственных долгов, чтобы они смогли и дальше обеспечивать свое неоспоримое лидерство в мировой экономике. На их место должна заступить Япония, но может ли она это сделать? Поступить так означало бы намного сильнее открыть собственную экономику; ценой разрушения удобных отношений, благодаря которым долгое время защищались интересы выращивающих рис фермеров, владельцев мелких магазинчиков, биржевых маклеров, строительных подрядчиков и других групп, от чьей поддержки зависел истеблишмент. Как заключил Накатани, Япония встала перед крайне болезненным выбором: претендовать на лидерство или отказаться принять на себя боль изменений и пойти на риск изоляции.

ИЗОБИЛИЕ И ВЛИЯНИЕ

По иронии, японцы не чувствовали этой зажиточности. Хотя они могли покупать навороченные машины и гаджеты по конкурентоспособным ценам, но совсем по-другому дело обстояло с теми товарами и услугами, которые

не были предметами международной торговли — либо из-за собственной природы (транспортные услуги, коммунальные услуги или местные курорты) или из-за того, что защищались тарифами и квотами (как многие виды продовольствия). Рост числа путешествий за границу также сделал для японцев очевидным, что если речь шла об общественных местах вроде парков и библиотек или о частных местах отдыха, например о саде, то Япония намного уступала таким номинально менее «успешным» странам, как Великобритания. А еще японцы по-прежнему работали на шесть-семь часов в неделю больше своих европейских коллег.

Двойственную установку японцев по отношению к собственному новому международному значению в 1985 году хорошо продемонстрировали публичные размышления Такэути Хироси, ведущего экономиста Кредитного банка Японии. Отмечая, что США до сих пор остаются крупнейшим получателем японских товаров и капитала, он с явным раздражением заключал: «Как ни смешно, мы способствуем росту страны, которая превосходит нашу по экономической силе, технологическим ресурсам и стандартам жизни. В ответ же мы получаем запреты на наши торговые

практики». Принимая положение о рациональности переноса производств в страну, где стоимость земли оценивается в 1% от стоимости японской, он утверждал:

Распространение японского капитала означает распространение японской культуры, которая должна приветствоваться. Только продвигая свою культуру и заставляя жителей Запада признать ее ценность, азиаты смогут преодолеть предубеждение против них в западном обществе... Сегодня в США даже в небольших городах есть японские рестораны... В главном офисе IBM в Нью-Йорке расположен сад в японском стиле... Американцы начали принимать ванну по-японски... Знание языка распространилось до такой степени, что на улицах Нью-Йорка уже стало небезопасно ругнуться на кого-то на японском. Все это, разумеется, увеличивает понимание американцами японской культуры, что просто замечательно.

Куда все это может привести? К не слишком радостному для банкира итогу:

Свободная от фабрик на собственной земле и хорошо обеспеченная благодаря высоким доходам от заграничных инвестиций, Япония станет прекрасной страной... и затем культура начнет

подлинно процветать. Процветающая культура и увядающая экономика: таково направление, в котором движется Япония.

Социолог Хаяси Кэндзиро, в целом разделяя аргументацию Накатани и Такэути, переформулировал стоящую перед Японией задачу не в экономических, а в культурных терминах: всеми средствами защищая свободную торговлю от протекционизма, превратить йену в главную мировую валюту, а Токио — в лидера рынка мирового капитала. Настоящий же вызов будет заключаться в том, чтобы благодаря системе образования «создать интернациональных граждан первого класса». Желание Хаяси походило на предсказание, витавшее в воздухе:

Двадцать первый век увидит Японию, которая экспортирует культуру и информацию остальному миру; в этой точке процесс интернационализации Японии будет завершен, и страна должна будет встретиться с требованиями подлинного лидерства в мировом сообществе.

Интернационализация Японии далека от завершения. Но каждый иностранец, приезжающий в страну, помогает развитию этого процесса уже самим фактом своего присутствия.

Шоки и скандалы

Последняя декада второго тысячелетия началось для Японии более чем благоприятно. В ретроспективе решение — после многих политических споров — послать на ограниченный период времени 1800 человек (в основном, инженеров) для помощи ООН в реконструкции Камбоджи могло в один прекрасный день стать поворотной точкой на пути к более широкой международной роли. В то же самое время, настроение Японии по-прежнему омрачалось тем, что ее вклад в войну 1991 года в Персидском заливе компенсировали только оплатой военных издержек. Попытки поднять вопрос о предоставлении стране постоянного места в Совете безопасности ООН пробуксовывали из-за продолжающихся трений с США и Россией и призраков военного времени, снова замаячивших в связи с пятидесятой годовщиной окончания войны на Тихом океане.

Японо-американские отношения ухудшались из-за требований американцев открыть доступ на японские рынки, особенно в связи с такими чувствительными для политики секторами как

выращивание риса, производство автозапчастей, строительные контракты и телекоммуникации — все эти области защищали собственные интересы при помощи хорошо организованного японского лоб-би. Между представителями власти и бизнес-сообщества проводились постоянные консультации в стиле «затянуть, а потом ослабить галстук» всякий раз, когда надо было продвигать заключаемые на высшем уровне контракты. Ситуацию значительно ухудшило изнасилование тремя американскими моряками на Окинаве 12-летней японской школьницы. Гнев жителей несколько успокоили запоздалые усилия американцев увеличить контроль над своими военными. Отношения с Россией, сперва потеплевшие в связи с надеждой, что постсоветский режим даст реальные возможности разрешить старые разногласия и создать новые партнерства, зашли в тупик из-за продолжения борьбы за статус Курильских островов и Сахалина, а затем еще сильнее подпортились из-за стычек за право ловли рыбы и сброса русскими в море отработанных ядерных отходов.

НАСЛЕДИЕ ВОЙНЫ

Воспоминания о войне остаются сложными. В ходе государственного визита в Китай император Акихито принес извинения за учиненные японцами злодеяния, причем сделал это дважды. Премьер-министр Миядзава поступил аналогичным образом в годовщину окончания войны. Однако ни один из этих жестов не смог полностью удовлетворить бывших противников Японии, хотя оба и привели в ярость правых внутри страны. Что еще хуже, два министра были вынуждены подать в отставку: первый за категорическое отрицание захвата в 1937 году Нанкина; второй — за утверждение, что в действительности Япония никогда не колонизировала Корею. Среди всего этого возник еще один вопрос — о не признаваемой до настоящего времени трагедии 200 000 так называемых «женщин для комфорта», насильственно вывозившихся в Корею, на Филиппины и на другие оккупированные японцами территории для бесплатной работы в армейских борделях. Для послевоенного поколения сей факт стал откровением. Премьер-министр Миядзава призвал частный сектор пожертвовать миллиард долларов на финансирование «фонда искуп-

ления», который поддерживал центры сбора документации, обучение и другие добровольные жесты, но решительно отклонял все частные требования персональной компенсации. Вышедший затем отчет ООН не только снова привлек внимание общественности к проблеме в целом, но и помог бывшим жертвам заявить свои права на компенсацию и призвал Японию включить этот прискорбный эпизод в официальные школьные учебники.

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ОБВАЛ

Способность Японии справляться с внешними вызовами была ослаблена расстройством внутренней политики и все более заметным расшатыванием некогда динамичной и процветающей экономики. Вздувание цен на землю и пузыря на рынке акций, характерное для конца 1990-х годов, вылилось в обвал индекса Nikkei с достигнутого в 1989 году пика в 38 915 пунктов к отметке в 17 000 в марте 1992 года. Пять лет спустя индекс по-прежнему торговался ниже уровня 20 000 пунктов. Земельная политика, которую в самом вежливом варианте можно было назвать неразумной, понесла жестокий удар. Весь банковский субсектор — мелкие кредитные

институты *(дзюсэн* — компании по кредитованию жилищного строительства) — развалился, оставив налогоплательщикам только счета. Правительство возилось с корректировочными бюджетами, в то время как необузданный политический оппортунизм опустошал некогда уютный пейзаж из партий и фракций.

В 1993 году премьер-министр Миядзава ушел в отставку, признав собственный провал в попытках решить национальные проблемы. Его преемник Хосокава, лидер недавно сформированной Японской новой партии, собрал коалицию, которая продержалась меньше года; после администрацию возглавила Партия обновления Японии, продержавшаяся едва ли два месяца. В июне 1994 года Социал-демократическая партия Японии для участия в правительстве — впервые с 1947 года — объединила силы со своим старым врагом, Либерал-демократической партией, немедленно отбросив долгое время отвергавшиеся национальный гимн и флаг, альянс с США и экономические свободы. Вопреки многим ожиданиям, этот безбожный альянс продлился до января 1996 года, после чего лидерство перешло к ЛДП под руководством Хасимото Рютаро. Рютаро решил, не дожидаясь 1997 года, провести в

октябре досрочные выборы, но просчитался и не получил большинства. Низкая для Японии 59-процентная явка избирателей может быть истолкована как отвращение, апатия или просто усталость от политики.

ПРИРОДНЫЕ БЕДСТВИЯ И ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ТЕРРОР

Конечно, не только одна политика разочаровывала людей. Семнадцатого января 1995 года портовый город Кобэ пережил землетрясение, в результате которого погибли 6 000 и остались без крова свыше 300 000 человек. Ответ властей был медлительным и неадекватным. Жертвы горестно сравнивали усилия властей с хаотичными действиями местных гангстеров, таскавших одеяла и мешки с рисом. Два месяца спустя, на рассвете 20 марта, пассажиры токийской подземки были отравлены нервно-паралитическим газом зарин, намеренно пущенным в метро членами религиозной секты Аум Синрике по до конца так и не ясным причинам. Двенадцать человек погибли, примерно 5000 пострадали. Япония пережила шок, увидев, что и ее упорядоченное общество не застраховано от случайного городского терроризма, ранее казавшегося проблемой

других, менее счастливых земель. Летом в центре скандала оказался бизнес, поскольку обнаружилось, что один из ведущих национальных банков «Даива» скрывал от регуляторов свои потери от облигационных сделок, превышавшие сумму в миллиард долларов. Годом позже руководители компании «Сумитомо» превзошли этот рекорд, когда вскрылись утаиваемые в течение двенадцати лет убытки от операций с медью в размере $ 2 600 000 000. В 1996 году газетные заголовки по очереди мусолили то скандал с «Сумитомо», то остановку из-за утечки радиации ядерного завода, то массовое отравление испорченными школьными обедами, то скандал с заражением ВИЧ через кровь сотен больных гемофилией. Тем временем власти выступили с планом — ускоренным катастрофой в Кобэ — перенести к 2010 году столицу из Токио в более безопасное место. Новый старт в новом тысячелетии?

Мосты в никуда?

Годы «экономического чуда» в середине века спровоцировали оптимистические предсказания о том, что XXI век будет веком Японии, подобно тому как XIX век был веком Британии, а XX — веком Америки. Подобное мнение имело право на существование, поскольку к 2000 году мировые рынки без усилий завоевывались караоке, суши и покемонами, а поколением раньше это проделывали японские автомобили, камеры и копировальные аппараты. В реальности третье тысячелетие Япония встретила с тем, что комментаторы, со все возрастающей самообвиняющей интонацией, называли национальным стремлением к заламыванию рук, показным эмоциям и переоценке ценностей. Речь шла не о новом тысячелетии и не о следующем столетии, но о «потерянном десятилетии» недавнего прошлого. Историк Массачусетского технологического института Джон У. Доуэр убедительно проанализировал послевоенную Японию, предполагая, что страна может считаться новым феноменом в международных делах — «мгновенной супердержавой». Пока одни японские политологи

громко вопрошали, где же Япония сможет найти собственную Маргарет Тэтчер, другие предлагали повторить опыт Реставрации Мэйдзи и «импортировать» талантливых иностранных советников, а команда международных бизнес-стратегов опубликовала подробное исследование национальных экономических недостатков под заголовком «Японская экономическая модель. Может ли Япония конкурировать?», где под все большее сомнение ставилась возможность когда-либо снова встретить в Японии «светлое, уверенное утро». Писатель Рю Мураками описывает ситуацию как «провал предусмотрительности» из-за одержимости на протяжении ста пятидесяти лет идеей «догнать Запад»: «Япония просто потеряла свой путь. Мы никогда не думали о том, что будем делать после того, как достигнем своей цели». Индикаторы указывали на различные и многочисленные приметы национального кризиса. Учителя говорили о «кризисе в классных комнатах» — сокращении мотивации и растущем уровне насилия. Местные «шишки» испугались, когда региональные празднования достижения двадцатилетнего возраста были расстроены беспорядками и опасными фейерверками. Женщины выходят замуж позднее — если

вообще выходят. Число разводов растет. Уровень рождаемости в стране один из самых низких в мире. Японская экономика, которая когда-то казалась бесконечно способной удваиваться за год, теперь резко контрастирует с ситуацией в 1997 и 1998 годах, когда индекс Nikkei пробил отметку ниже 13 000 пунктов — в 1989 году он же достиг максимума в 38 915 пунктов.

ОТРИЦАТЕЛЬНЫЙ РОСТ

К концу 2000 года Япония зафиксировала отрицательный рост в пятнадцати из двадцати шести предыдущих кварталов. Цены на токийскую недвижимость за десять лет упали на две трети. Четверть японских домов стоила меньше, чем закладные на них. Когда безработица дошла до беспрецедентных пяти процентов, национальные суды завалили делами о расследовании сотен преждевременных смертей и самоубийств корпоративных служащих и мелких бизнесменов, вызванных перенапряжением и чрезмерной работой. Банки накопили массу «плохих долгов», которые отказывались признавать и списывать. Министерство финансов и Банк Японии снизили ставку рефинансирования до нуля процентов и существенно увеличили размеры национального

долга (до самого большого в мире), подписавшись на масштабные государственные проекты. Обе эти меры были призваны стимулировать экономику, «завести» ее. Однако построенные на деньги налогоплательщиков мосты вели в буквальном смысле «в никуда» — иронично и символически намекая на банкротство породившей их политики. Радикальные критики стали заключать, что японская экономика не просто остановившийся мотор, но мотор устаревший, нуждающийся в полной замене. Авторы книги «Может ли Япония конкурировать?» перечисляли скорбный список обвинений: японские компании слишком долго гнались за долей на глобальном рынке — ценой прибыльности; они добились удивительной производительности труда — но отдача от расходования капитала низка; они не смогли развить новые экспортные отрасли; освоить Интернет и справиться с возможностями биотехнологий; короче говоря, японцы в цифровую эпоху походят на динозавров. Поддерживая тезис Доуэра, они сомневались в том, что Япония блестяще справилась с поражением 1945 года, нефтяным шоком 1973 года и ревальвацией йены в 1985 году — все победы только внешние. Могла ли Япония самостоятельно справиться с травмой?

Или же снова спасение должно было прийти извне, но на сей раз постепенно, посредством «коррозийного» действия зарубежного влияния — через враждебные поглощения, неподдельные совместные предприятия, через получивших образование за рубежом генеральных директоров и молодых работников, которые понимают, что пожизненного найма — как и сегунов — больше не существует, а также благодаря потребителям, наконец-то отказывающимся платить «слишком много практически за все». Изменение взглядов должно быть достигнуто не как итог великой стратегии и хорошо продуманной национальной политики, но в результате миллионов мини-протестов против ограничительных норм и косных убеждений. Протесты станут процессом — метаморфозой институционального пейзажа для приведения его в соответствие той «качественной революции», которая изменила японскую промышленность пятьдесят лет назад.

Знаменитое описание Джорджа Оруэлла уподобляло Англию семье, во главе которой стоят не те люди. Глен С. Фукусима, бывший президент Американской торговой палаты в Японии, предсказал изменение роли Японии из-за возникающих в ней самой явлений — «дерегулирование,

децентрализация, изменения в поколении и растущее использование Интернета... усиливают внутреннее тяготение к новому типу лидерства... появлению губернаторов и мэров... которые наделены более сильным видением, коммуникационными способностями и личностными качествами, даже харизмой, чем традиционные японские лидеры». Возможно, новое столетие принесет долго откладывающуюся революцию и в национальную японскую семью — падение политической и бюрократической геронтократии, не способных ответить на проблемы «корпоративных аппаратчиков», вытеснение их молодежью, креативными мужчинами и женщинами, способными, по крайней мере, задать новые вопросы.

Тем не менее выход из экономического болота, казалось, затруднялся тупиком в политике. В марте 2001 года опросы зафиксировали, что правящую партию ЛДП поддерживают едва ли 20% населения, а не слишком успешного премьер-министра Мори — порядка 6%. Бывший министр иностранных дел Накаяма открыто заявил: «Мы слишком долго держались у власти. Вся нация страдает от системного безразличия». Беспрерывно сменявшие друг дружку премьер-министры

(одиннадцать человек за двенадцать лет) походили на «жертвенных агнцев», хотя каждый из них обещал изменить ситуацию. Хосокава Рюитиро, бывший редактор влиятельной газеты «Майни-ти симбун», высказал мнение, что нет ни малейшей надежды на то, что ЛДП сможет найти кого-то лучше, чем Мори. Но ЛДП нашла еще одного, непохожего на Мори, человека.

НОВАЯ МЕТЛА

Ответом Мори на катастрофические рейтинги и давление со стороны прессы было проведение выборов президента ЛДП, пост которого означал и возвращение должности премьер-министра. Опытные комментаторы были поражены внезапной победой индивидуалиста Дзюнъитиро Коидзуми над бывшим премьером Хасимото, ведь поражение лидера крупнейшей в ЛДП фракции не имело прецедентов в ее истории. Коидзуми, имевший репутацию «Дон Кихота» японской политики, даже выглядел нетрадиционно: одинокий отец и известный поклонник рок-музыки, он носил длинные волосы, его прическа напоминала стиль Бетховена. Однако внешность не могла замаскировать его политическое наследство: внук и сын министров, он был

политиком в третьем поколении, уже дважды выдвигался на пост лидера партии и был избран с третьего раза. Тем не менее Коидзуми сделал своим знаменем структурную реформу, объявив о непоколебимом намерении противостоять личным интересам и покончить с фракциям. Для начала он, проигнорировав требования фракций, сформировал кабинет министров, куда включил трех неполитических фигур и пятерых женщин, в том числе дочь бывшего премьера Танаки Какуэя, которая стала первой в Японии женщиной-министром иностранных дел. Столь дерзкое начало принесло ему невероятную 86-про-центную поддержку избирателей. Продолжая гнуть свою линию, среди других приоритетов Коидзуми обозначил приватизацию почты (главного игрока финансовой структуры Японии) и реформирование системы медицинского обеспечения пожилых людей. Еще более радикальным выглядел намек на пересмотр конституции через внесение в национальный парламент предложения о введении прямых выборов на пост премьер-министра; пусть целью было напомнить о разгроме фракций, и не более того. Коидзуми, выпускник Лондонского университета, предположительно разделял восхищение Джорджа

Буша-млад-шего Уинстоном Черчиллем — героем, прекрасно подходившим на роль примера для подражания, с учетом стоявших перед премьером национальных проблем воистину геркулесовых масштабов. Как «японский Горбачев», Коидзуми с его программой реструктуризации и открытости скоро стал центром личного культа, сходного с «гор-биманией» прошлого. Его прическа а-ля «Король-лев» стала восприниматься как знак, что и он сам является подобием добросердечного героя из популярного мультфильма. Коидзуми выпустил диск с собственными версиями караоке любимых песен Элвиса Пресли. Его рейтинг превысил 90%, а ЛДП снова начала выигрывать на местных выборах. Но к концу года также стало очевидным, что, когда касалось экономики, приход Коидзуми был не больше чем глотком свежего воздуха — тогда как требовался мощный порыв арктического ветра. Урезание государственных проектов на 10% дрожью прокатилось по всему строительному сектору. Необдуманное заявление о том, что правительство не будет помогать запутавшимся в долгах банкам, аналогичным образом сказалось на финансовом секторе. Новой мантрой стала «политика боли», утверждаемая как необходимое горькое лекар-

ство: масштабное сокращение рабочих мест для достижения жесткой рационализации избыточных мощностей. Компания «Тошиба» уволила 19 000 человек, «Фудзицу» и «Ниссан» — по 21 000 каждая. К декабрю 2001 года, по оценкам правительства, в месяц в Японии становилось на 178 000 рабочих мест меньше. Официальная безработица достигла 5,4%; по мнению же экспертов и аналитиков, реальные цифры, по крайней мере, на один процент выше. Профсоюз японских работников автомобильной промышленности предсказывал, что к 2005 году, вместе с коллапсом производителей запчастей, автомобилестроение потеряет еще 143 000 рабочих мест. Стремительно набиравшая силу тенденция переносить производство из Японии в более дешевый Китай, где ниже стоимость земли, рабочей силы, энергии и транспортных издержек, угрожала не только низкотехнологичным и трудоемким отраслям вроде производства одежды, но и производству ноутбуков, DVD и фотокопировальных аппаратов. Как выразился комментатор газеты «Файненшл тайме» Дэвид Ибисон: «Корпорация Япония разбирается винтик за винтиком». Но — для некоторых — недостаточно быстро. По данным института Маккинси, производительность

труда в ведущих японских компаниях уровня «Сони» на 20% превышала производительность американских компаний, однако доля лидеров в японской экономике — всего лишь 10%, тогда как производительность менее крупного японского бизнеса на 60% отставала от американского уровня. И, по тем же оценкам, в США пробовал начать новое дело один из десяти взрослых, а в Японии — лишь один из ста.

Среди всего этого мрака светлым пятном стало долгожданное рождение первого ребенка у наследного принца Нарухито и принцессы Масако. Их дочери дали имя Айко («дитя любви») Тосиномия («уважающая других»). Появление на свет девочки, однако, означало, что она не имеет по закону права на трон, и премьер-министр Коидзуми поспешил заявить, что нет немедленной необходимости менять положение о наследовании. С учетом того, что наследному принцу уже около сорока лет, такое утверждение выглядит как желание оставить вопрос открытым.

Японский язык и японские имена

Особенности

Японский язык имеет ряд особенностей, существенно его отличающих:

— нет гендерных различий;

— нет единственного и множественного числа (множественное число определяется по контексту или благодаря использованию специально указывающих на число слов);

— нет определенного и неопределенного артиклей;

— нет будущего времени, оно вводится при помощи наречий;

— прилагательные и наречия идут перед существительными и глаголами;

— обычный порядок в предложении — предмет, объект, глагол;

— слова никогда не заканчиваются согласным звуком, за исключением носового «п»;

— нет звуков для передачи «th» и «1», а звук «V» обычно заменяют на «Ь»;

— все слоги являются ударными;

— в одном слоге никогда не идут две согласные

подряд. Заимствованные слова

Соответственно, заимствованные из английского слова часто требуют добавления в них дополнительных гласных, чтобы японцы были в состоянии их произнести (например, слово *strike* (забастовка) превращается в *су-то-рай-ку).* Пять гласных произносятся как в современном итальянском языке. Удвоение гласного звука часто показывается горизонтальной линией (макрон — знак долготы гласного звука) над гласной. Многие слова могут писаться одинаково, но означать совершенно разное: например, *хаси* — это и «палочки для еды», и «мост». Слова, пришедшие из западных языков, чаще всего — из английского, в настоящее время составляют порядка 20% от распространенных в каждодневном обиходе. Многие из них «адаптируются» в ходе этого процесса: *television* (телевидение) превратилось в *тэрэби*; *department store* (универмаг) — *дэпато.* Новые слова появляются путем объединения частей других слов: *пасаком* — от *personal computer* (персональный компьютер), *рэмокон* — от *remote control* (дистанционный пульт). (Название плеера «Walkman» — личное изобретение Морита Акио, президента фирмы «Сони».)

Письменность

Японская письменность состоит из комбинации четырех элементов.

Кандзи (китайские буквы). Используется для записи основ слов, передачи главных смыслов. Простые *кандзи* состоят из двух, трех или четырех линий; сложные могут насчитывать более дюжины. К двенадцатилетнему возрасту японские дети знают около 900 *кандзи;* для минимального уровня грамотности требуется усвоение примерно 1800. (Уровень неграмотности в стране — 0,3%.) Образованные японцы знают 5000 *кандзи* и больше.

Хирагана — курсивная слоговая азбука, используемая для грамматических функций, т. е. там, где в английском языке обычно ставятся предлоги и союзы. Применяется для записи флексий и окончаний глаголов и прилагательных, частиц и слов, у которых сложно запомнить иероглифы.

Катакана — упрощенная азбука, используемая в основном для написания заимствованных слов, а также по традиции в телеграммах и телексах.

Романдзи — римские буквы.

Последствия

Из-за сложности японской письменности в Японии высоко ценится владение грамотой и каллиграфией *(седо* — «путь кисти»). Стоимость производства печатных документов, возможно, тоже отчасти объясняет приверженность японского менеджмента личным встречам и заметкам от руки, а также рвение в адаптации фотокопировальных аппаратов и факсов. Первая японская пишущая машинка (по сути — мини-пресс с 3000 символов) была изобретена только в 1915 году. Первый японоязычный текстовый процессор был изготовлен компанией «Тошиба» в 1978 году. В 1984 году компания «Бразер» сделала текстовую машинку, способную к конвертации романизированных японских букв в ограниченный набор из 2965 китайских букв. Первый электронный словарь *кандзи* выпустила компания «Кэнон».

Выражение почтения (*кэйго)*

В японском языке отражаются статусные и гендерные отношения. Речь женщин отличается от мужской не только тональностью, но и используемыми словами и идиомами. Речь, обращенная к старшим или вышестоящим людям, всегда наполнена самоуничижением говорящего.

Имена

Японцы, даже будучи коллегами по работе, обычно обращаются друг к другу не по имени, а по фамилии, к окончанию которой добавляют частицу «-сан», примерно равную обращениям типа «мистер», «миссис», «мисс». Близкие друзья могут использовать суффикс «-тян». Неверным будет обратиться к кому-то просто как к «-сан».

До эпохи Мэйдзи крестьяне, как правило, не имели фамилий. Фамилии выбирались из одобренного перечня; многие из них содержат элементы, указывающие на пейзаж: *гава* (река), *яма* (гора), *мура* (деревня), *бана* (дерево) и т. п. Наиболее распространенные фамилии — Ито, Сато, Накамура, Ватанабэ и Кобаяси.

Буддизм

Важность буддизма

История буддизма длиннее, чем история христианства, и это учение не менее сложно с точки зрения доктринальных диспутов и ответвлений. Как и христианство, буддизм оказал серьезное влияние на культуру и традиции своих приверженцев. Без некоторой доли понимания буддизма сложно постичь значительную часть художественного наследия Японии — скульптуру, храмовую архитектуру — и такие своеобразные японские достижения, как искусство аранжировки цветов, садовый дизайн, чайные церемонии, драмы *но* и боевые искусства, не говоря уже о современной политике и социальных установках (например, предпочитание кремирования умерших).

Японизация буддизма

Буддизм зародился в Индии в VI веке до н. э., он пришел в Японию спустя более тысячи лет через Китай. Япония столкнулась с буддизмом

как с религией, уже имевшей тысячелетнюю историю, устоявшиеся традиции художественного выражения и обширный корпус комментариев относительно собственных фундаментальных принципов и манускриптов. Во многом все это передавалось посредством иностранного языка, китайского, либо даже на более отдаленных в лингвистическом отношении и сакральных языках — пали и санскрите. Буддийские убеждения, поведение и иконографию надо было привнести в уже существовавшие религиозные традиции синтоизма и этическую структуру конфуцианства — в этом колоссальном предприятии задействованы были самые выдающиеся интеллектуалы и эстеты, которых когда-либо производила Япония. Успеху их усилий, без сомнения, способствовала тесная ассоциация буддизма с распространением грамотности и другими крупными культурными достижениями.

В ходе этого длительного и весьма сложного процесса в Японии развились такие формы буддизма, которые в настоящее время считаются специфически японскими, — нитирэн и, в меньшей степени, дзэн.

Является ли буддизм религией?

Всякая попытка понять буддизм наталкивается на ряд препятствий — помимо уже упомянутой выше сложности, — не последним из которых является его обширная техническая терминология. Однако первым, и отчасти самым устойчивым, барьером, с которым обычно сталкиваются жители Запада, является тот факт, что христиано-иудейское начало переносит на буддизм свои перспективы и категории, обеспечивающие нормы привычного мышления относительно религии, независимо от того, «религиозны» эти люди или нет. Потребовались определенное время и рефлексия, чтобы прийти к соглашению по поводу религии, которая, в некотором смысле, освобождена от понятия бога в целом, сравнивает спасение с исчезновением, а не с искуплением, и — во многих случаях — безразлична к тому, исповедуют ли ее последователи еще какую-либо веру или нет.

Будда

Слово «Будда» — это не имя, а обозначение состояния бытия того, кто имеет подлинное знание

реальности.

Буддизм зародился как учение Сиддхартхи Гаутамы, сына военного правителя небольшого государства на границе современных Индии и Непала. Детали его биографии за двадцать пять столетий иногда причудливо приукрашивались, но основная линия вырисовывается довольно четко. В возрасте двадцати девяти лет он отказался от радостей жизни и роскоши и покинул жену и ребенка в поисках духовного просветления, которое дало ему озарение о природе конечной реальности. (Этот отказ часто символически изображается в скульптурах Будды как удлиненные мочки ушей, лишенные когда-то украшавших их сережек.)

Следуя инструкциям двух знаменитых мастеров в йогичес-ких практиках и других мистических техниках, он вскоре превзошел их и погрузился в шестилетний период серьезного самоотрицания вместе с еще пятью аскетами. Экстремальные практики привели его на грань смерти и к осознанию того, что они являются как саморазрушением, так и самообманом. Отринув умерщвление плоти, он вернулся к прежнему состоянию — ценой потери разочаровавшихся в нем компаньонов.

Гаутама обратился к глубокой и продолжительной уединенной медитации, в ходе которой на него снизошло состояние просветления. Недели рефлексии помогли ему выразить фундаментальные озарения в последовательной доктрине и реализуемой программе жизни. Понимая, что большинство других существ хотя и благословенны, но ограниченны и различаются по способности постичь его послание, он колебался, стоит ли посвящать свою жизнь наставничеству. Тем не менее в итоге Гаутама воссоединился со своими бывшими товарищами, вдохновив их искренностью первой проповеди — Дхармачакра Праварта-наа, или о Первом Повороте Колеса Учения.

Суть учения Будды обобщается в Четырех Благородных Истинах:

— страдания и конфликты неотделимы от человеческого существования;

— они возникают из-за самомнения и проявления его в желаниях, амбициях и т. д.;

— возможно освобождение от бесконечных реинкарнаций, переход к не-существованию;

— средства к достижению освобождения лежат в методике Восьмеричного Пути.

Восьмеричный Путь — это «срединный путь»

между аскетизмом и гедонизмом, требующий от своего последователя стремиться к:

— правильному взгляду (т. е. пониманию космоса и места в нем людей);

— правильной цели (т. е. необходимой моральной энергии для стремления к истине);

— правильной речи (т. е. избеганию лжи и клеветы);

— правильным телесным действиям (т. е. избеганию чрезмерной чувственности, воровства или агрессии);

— правильной жизни (т. е. непричинению вреда другим живым существам);

— правильному усилию (т. е. постоянному старанию культивировать добродетель и избегать порока);

— правильной чувствительности (т. е. постоянному самосознанию);

— правильной концентрации (т. е. медитации для фокусировки собственного сознания).

Присутствовавшие на первой проповеди стали пятью первыми буддийскими монахами, ядром *сангхи* (сообщество), посвятившими жизнь следованию и пропаганде истины Будды (на санскрите — *дхарма).*

Сам Будда провел остальную часть жизни учи-

тельствуя и умер в возрасти восьмидесяти лет. (Если говорить более строго, считается, что он в итоге перешел в нирвану, вырвавшись из круга перерождений.) После кремации части праха Будды были принесены в различные государства и города, где строились монастыри для защиты членов *сангхи.*

Буддийская иконография

В раннем буддизме избегали изображать Будду в человеческом облике, возможно, чтобы избежать вопроса о его трансцендентности. Взамен искусство концентрировалось на посвященных ему объектах и их изображениях: *ступа* (монументы в святых местах, где хранится прах); *дерево* бодхи (под которым Гаутама обрел просветление); зонтики от солнца (символизирующие его королевский статус и, следовательно, власть) и колесо (обозначающее бесконечный круг реинкарнаций, множественность существований). Вероятно, условные изображения Будды появились во II веке в Индии и включали в себя тридцать две характеристики, благодаря которым можно было узнать Будду: отметка на лбу; узел-пучок из волос; изогнутый нос; характерные складки у горла и т. д. В изображениях Будды

обычно присутствуют формализованные жесты рук (*мудра*), символизирующие определенные события в его жизни или аспекты его природы.

Самое старое японское изображение Будды датируется 606 годом. В Японии поклоняются различным манифестациям Будды, в зависимости от того, как та или иная секта интерпретирует манускрипты. Среди самых распространенных манифестаций:

Амида — Будда Чистой Земли или Западного Рая;

Якуси — восточный Амида, земное воплощение, целитель;

Мироку — Майтрейя, Будда будущего;

Дайнити Нерай (Вайрочана в санскрите) — Будда великого света, покровитель государства;

Каннон — (Гуан-Инь в китайской традиции) — бодхисаттва Амида, может принимать различные формы (например, иметь одиннадцать голов или тысячу рук) и в наши дни часто воплощается в женском образе «Богини милосердия»;

Дзидзо — тоже бодхисаттва, в образе бритоголового монаха; часто группа из шести монахов, представляющих шесть уровней творения (ангелы, демоны, люди, животные и др.). Святой покровитель нуждающихся в комфорте — детей,

путешественников и беременных женщин.

Буддийская этика

Осознавая разные способности людей к восприятию истины, буддизм предъявляет неодинаковые требования к своим последователям. Так, от монахов требуется больше, чем от мирян. Обычно от простого человека ожидают усилий по улучшению собственного характера (подавать милостыню, избегать пороков, насилия и затуманивающих сознание стимуляторов), соблюдению святых дней и праздников и выполнения обязательств перед обществом в качестве студентов, родителей, работников, соседей и друзей. От монахов традиционно требуется жить бродяжничеством, носить выброшенные другими людьми одежды и соблюдать целибат. Современные японские монахи — зачастую весьма образованные люди с искушенными вкусами.

Национальные праздники и местные фестивали

В Японии отмечаются сотни местных праздников *(мацури).* Ниже перечисляются те из них, которые являются самыми крупными или известными либо имеют необычные особенности. (Например, есть праздники, посвященные «иглу», фаллосам, тутовым шелкопрядам и морским водорослям; специальные святилища в честь иголок, умерших детей и жертв дорожных происшествий.) Обычно *мацури* берут начало в синтоистских празднованиях и часто привязаны к сельскохозяйственному циклу выращивания и сбора урожая. Они могут включать в себя ритуалы очищения, танцы (*кагура*), совместные трапезы (*наораи)* и парады на плотах или телегах. Священные объекты, представляющие *коми*, часто переносят в специальных святилищах-паланкинах (*о-микоси*). Также могут устраиваться соревнования в перетягивании каната, лошадиные бега, стрельба из лука или запускаться воздушные змеи.

Звездочкой (*) отмечены национальные празд-

ники; если они выпадают на воскресенье, то следующий понедельник будет считаться выходным. День, попадающий между двумя праздниками (например, 4 мая), тоже является выходным.

Японцы поклоняются предкам на кладбище

Во время трехнедельного пика сезона отпусков общественный транспорт испытывает огромную нагрузку, поскольку горожане отправляются к своим сельским корням, и потому лучше бронировать места заранее. К таким неделям массовых путешествий относятся:

Новый год — 27 декабря — 4 января и ближай-

шие выходные.

«Золотая неделя» — 29 апреля — 5 мая и ближайшие выходные.

Праздник мертвых О-бон — в одних областях проводится в середине июля, в других — в середине августа.

Январь

1 января*. Новый год (*Гандзицу*).

Самый важный праздник во всем календаре. Очень немногие начинают работать раньше 4 января. Более 90% семей надевают лучшие наряды (женщины — кимоно) и отправляются в святилища, чтобы помолиться о здоровье и счастье в следующем году, купить амулеты и получить предсказания судьбы. В особенности много людей приходит в святилища Мэйдзи и Исэ. Множество традиций связано с идеями очищения и обновления. Накануне Нового года по традиции проводят уборку дома, рассчитываются с долгами, урегулируют споры. Отцы запускают с детьми воздушных змеев, девочки до сих пор иногда играют в *ханэ-цуки* (подобие игры в бадминтон) — с красиво украшенными ракетками в форме весел (*хаго-ита*). Дети также получают денежные подарки в специальных красных конвертиках

(*ото-сидама).* Взрослые играют в традиционные карточные игры (*ка-рута),* суть которых связана с запоминанием стихов. Женщины готовят *озони* — суп с рисовыми клецками — и другие новогодние блюда (*осэти-рери*). Новогодние открытки (*нэнгадзе)* посылают родственникам, клиентам, коллегам и старым школьным друзьям; чтобы все открытки были доставлены вовремя, почта специально задействует целую армию студентов. Второго января по традиции занимаются каллиграфией, записывая подходящие по случаю стихи и пословицы; во многих школах проходят соревнования по каллиграфии. Внутренняя часть императорского дворца в Токио открывается для посещения публики. Седьмого или одиннадцатого января — в зависимости от региона — новогодние украшения снимаются и сжигаются.

6 января. Дэздомэсики

С эпохи Эдо в этот день токийские пожарные устраивают для публики акробатическое представление на бамбуковых лестницах.

7 января. Фестиваль семи трав

Древняя китайская традиция. Надо съесть рисовую кашу с семью травами, чтобы быть здоровым.

15 января*. День совершеннолетия *(Сэйдзин но хи)*

Городские власти проводят гражданскую церемонию в честь тех, кто достиг двадцати лет, возраста совершеннолетия, и получил право голосовать.

Февраль

В Саппоро, столице Хоккайдо и месте проведения зимних Олимпийских игр 1972 года, проводится Снежный фестиваль. На нем можно увидеть около 150 массивных скульптур и резных фигурок изо льда; это зрелище привлекает около 2 000 000

посетителей. Любование снегом стало общей традицией в период Эдо и часто описывается в литературе.

Третья суббота февраля. *Хадака Мацури* В Окаяма, в храме Сайдадзи, сотни практически обнаженных молодых людей толкаются и борются за то, чтобы поймать фаллический талисман, который бросает священник.

3 февраля. Фестиваль жареной фасоли (*Сэцубун)*

Отмечает последний день зимы по традиционному лунному календарю. Вокруг домов рас-

кидывают жареные бобы для изгнания демонов, приносящих болезни и несчастья. Знаменитые актеры и борцы, родившиеся в соответствующий год китайского зодиакального знака, проводят в этот день церемонии в святилище Каннон в Асакусе, токийском храме Дзодзедзи и в святилище Гион в Киото.

11 февраля*. День основания государства *(Кэнкоку кинэн нохи*)

Отмененный после 1945 года, этот праздник снова был введен в 1967 году и отмечает предположительную дату восхождения на трон первого японского императора, Дзимму, около 660 года н. э.

14 февраля. День Святого Валентина

В этот день женщины традиционно дарят своим мужья, возлюбленным и коллегам по работе хороший шоколад (который часто сразу отдается обратно).

Март

3 марта. День девочек (*Хина мацури)*

В этот день выставляют на обозрение набор из пятнадцати дорогих кукол, изображающих императорский двор с придворными, музыкантами, стражниками и т. д. (в *токонома* — центральном

алькове главной залы дворца). Этот день также известен как фестиваль персиков (*момо-но-сэкку*), поскольку персики символизируют мягкость и изящество — подобающие женщине качества. Первоначально был праздником исключительно аристократии, но к XVIII веку получил более широкое распространение.

13 марта. *Касуга Мацури*

Праздник танца, который проводится в Паре, в святилище Касуга, и имеет тысячелетнюю традицию.

21 марта (либо 20 марта)*. День весеннего равноденствия (*Сюмбун-но-хи)*

Отмечает приход весны, важная дата буддийского календаря. В этот день часто посещают могилы предков.

Апрель

В течение месяца устраиваются *ханами* (праздничные собрания) для любования цветением вишни (*сакура-но-хана*). Традиция восходит ко времени правления императора Сага (809-823). В газетах публикуется информация о местах, где цветущую сакуру можно увидеть в полной красе (т. н. карты *сакура дзэнсэн).* Любимым местом жителей Токио является парк Уэно, куда приходят из

офисов или на семейные пикники, часто сопровождаемые обильным употреблением напитков и танцами. 8 апреля. День рождения Будды *{Хана Мацури)* Празднуется в буддийских храмах.

14-15 апреля. *Такаяма Мацури* У святилища Такаяма устраивается парад плотов.

29 апреля*. День зелени (*Мидори но хи*)

Ранее — день рождения императора Сева (1901-1989), слывшего большим любителем живой природы (и знаменитого морского биолога). Также является точкой отсчета «Золотой недели»; горожан призывают выращивать растения и оберегать природные ландшафты.

Май

Третьи выходные мая. *Санья Мацури*

Процессия из примерно ста *о-микоси* проходит у храма Кан-нон в Токио.

Третье воскресенье мая. *Мифунэ Мацури*

Лодки в древнем стиле проплывают по реке Ои, Киото.

3 мая*. День Конституции *(Кэмпо кинэмби)*

Отмечает дату провозглашения в 1947 году конституции Сева.

3-4 мая. *Хаката Донтаку*

В Фукуоке проводится парад фигур богов, про-

возимых на лошадях.

3-5 мая. *Одако-щт*

Фестиваль воздушных змеев в Хамамацу.

5 мая. День детей *(Кодомо но хи)*

Ранее — День мальчиков. Закрывает «Золотую неделю». Когда-то по традиции в этот день вывешивали развевающиеся на ветру флюгеры, напоминавшие карпов: карп идет против течения метать икру и потому символизирует предопределенность, готовность следовать судьбе, что считалось необходимой мужской добродетелью.

И мая — 15 октября

Ловля рыбы на реке Нагара, Гифу.

15 мая. Фестиваль роз *(Аой мацури)*

Восходит к XV веку и проводится в Киото святилищами Ка-мигамо и Симогамо. Главная достопримечательность — процессия с запряженным в телегу волом, императорским посланником на прекрасном коне и переносным святилищем (*о-микоси*) богини Сайе, которую сопровождают сотни людей в одеждах в стиле хэйанского двора. Чтобы умилостивить богов, древние храмовые здания украшаются розовыми шток-розами, что, как верят, помогает предотвратить землетрясения. В церемониях также задействованы

традиционные танцы и музыка.

17-18 мая. Фестиваль весны

У святилища Тосегу в Никко проходит процессия в 1200 человек, одетых в костюмы самураев.

Июнь

1-14 июня. *Санно Мацури*

Проводится соответствующим святилищем в Токио; через округ Акасака проходит парад *о-микоси.*

14 июня. Фестиваль сбора риса

В Осаке, в святилище Сумиеси, нарядные девочки в традиционных костюмах сажают рассаду.

Июль

7 июля. Фестиваль звезд (*Танабата*)

Широко празднуется по всей стране, особенно в городе Сэндай. Китайская легенда гласит, что в этот день двое разлученных влюбленных звезд — Альтаир (пастух) и Вега (принцесса-ткачиха) — могут снова встретиться на Млечном Пути, посередине моста.

13-15 июля (в некоторых областях — 13-15 августа). *О-Бон*

Буддийский праздник, отмечаемый по всей

стране; поминовение умерших. Главнее считается только празднование Нового года. Могилы предков расчищаются, а к семейным алтарям в доме приносят дары в виде пищи и цветов. Для церемоний разжигают костры или зажигают бумажные фонарики, таким образом воздаются почести душам усопших. Многие горожане отправляются в деревни своих предков, чтобы посетить их могилы, или принимают участие в танцах (*одори*).

14 июля. *Наши Химацури*

В святилище Нати, город Нати-Кацуура, одетые в белые одежды священнослужители проносят двенадцать гигантских факелов.

17 июля. Фестиваль *Гион*

Ассоциируется со святилищем Ясака; этот праздник связан с избавлением Киото от эпидемии в 869 году и в настоящее время отмечается большой водной процессией и музицированием.

20 (и 27) июля. *Саги-май*

Проводится в префектуре Симанэ и включает в себя исполнение уникального «танца цапли».

24-25 июля. *Тэндзин Мацури*

Организуется святилищем Тэммангу, Осака; по реке Додзима пускаются плавающие святилища.

Август

Лучший месяц для любования луной (*цукими*). По традиции сопровождается поэзией и употреблением сакэ.

1-7 августа. *Нэпута мацури* в Хиросаки и Набута Мацури (2-7 августа) в Аомори

Парад необычных фигур из папье-маше.

5-7 августа. *Конто мацури*

В городе Акита устраивается парад зажженных бумажных фонариков, которые вешают на 10-метровые жерди.

12-15 августа. *Ава Одори*

Проводится в Токусиме; фольклорные танцы.

Сентябрь

9 сентября. Фестиваль хризантем

Придворное празднование, возрожденное в эпоху Мэйдзи. Шестнадцать лепестков хризантемы символизируют императорский герб (*мон*), их изображения также используются на марках и монетах. С середины октября и до середины ноября в святилищах Мэйдзи, Ясукуни и в императорских садах Синдзюку проходит выставка хризантем.

15 сентября*. День почитания старших *(Кэйро но хи)*

Стал государственным праздником в 1963 году, хотя церемонии в честь пожилых людей датируются еще периодом Эдо. С 1986 года по закону официальный возраст выхода на пенсию — шестьдесят лет.

16 сентября. *Ябусамэ* (стрельбы из лука с лошади)

Устраивается в Камакуре, в святилище Цуруга-ока Хатимангу.

23 (или 24) сентября*. День осеннего равноденствия *(Сюбун нохи)*

Отмечает приход осени, важная дата буддийского календаря. В этот день часто посещают могилы предков.

Октябрь

Октябрь (середина). Фестиваль в Нагойе

Особенностью является большой парад исторических персонажей. Как говорят, в это время все божества Японии собираются у Идзумо Тайсе вблизи города Мацуэ, префектура Симанэ.

7-9 октября. Фестиваль *Окунти*

Проводится в Нагасаки, в святилище Сува, где исполняется китайский «танец драконов».

10 октября*. День спорта и здоровья (*Тайику но хи)*

Утвержден в 1964 году в честь Олимпийских игр в Токио. В этот день многие школы и компании устраивают спортивные состязания.

11-13 октября. *Оэсики*

Устраивается в храме Хоммондзи современными токийскими последователями нитирэн.

17 октября. Осенний фестиваль

Проводится святилищем Тосегу; в Никко в этот день можно увидеть самураев в полном облачении.

22 октября. Фестиваль *Дзидай мацури*

Организуется в Киото святилищем Хэйан с 1895 года. Особенность — процессия из 1700 участников, представляющих различных персонажей истории с момента основания храма в 794 году. В этот же день в Киото, в святилище Юки в Саке-ку, проходит процессия зажженных огней.

Ноябрь

3 ноября*. День культуры *(Бунка но хи)*

Ранее праздновался как день рождения императора Мэйдзи, с 1948 года провозглашен Днем культуры. Сторонники традиций могут по-прежнему посещать святилище Мэйдзи. В этот день

император награждает выдающихся артистов, писателей и прочих творческих людей орденом За культурные заслуги *(Бунка кунсе).* Тогда же дайме Гюрэцу в Хаконэ повторяет переход-путешествие феодала и его свиты.

15 ноября. Фестиваль «Семь-Пять-Три» (*Сити-Го-Сан*)

Девочки трех и семи лет и мальчики пяти лет приходят в синтоистские святилища, чтобы поблагодарить богов за свое здоровье и помолиться, чтобы так было и впредь (праздник напоминает о традиционно высоком уровне детской смертности в прежние времена). Девочек наряжают в красивые кимоно, украшают волосы и много фотографируют.

23 ноября*. День труда (*Кинро-кансия но хи)*

Ранее — синтоистский праздник урожая (*ниинамэ-сай*), ныне — праздник всех, кто трудился. Император делает подношение богам из свежего сакэ нового урожая.

Декабрь

Декабрь (середина)

Бонэнкай (прощание с годом) — компании проводят для своих сотрудников и клиентов вечеринки по случаю завершения года. 17-19 декабря.

Тоси-но-ити

Ярмарки-продажи традиционных новогодних ракеток для бадминтона.

23 декабря*. День рождения императора *(Тэнно тандзеби)*

Внутренние части императорского дворца открывают для публики. Император появляется на балконе, и собравшиеся приветствуют его.

Еда и напитки

В эпоху Мэйдзи приезжавшие в Японию жители Запада обычно бывали очарованы ее пейзажами и испуганы кухней. Сэр Резерфорд Элкок, первый постоянный дипломатический представитель Великобритании в Японии, здоровый и энергичный бывший армейский хирург, тоже был близок к гастрономическому отчаянию:

Свинина и жесткая птица вместо мяса, рис вместо овощей, яйца вместо молока (и масло, и молоко здесь — неизвестная роскошь), иногда в качестве дополнительного блюда подается случайный голубь, — это может поддерживать жизнь даже с учетом варварского обращения японцев (...) с кухней (...), но я рад, что этому положен предел... Постоянное отсутствие говядины и баранины нанесло в свое время серьезный урон английскому атлетизму.

Вышедшая в 1890-е годы книга «Справочник для путешествующих по Японии» советовала приезжим настроиться на отсутствие нормальной пищи за пределами торговых портов и содержала полезные намеки: соевый соус следует добавлять

в водянистые супы, чтобы придать им вкус, а порошок карри надо сыпать буквально всюду для улучшения аромата.

Столетие спустя японская кухня заняла место среди ведущих кухонь мира, хотя принципы и практики, которые ее отличают, до сих пор не слишком распространены. Акцент делается на свежесть продуктов и простоту приготовления, легкие приправы, умелое обращение с ножом и элегантную подачу к столу. Лесли Доунер, эксперт по кулинарии, отмечает, что «звезды шоу — сами ингредиенты». Японскую кухню отличают низкое содержание жиров и высокая доля минералов; если у нее и есть недостатки, то это степень солености.

Богатство выбора

Кайсеки — японская кухня «от кутюр». Первоначально сопровождавшая чайные церемонии, *кайсеки* состоит из более чем дюжины блюд, каждое из которых искусно аранжируется, хотя зачастую состоит из крохотной порции. Очевидно влияние этой традиции на современную кухню. *Кайсеки* подают в элитных японских ресторанах *(ретей*). Многие рестораны *(я)* специализируются на приготовлении специфических блюд:

Суси-я — сашими, кусочки сырой рыбы, которую едят с соевым соусом или с *васаби* (горчица), и *суши*, маленькие рулетики из риса с различными добавлениями.

Темпура-я — свежие овощи, креветки и др., наскоро обжаренные в легком масле.

Соба-я — особый пирог с небольшими кусочками мяса или овощей.

Якитори-я — цыплята «кебаб».

Некоторые рестораны готовят только из одного типа ингредиентов, например грибов или угрей. Также есть *робатая-ки-я* — рестораны в сельском стиле, где подаются блюда-гриль. В буддийских храмах готовят вегетарианские блюда, обычно на основе *тофу* (соевый сыр); есть придорожные бары (*номия*), где предлагается простая еда, которой можно наскоро перекусить. В ресторанах *тепаняки* еду (обычно стейки) готовят в стальных сковородках с длинной ручкой прямо перед сидящими у стола гостями. В изобилии представлены китайские и корейские рестораны. Внимание японцев к смене времен года отражается и в кухне. Так, зима — время для питательных, горячих блюд с тушеным мясом и рыбой; лето — для холодной лапши; весна — для свежих, молодых корнеплодов; осень — для сырой рыбы, которая в

эго время имеет наилучший вкус.

Сбалансированная диета

Отварной рис (клейкий, чтобы его было легче есть палочками, *хаси)* подается к каждому блюду. Традиционный термин для обозначения завтрака буквально переводится как «первый рис». Не очень правильно «оживлять» простой рис, поливая его соевым соусом (вместо этого можно взять зеленый чай или сырое яйцо), хотя сверху можно положить обжаренные морские водоросли *{три),* жареные соевые бобы (*натто*) или морских ежей *{уни).*

Овощи отбираются максимально свежие — большинство японских домохозяек по-прежнему ходит в магазин ежедневно. Овощи едят сырыми и засоленными, а также вареными и на пару; употребляют в пищу и такие растения, как папоротники, кувшинки и лопухи *{гобо),* чего обычно не делают на Западе. Едят сливы, имбирь и гигантский редис *{дайкон).*

Основным источником протеина являются рыба и морепродукты, которые тоже входят почти во все блюда. Готовят не только моллюсков, но и морские водоросли и другие морские растения. *Даси* — главный ингредиент супов, заготавлива-

ется из сушеной скумбрии и бурых водорослей.

Сбалансированные блюда

Вместо мяса и овощного гарнира традиционный японский обед состоит из супа и трех блюд, каждое из которых готовится различным образом: запекается на гриле, варится на медленном огне, жарится, распаривается, отваривается или подается сырым.

Напитки

Чай подается и к еде, и просто так, в течение дня. Его делают из зеленых листьев (т. е. из высушенных, а не перебродивших), обдают горячей (а не кипящей) водой и немедленно подают к столу (а не оставляют на потом).

Зимой обычно пьют горячее сакэ, летом его пьют со льдом; наименее вкусно оно при комнатной температуре. Год изготовления не важен (как для вина), но знатоки предпочитают сухое *дзюнмайсю* (несмешанное сакэ — без добавления спирта или сахара) его более сладким разновидностям (*амакути*), которые обычно подают в ресторанах. (В общем случае чем короче список ингредиентов на бутылке, тем лучше ее содер-

жимое.) Сакэ делится на *токкю* (высший сорт), *иккю* (первый сорт) и *никкю* (второй сорт); его лучше употреблять в течение трех месяцев после изготовления. В Японии сакэ производят около 500 компаний; самые знаменитые из них имеют марки Nada, Fushimi, Akita и Hiroshima.

Виски пьют со льдом и со значительным добавлением (1:6) воды (*мизувари*). Собственно японский виски часто имеет сильный запах и может горчить, если пить его в «чистом» виде.

Пиво — по-японски *биру* — сходно с немецким. Жители Саппоро гордятся своими пивоварнями, которые не уступают мюнхенским и пивоварням Милуоки. На пиво приходится 70% потребляемого в стране алкоголя. На улицах стоят автоматы, где его можно купить охлажденным.

Сеху — бесцветный напиток практически без запаха, который делают из риса или сладкого картофеля. Когда-то он был питьем бедняков, но теперь среди молодых людей становится все более модно пить его, смешивая с другими компонентами.

Когда пьют в барах, обычно бокалы наполняет хозяин либо можно поднять бокал компаньона и подождать, пока вам нальют точно такой же. Распространенным тостом является *«Кам-пай»*

(«Осушим чаши!»). Если человек больше не хочет пить, следует просто оставить бокал полным.

Развлечения

Гостей и клиентов развлекают обычно в ресторанах (их в Токио более 80 000), а не приглашают домой. (Японские дома чаще всего слишком тесные и находятся далеко от центра города.)

Обед обычно едят быстро и после полудня. (Стоимость обеда часто равна цене одного блюда из его состава вечером.)

Развлечения начинаются сразу после работы, по вечерам. В провинциальных городах рестораны нередко закрываются в девять вечера, поэтому есть довольно много отелей с развлекательной программой и отдельными комнатами для питания.

Хронология основных событий

До н. э.

8000 Приблизительное начало периода Дземон.

660 Традиционная дата восшествия на трон императора Дзимму.

300 Приблизительное окончание периода Дземон.

Н.э.

300 Приблизительное окончание периода Яей.

400 Приблизительная дата основания династии Ямато; начало периода Кофун.

538(или 552) Традиционная дата начала распространения буддизма.

577-622 Принц Сетоку.

587 Возвышение клана Сога.

604 «Конституция семнадцати статей» принца Сетоку; принятие китайского календаря.

607 Отправка первой официальной миссии в Китай; основание Хорюдзи.

645 Реформы Тайка; введение китайского стиля управления.

663 Утрата японцами земель в Корее.

701-702 Кодекс Тайсе.

710 Утверждение столицей Хэйе, позднее известной как Нара.

712 Публикация «Кодзики» («Записки о деяниях древности»).

720 Публикация «Нихон секи» («Анналы Японии»).

724-749 Император Сему.

741 Издан приказ о строительстве в провинциях буддийских монастырей.

749-758 Правление императрицы Кокэн (и 764-770).

752 Освящение статуи Великого Будды в Наре.

ок. 760 Составление поэтической антологии «Манъесю». 794 Основание столицы в Киото.

858 Возвышение клана Фудзивара.

ок. 1000 Составление «Записок у изголовья» Сэй Сенагон и «Повести о Гэндзи».

1185 Сражение при Данноура; окончание войн Хэйкэ/Гэмпей.

1192 Основание в Камакуре сегуната.

1232 Издание кодекса самурайских законов.

1274 Первое вторжение монголов.

1281 Второе вторжение монголов.

1333-1338 Реставрация императорского правления Го-Дайго.

1338-1573 Сегунат Асикага.

1392 Объединение северного и южного двора.

1467-1477 Войны Онин.

1543 Высадка португальцев в Танэгасиме.

1549 Прибытие св. Франциска Ксаверия.

1573 Окончание сегуната Асикага.

1582 Смерть Ода Нобунаги; национальное объединение начинает Тоетоми Хидэеси.

1588 «Охота за мечами» отделяет воинов от крестьянства.

1590 Хидэеси завершает объединение Японии.

1592 и 1597 Японские вторжения в Корею.

1597 Казнь в Нагасаки двадцати шести христиан.

1600 Сражение при Сэкигахаре; прибытие в Японию Уильяма Адамса.

1603 Токугава Иэясу получает титул сегуна.

1614-1615 Осада замка Осака; самоубийство Хидэери.

1636-1639 «Закрытие» Японии для контактов с иностранцами. 1637 Восстание в Симбаре.

1688-1704 Период Гэнроку.

1701-1702 «История сорока семи ронинов».

1707 Последнее извержение горы Фудзи.

1722 Частичная отмена запрета на ввоз западных книг.

1781-1788 Голод, восстания и бунты.

1837 Рост численности населения Осаки.

1839-1842 «Опиумная война» в Китае.

1853 «Открытие» Японии «черными кораблями» коммодора Перри.

1854 Подписание соглашения с США в Канагаве.

1858 Подписание «неравных соглашений».

1867 Падение сегуната Токугава.

1868 «Реставрация Мэйдзи»; столицей становится Токио.

1872 Открытие железной дороги Токио-Йокохама.

1877 Разгром мятежа в землях Сацума.

1889 Принятие конституции Мэйдзи.

1894-1895 Китайско-японская война.

1896 В Токио впервые демонстрируется кино.

1902 Англо-японский альянс.

1904-1905 Русско-японская война.

1910 Аннексия Кореи.

1911 Восстановление в Японии тарифной автономии.

1912 Смерть императора Мэйдзи.

1915 Выдвижение «Двадцати одного требования» Китаю.

1918 Хара формирует первый партийный каби-

нет; «рисовые бунты».

1921 Наследный принц Хирохито посещает Лондон; убийство Хара.

1921-1922 Военно-морская конференция в Вашингтоне.

1922 Посещение Японии принцем Уэльским.

1923 «Великое землетрясение» Канто.

1925 Мужчины старше 25 лет получают право голосовать.

1926 Смерть императора Тайсе.

1927 Банковский кризис приводит к падению правительства.

1930 Военно-морская конференция в Лондоне; застрелен премьер-министр Хамагути.

1931 «Маньчжурский инцидент».

1932 В Маньчжурии основывается «марионеточное государство» Маньчжоу-го.

1933 Япония выходит из Лиги Наций.

1936 Попытка государственного переворота, предпринятая младшими офицерами; Япония присоединяется к Антикоминтерновскому пакту.

1937 Инцидент на мосту Марко Поло.

1941 Атака на Перл-Харбор.

1942 Сражение у атолла Мидуэй; завоевание Сингапура, Филиппин и Индонезии.

1945 Вторжение на Окинаву (апрель); Потсдамская декларация (июль); бомбежки Хиросимы (6 августа) и Нагасаки (9 августа); формальная капитуляция Японии (15 августа) и ее оккупация союзными силами под командованием генерала Дугласа Макар-тура.

1947 Вступление в силу демократической конституции.

1948 Казнь генерала Тодзе и других лидеров военного времени.

1951 Подписание в Сан-Франциско мирного договора.

1952 Окончание оккупации.

1953 Начало ТВ-вещания.

1954 Создание Сил самообороны.

1955 Основание Либерально-демократической партии.

1956 Принятие Японии в ООН.

1958 Япония создает самый большой в мире нефтяной танкер.

1959 Брак наследного, принца Акихито с девушкой из простой семьи.

1960 Бунты сопровождают пересмотр договора о безопасности с США.

1964 В Токио проводятся Олимпийские игры; Япония вступает в ОЭСР; запуск высокоскорост-

ного поезда.

1967 Численность населения переваливает за отметку в 100 000 000 человек.

1970 Самоубийство Юкио Мисимы; проведение в Осаке выставки «Экспо»; первый промышленный робот.

1972 Окинава возвращается под японский суверенитет; проведение зимних Олимпийских игр в Саппоро; восстановление дипломатических отношений с Китаем.

1973 Первый «нефтяной шок».

1976 Скандал с компанией «Локхид».

1978 Открытие аэропорта Нарита.

1979 Второй «нефтяной шок».

1985 Повышение курса йены на 40% по отношению к доллару США.

1986 «Доклад Маэкавы» призывает открыть японскую экономику для импорта и зарубежных инвестиций.

1988 Япония становится крупнейшей в мире нацией-кредитором и донором; Хонсю и Хоккайдо связывает тоннель Сэйкан.

1989 Смерть императора Сева (Хирохито); скандалы и отставки премьер-министров Такэситы и У но; премьер-министром становится Кайфу Тосики.

1991 Премьер-министром становится Миядзава.

1992 Новый закон позволяет японскому контингенту участвовать под командованием ООН в гуманитарных миссиях за границей.

1993 Брак наследного принца Нарухито и Овады Маса-ко — девушки из простой семьи, делавшей дипломатическую карьеру.

1994 Нобелевская премия по литературе вручается Оэ Кэндзабуро; впервые с 1947 года социалисты входят в правительство; оппозиционные реформистские партии объединяются для создания блока Синсинто (Партия нового прогресса).

1995 Землетрясение в Кобэ, потери оцениваются в 6000 человек; религиозная секта Аум Синрике пускает в токийском метро паралитический газ, двенадцать человек погибли и пять тысяч пострадали; император Акихито и премьер-министр Маруяма приносят публичные извинения за действия Японии в военное время.

1996 Скандалы из-за инцидентов с ядерной энергией, заражением ВИЧ в больнице, торговли медью, пищевыми отравлениями; низкая явка избирателей на выборах отразила разочарование людей в текущей политике.

1997 - 1998 В экономике Японии зафиксирован

«отрицательный рост».

1998 Зимние Олимпийские игры в Нагано.

1999 Рекорд в сфере мировых слияний и поглощений: компания «Cable and Wireless» приобретает 53% акций компании «International Digital Communication» — первое успешное враждебное поглощение в истории Японии; компания «Рено» становится крупнейшим акционером «Ниссан»; реформа министерств предусматривает 10-процентное сокращение бюрократии за десять лет.

2000 Япония проводит саммит G-8 («Большой восьмерки») на Окинаве; цены на землю падают девятый год подряд; Такахаси Наока выигрывает в Сиднее олимпийский марафон среди женщин — первая женщина из Японии, завоевавшая золотую медаль в легкой атлетике.

2001 Неожиданная победа на выборах на пост президента ЛДП Дзюнъитиро Коидзуми; у наследного принца Нарухито и принцессы Масако рождается дочь, Айко Тосиномия.

2002 Дзюнъитиро Коидзуми становится первым японским премьер-министром, посетившим Северную Корею.

2004 Японские солдаты направлены в Ирак для несения службы в зоне боевых действий — впервые с 1945 года; Япония получает постоянное

место в Совете Безопасности ООН.

2005 Замалчивание японскими учебниками зверств японцев в Китае в военное время спровоцировало в Китае жестокие антияпонские протесты.

Императоры и императрицы

Даты правления первых двадцати восьми суверенов взяты из «Нихон секи». Первые четырнадцать правителей считаются легендарными; о следующих четырнадцати хотя и известно, что они были реальными людьми, но точные даты их правления не ясны. Там, где даты действительного восшествия на трон и формальной коронации отличались друг от друга, последние взяты в скобки. Если известна только дата коронации, она дается в скобках. Даты правления Антоку (1180-1185) совпадают с датами правления Го-Тоба, поскольку последний был посажен на трон кланом Минамото после того, как соперничавший с ними клан Тайро утвердил у власти Антоку.

Дзимму	(660)–585 гг. до н. э.
Суйдзэй	(581)–549 гг. до н. э.
Аннэй	549–511 гг. до н. э.
Итоку	(510)–477 гг. до н. э.
Косе	(475)–393 гг. до н. э.
Коан	(392)–291 гг. до н. э.
Корэй	(290)–215 гг. до н. э.
Когэн	(214)–158 гг. до н. э.
Кайка	158–98 гг. до н. э.
Судзин	(97)–30 гг. до н. э.
Суйнин	(29 г. до н. э.)–70 г. н. э.
Кэйко	(71)–130

Сэйму	(131)–190
Тюай	(192)–200
Дзингу Кого (регент)	201–269
Одзин	(270)–310
Нинтоку	(313)–399
Ритю	(400)–405
Хандзэй	(406)–410
Инге	(412)–453
Анко	453–456
Юряку	456–479
Сэйнэй	(480)–484
Кэндзо	(485)–487
Нинкэн	(488)–498
Бурэцу	498–506
Кэйтай	(507)–531
Анкан	531 (534)–535
Сэнка	535–539
Киммэй	539–571
Бидацу	(572)–585
Емэй	585–587
Сусюн	587–592
Суйко (императрица-регент)	593–628
Дземэй	(629)–641
Когеку (императрица-регент)	(642)–645
Котоку	645–654
Саймэй (императрица-регент, сменила Когеку)	(655)–661
Тэндзи	661 (668)–672
Кобун	672
Тэмму	672 (673)–686
Дзито (императрица-регент)	686 (690)–697
Мому	697–707
Гэммэй (императрица-регент)	707–715

Гэнсе (императрица-регент)	715–724
Сему	724–749
Кокэн (императрица-регент)	749–758
Дзюннин	758–764
Сетоку (сменил императрицу-регента Кокэн)	764 (765)–770
Конин	770–781
Камму	781–806
Хэйдзэй	806–809
Сага	809–823
Дзюнна	823–833
Нимме	833–850
Монтоку	850–858
Сэйва	858–876
Едзэй	876 (877)–884
Коко	884–887
Уда	887–897
Дайго	897–930
Судзаку	930–946
Мураками	946–967
Рэйдзэй	967–969
Энъю	969–984
Кадзан	984–986
Итидзе	986–1011
Сандзе	1011–1016
Го-Итидзе	1016–1036
Го-Судзаку	1036–1045
Го-Рэйдзэй	1045–1068
Го-Сандзе	1068–1072
Сиракава	1072–1086
Хорикава	1086–1107
Тоба	1107–1123
Сутоку	1123–1141
Коноэ	1141–1155
Го-Сиракава	1155–1158

Нидзе	1158–1165
Рокудзе	1165–1168
Такакура	1168–1180
Антоку	1180–1185
Го-Тоба	1183 (1184)–1198
Цутимикадо	1198–1210
Дзюнтоку	1210 (1211)–1221
Тюке	1221
Го-Хорикава	1221 (1222)–1232
Сидзе	1232 (1233)–1242
Го-Сага	1242–1246
Го-Фукакуса	1246–1259/60
Камэяма	1259/60–1274
Го-Уда	1274–1287
Фусими	1287 (1288)–1298
Го-Фусими	1298–1301
Го-Нидзе	1301–1308
Ханадзоно	1308–1318
Го-Дайго	1318–1339
Го-Мураками	1339–1368
Токэй	1368–1383
Го-Камэяма	1383–1392

Северный двор

Когон	1331 (1332)–333
Коме	1336 (1337/38)–1348
Суко	1348 (1349/50)–351
Го-Когон	1351 (1353/54)–1371
Го-Энъю	1371 (1374/75)–1382
Го-Комацу	1382–1392
Го-Комацу	1392–1412
Секо	1412 (1414)–1428
Го-Ханадзоно	1428 (1465/66)–1464
Го-Цутимикадо	1464 (1465/66)–1500
Го-Касивабара	1500 (1521)–1526
Го-Нара	1526 (1536)–1557

Огимати	1557 (1560)–1586
Го-Едзэй	1586 (1587)–1611
Го-Мидзуно	1611–1629
Мэйсе (императрица-регент)	1629 (1630)–1643
Го-Коме	1643–1654
Го-Сай	1654/55 (1656)–1663
Рэйгэн	1663–1687
Хигасияма	1687–1709
Накамикадо	1709 (1710)–1735
Сакурамати	1735–1747
Момодзоно	1747–1762
Го-Сакурамати (императрица-регент)	1762 (1763)–1771
Го-Момодзоно	1771–17 79
Кокаку	1780–1817
Нинко	1817–1846
Комэй	1846 (1847)–1866
Мэйдзи, личное имя Мацухито, эпоха Мэйдзи	1867 (1868)–1912
Тайсе, личное имя Есихито, эпоха Тайсе	1912 (1915)–1926
Киндзе, личное имя Хирохито, эпоха Сева	1926 (1928)–1989
Акихито, личное имя, эра Хэйсэй (получит имя Хэйсэй посмертно)	1989 (1990)–

Премьер-министры,

Имя	Начало полномочий	Окончание полномочий	Партия
Ито Хиробуми первый срок	22 дек. 1885	30 апр. 1888	нет
Курода Киётаки	30 апр. 1888	25 окт. 1889	нет
Сандзе Санэтоми	25 окт. 1889	24 дек. 1889	нет
Ямагата Аритомо первый срок	24 дек. 1889	6 мая 1891	нет
Мацуката Масаеси	6 мая 1891	8 авг. 1892	нет
Ито Хиробуми второй срок	8 авг. 1892	31 авг. 1896	нет
Мацуката Масаеси второй срок	18 сент. 1896	12 янв. 1898	нет
Ито Хиробуми третий срок	12 янв. 1898	30 июня 1898	нет
Окума Сигэнобу первый срок	30 июня 1898	8 ноября 1898	Кэнсэйто
Ямагата Аритомо второй срок	8 ноября 1898	19 окт.	нет
Ито Хиробуми четвертый срок	19 окт. 1900	10 мая 1901	Риккэн Сэйюкай

Кацура Таро первый срок	2 июня 1901	7 янв. 1906	нет
Сайондзи Киммоти второй срок	7 янв. 1906	14 июля 1908	Риккэн Сэйюкай
Кацура Таро второй срок	14 июля 1908	30 авг. 1911	нет
Сайондзи Киммоти второй срок	30 авг. 1911	21 дек. 1912	Риккэн Сэйюкай
Кацура Таро третий срок	21 дек. 1912	20 февр. 1913	нет
Ямамото Гонбэй первый срок	20 февр. 1913	16 апр. 1914	Риккэн Сэйюкай
Окума Сигэнобу второй срок	16 апр. 1914	9 окт. 1916	Риккэн Досикай
Тэраути Масатакэ	9 окт. 1916	29 сент. 1918	нет
Хара Такаси	29 сент. 1918	4 ноября 1921	Риккэн Сэйюкай
Такахаси Корэкие	13 ноября 1921	12 июня 1922	Риккэн Сэйюкай
Като Томосабуро	12 июня 1922	24 авг. 1923	Национальный союз
Ямамото Гонбэй второй срок	2 сент. 1923	7 янв. 1924	Национальный союз
Киёура Кэйго	7 янв. 1924	11 июня 1924	нет
Като Такааки	11 июня 1924	2 авг. 1925	Кэнсэйто, Риккэн Сэйюкай и Клуб Какусин
Като Такааки	2 авг. 1925	28 янв. 1926	Кэнсэйто
Вакацуки Рэйдзиро второй срок	30 янв. 1926	20 апр. 1927	Кэнсэйто

Танака Гиити	20 апр. 1927	2 июля 1929	Риккэн Сэйюкай
Хамагути Осати	2 июля 1929	14 апр. 1931	Риккэн Минсэйто
Вакацуки Рэйдзиро второй срок	14 апр. 1931	13 дек. 1931	Риккэн Минсэйто
Инукай Цуеси	13 дек. 1931	16 мая 1932	Риккэн Сэйюкай
Сайто Макото	26 мая 1932	8 июля 1934	Национальный союз
Окада Кэйсукэ	8 июля 1934	9 марта 1936	Национальный союз
Хирота Коки	9 марта 1936	2 февр. 1937	Национальный союз
Хаяси Сэндзиро	2 февр. 1937	4 июня 1937	Национальный союз
Коноэ Фумимаро первый срок	4 июня 1937	5 янв. 1939	Национальный союз
Хиранума Киитиро	5 янв. 1939	30 авг. 1939	Национальный союз
Абэ Нобуюки	30 авг. 1939	16 янв. 1940	Национальный союз
Енай Мицумаса	16 янв. 1940	22 июля 1940	Национальный союз
Коноэ Фумимаро второй срок	22 июля 1940	18 июля 1941	Тайсэй скусанкай

Коноэ Фумимаро третий срок	18 июля 1941	18 окт. 1941	Тайсэй екусанкай
Тодзе (Тодзио) Хидэки	18 окт. 1941	22 июля 1944	нет
Койсо Куниаки	22 июля 1944	7 апр. 1945	нет
Судзуки Кантаро	7 апр. 1945	17 авг. 1945	Национальный союз
Принц Нарухико Хигасикуни	17 авг. 1945	9 окт. 1945	Национальный союз
Сидзхара Кидзуро	9 окт. 1945	22 мая 1946	Национальный союз
Есида Сигэру первый срок	22 мая 1946	24 мая 1947	Либеральная
Катаяма Тэцу	24 мая 1947	10 марта 1948	Социалистическая партия Японии
Асида Хитоси	10 марта 1948	1948	Демократическая
Есида Сигэру второй срок	15 окт. 1948	16 февр. 1949	Либеральная
Есида Сигэру третий срок	16 февр. 1949	30 окт. 1952	Либеральная
Есида Сигэру четвертый срок	30 окт. 1952	21 мая 1953	Либеральная
Есида Сигэру пятый срок	21 мая 1953	10 дек. 1954	Либеральная
Хатояма Итиро первый срок	10 дек. 1954	19 марта 1955	Демократическая
Хатояма Итиро второй срок	19 марта 1955	22 ноября 1955	Демократическая

Хатояма Итиро третий срок	22 ноября 1955	23 дек. 1956	ЛДП
Исибаси Тандзан	23 дек. 1956	25 февр. 1957	ЛДП
Киси Нобусукэ первый срок	25 февр. 1957	12 июня 1958	ЛДП
Киси Нобусукэ второй срок	12 июня 1958	19 июля 1960	ЛДП
Икэда Хаято первый срок	19 июля 1960	8 дек. 1960	ЛДП
Икэда Хаято второй срок	8 дек. 1960	9 дек. 1963	ЛДП
Икэда Хаято третий срок	9 дек. 1963	9 ноября 1964	ЛДП
Сато Эйсаку первый срок	9 ноября 1964	17 февр. 1967	ЛДП
Сато Эйсаку второй срок	17 февр. 1967	14 янв. 1970	ЛДП
Сато Эйсаку третий срок	14 янв. 1970	7 июля 1972	ЛДП
Танака Какуэй первый срок	7 июля 1972	22 дек. 1972	ЛДП
Танака Какуэй второй срок	22 дек. 1972	9 дек. 1974	ЛДП
Мики Такэо	9 дек. 1974	24 дек. 1976	ЛДП
Фукуда Такэо	24 дек. 1976	7 дек. 1978	ЛДП
Охира Масаеси первый срок	7 дек. 1978	9 ноября 1979	ЛДП
Охира Масаеси второй срок	9 ноября 1979	12 июня 1980	ЛДП
Судзуки Дзэнко	17 июля 1980	27 ноября 1982	ЛДП
Накасонэ Ясухиро первый срок	27 ноября 1982	27 дек. 1983	ЛДП

Накасонэ Ясухиро второй срок	27 дек. 1983	22 июля 1986	ЛДП
Накасонэ Ясухиро третий срок	22 июля 1986	6 ноября 1987	ЛДП
Такэсита Нобору	6 ноября 1987	3 июня 1989	ЛДП
Уно Сосукэ	3 июня 1989	10 авг. 1989	ЛДП
Кайфу Тосики первый срок	10 авг. 1989	28 февр. 1990	ЛДП
Кайфу Тосики второй срок	28 февр. 1990	5 ноября 1991	ЛДП
Миядзава Киити	5 ноября 1991	9 авг. 1993	ЛДП
Хосокава Морихиро	9 авг. 1993	28 апр. 1994	Новая Япония
Хата Цутому	28 апр. 1994	30 июня 1994	Партия обновления
Мураяма Томиити	30 июня 1994	11 янв. 1996	Социалистическая партия Японии
Хасимото Рютаро первый срок	11 янв. 1996	7 ноября 1996	ЛДП
Хасимото Рютаро второй срок	7 ноября 1996	30 июля 1998	ЛДП
Обути Кэйдзо	30 июля 1998	5 апр. 2000	ЛДП
Мори Йосиро первый срок	5 апр. 2000	4 июля 2000	ЛДП
Мори Йосиро второй срок	4 июля 2000	26 апр. 2001	ЛДП
Коидзуми Дзюньитиро первый срок	26 апр. 2001	19 ноября 2003	ЛДП

Коидзуми Дзюнъитиро второй срок	19 ноября 2003	21 сент. 2005	ЛДП
Коидзуми Дзюнъитиро третий срок	21 сент. 2005	26 сент. 2006	ЛДП
Абэ Синдзо	26 сент. 2006	26 сент. 2007	ЛДП
Фукуда Ясуо	26 сент. 2007	24 сент. 2008	ЛДП
Асо Таро	24 сент. 2008	ныне в должности	ЛДП

Для *дальнейшего чтения*

Путеводители

*Kanno Eiji and Constance O'Keefe.***New Japan Solo (Kodansha, 1988) .**

*Ian McQueen.***Japan: A Travel Survival Kit (Lonely Planet, 1989) .**

James K. Weatherley. **Japan Unescorted (Kodansha, 1986).**

Jim Rickman. Japan **for the Impoverished (Borgnan, 1995).** *Harry Guest.* **Traveller's Literary Companion: Japan (In Print, 1994).**

Издательства и авторы

Англоязычные издательства, специализирующиеся на книгах о Японии: Kodansha, Weatherhikk, Tuttle.

Британские издательства: The Athlone Press, In Print, The Japan Library.

Авторы: Sir George Sansom (дипломат), Sir Hugh Cortazzi (дипломат), W.G. Beasley (история), R.P. Dore (социология), Donald Keene (литература и искусство), Oliver Statler (исто-

рия), Boye de Mente (бизнесмен), George Fields (бизнесмен), Peter Tasker (потребительское поведение), журналисты — Jean Pearce, Paul Meredith Smith, Rick Kennedy.

Справочные работы

Классическая англоязычная работа в восьми томах *Kodansha Encyclopedia of Japan* **(Kodansha, 1983; supplement, 1986).**

Познавательная карманная энциклопедия, выдержавшая дюжину переизданий с 1894 года: *Basil Hall Chamberlain.* **Things Japanese. В 1971 года издана в репринте, с тех пор вышло еще восемнадцать изданий, что подтверждает ее актуальность.**

Крупноформатная справочная работа, организованная по типу словаря, особенно ценно описание традиционной культуры: *Dorothy Perkins.* **Encyclopedia of Japan: Japanese History and Culture, from Abacus to Zori (Roundtable Press, 1991).**

Аналогичный формат, но книга более современная и с уклоном в бизнес: *Boye de Mente.* **Everything Japanese (Harrap, 1989).**

Объемная справочная работа *The Cambridge Encyclopedia of Japan* **(Cambridge University**

Press, 1993) под редакцией *Richard Bowring*, *Peter Komicki.*

Общая панорама японской истории, с прекрасными иллюстрациями в виде цветных фотографий и карт: Cultural Atlas of Japan (Phaidon, 1988); составители — *Martin Collcutt*, *Marius Jansen*, *Isao Kumakura.*

Перечень и краткая аннотация практически ко всем значительным академическим работам на английском языке: *Richard Perren.* **Japanese Studies from pre-history to 1990: A bibliographical guide (Manchester University Press, 1992).**

Полезная настольная книга: *Boye de Mente.* **Japan Encyclopaedia (Passport Books, 1995).**

Рекомендуемая литература

Историческая литература

Sir Hugh Cortazzi. **The Japanese Achievement (Sidgwick and Jackson, 1990). Книга основывается на последних исторических изысканиях и много внимания уделяет литературе и искусствам; содержит хорошие словарь и библиографию.**

Sir George Sansom. **Japan: A Short Cultural History (1931). Содержит массу подробностей и, хотя**

заканчивается рассказом о периоде Эдо, по-прежнему является великолепным чтением. Можно дополнить также чтением работы *W. G. Beasley.* **The Rise of Modem Japan (Weidenfeld and Nicolson, 1990), которая намного легче усваивается, чем подразумевает статус стандартной книги для выпускников университетов.**

Conrad Totman. **Japan before Perry: A Short History (California University Press, 1981). Посвящена той же теме, что и выше указанная работа Сэнсома.**

Janet Hunter. **The Emergence of Modern Japan: An Introductory History Since 1853 (Longman, 1989). Предлагает необычную перспективу благодаря тематическому разделению на главы об урбанизации, женщинах, религии, военных и т. д.**

Oliver Statler. **Japanese Inn (Random House, 1961; Pyramid, Picador etc.). Очаровательные, насыщенные информацией описания Японии с 1590-х и до 1950-х годов, подаваемые как остановки и путешествия в** *риокан* **на Токайдо.**

Sir Sidney Giffard. **Japan Among the Powers 1890-1990 (Yale University Press, 1994). Точное и элегантное исследование бывшего британского посла.**

Carol R. Gluck, Stephen R. Graubard. **Showa: The**

Japan of Hirohito (W. W. Norton, 1992). Масштабное исследование периода 1926-1989 годов.

Литература о современной Японии

Ardath W. Burks, /**apan: A Postindustrial Power (Westview Press, 1991);** *Edwin O. Reischauer.* **The Japanese Today (Belk-nap\Harvard, 1988). Краткие работы, содержат много исторических отсылок. Еще одна небольшая работа:** *Roger Buckley.* **Japan Today (Cambridge University Press, 1990).**

Louis D. Hayes, **introduction to Japanese Politics (Paragon House, 1992). Охват книги шире, чем может показаться из ее названия.**

Thomas Crump. **The Death of an Emperor (Oxford University Press ,1991). Книга также выходит за рамки своего названия.**

Peter Tasker. **Inside Japan: Wealth, Work and Power in the new Japanese Empire (Penguin, 1989). Отчет о Японии английского банкира.**

Ezra Vogel. **Japan as № 1: Lessons for America (Tuttle, 1980). Книга, ставшая бестселлером в Японии. Обращает внимание на низкий уровень преступности и высокую производительность в японском обществе.**

Межкультурные исследования

Sir George Sansom. **The Western World and Japan: A Study in the Interaction of European and Asiatic Cultures (Knopf, 1950). Первая работа такого рода, остающаяся классикой.**

Endymion Wilkinson. **Japan versus the West (Penguin, 1991). Книга дипломата, рассматривающая текущие трения в свете предыдущих четырех веков соперничества.**

Marie Conte-Helm.Jzpan **and the North-East of England: From 1862 to the Present Day (Athlone Press, 1989). Необычное и вдохновенное полевое исследование.**

Edwin O. Reischauer. **The United States and Japan (Knopf, 1981). Книга известного специалиста, бывшего посла США в Японии.**

Haru Matsukata Reischauer. **Samurai and Silk: A Japanese and American Heritage (Tuttle, 1987). Захватывающая двойная биография дедушек автора: жизнеописания официального должностного лица эпохи Мэйдзи и пионера торговли шелком с США.**

Общество и стиль жизни

Paul Meredith Smith. **Nihonsense (The Japan Times, 1987). Содержит сотню кратких, не лишенных юмора эссе о том, почему японцы едят клубничные сэндвичи, по-прежнему используют счеты, салютуют поездам, снимают отпечатки пальцев у иностранцев и надевают перед сном тортики.**

Jo Eastwood. **100% Japanese (The Japan Times, 1989). Освещает во многом те же самые вопросы, но со статистическими дополнениями (например: 79,4% домохозяек говорят, что посылают подарки соседям, если те болеют; 93% мужчин, посещающих общественные бани, любят садиться в самом ближнем к двери уголке). Книга неизменно входит в число бестселлеров в Японии, подтверждая тем самым беспокойство японцев по поводу следования социальным нормам (96,5% японцев оплачивают штрафы за неправильную парковку).**

Cherry Kittredge. **Womansword (Kodansha, 1987). Женский взгляд на идиомы о женщинах и используемые женщинами.**

George Fields. **From Bonsai to Levis (Macmillan, 1983); Gucci on the Ginza: Japan's New Consumer**

Generation (Kodansha, 1988). Книги маркетолога, содержащие забавные наблюдения о поведении японских потребителей.

Joseph J. Tobin. **Re-made in Japan: Everyday Life and Consumer Taste in a Changing Society (Yale University Press, 1992). Содержит около дюжины описаний таких феноменов как шоппинг, рестораны, питье, принятие ванны и Диснейленд.**

Ruth Benedict. **The Chrysanthemum and the Sword: Patterns of Japanese Culture (Seeker and Warburg, 1947). Книга американского антрополога, первоначально написанная как пособие для оккупационных властей; рассматривает радикальные парадоксы японского поведения, описывает существование «ситуационной этики». Считается классическим исследованием и выдержала множество переизданий.**

Doi Takeo. **The Anatomy of Dependence (Kodansha, 1973). Интерпретация психиатром происхождения «групповой зависимости» у японцев.**

Nakane Chie. **Japanese Society (Penguin, 1973). Рассматривает «вертикальные отношения» в японском обществе.**

Joy Hendry. **Understanding Society (Croom Helm,**

1987). Анализ современного японского общества.

Joy Hendry. **Becoming Japanese: The World of the Pre-School Child (Manchester University Press, 1986). Отнюдь не «технический» отчет, основанный на личной вовлеченности автора в жизнь детской игровой площадки во время полевой работы в Японии.**

Joy Hendry. **Wrapping Game: Politeness, Presentation and Power in Japan and Other Societies (Oxford University Press, 1993). Объяснение архитектуры, языка и самого японского общества.**

Nicholas Bomoff. **Pink Samurai: An Erotic Exploration of Japanese Society (Grafton, 1992). Описание японской секс-индустрии.**

Ian Brown. **A Japanese Mirror: Heroes and Villains of Japanese Culture (Penguin, 1986). Эрудированное и остроумное сопоставление сексуальных архетипов с долгосрочными культурными трендами, а также их отражение в литературе, драме и кинематографе.**

R. P. Dore. **Shinohata: A Portrait of a Japanese Village (Pantheon, 1978). Социологический анализ без специальной терминологии.**

Dr. Junichi Saga. **Memories of Silk and Straw:**

A Self-Portrait of Small-Town Japan (Kodansha, 1990). Книга, основанная на записанных интервью и получившая литературную премию.

O-Young Lee. **The Compact Culture (Kodansha, 1984). Объясняет значение миниатюр в традиционной культуре и современные технологии производства.**

Ann Waswo. **Modern Japanese Society 1868-1994 (Oxford University Press, 1996). Полезный синтез современных научных исследований.**

О специфических культурных феноменах Японии также можно прочесть:

Rand Castile. **The Way of Tea (Weatherhill, 1979).**

Peter Grilli, Dana Levy. **Furo: The Japanese Bath (Kodansha, 1985).**

Hiroshi Kondo. **Sake: A Drinker's Guide (Kodansha, 1984).**

Jill Lidell. **The Story of the Kimono (E. P. Dutton, 1989).** *Omae Kinjiro, Tachibana Yuzuru.* **The Book of Sushi (Kodansha, 1982).**

Donald Richie. **The Japanese Movie (Kodansha revised ed., 1982).** *F. L. Schodt.* **Manga Manga: The World of Japanese Comics (Kodansha, 1983).**

L. Scharnoff. **Grand Sumo: The Living Sport and Tradition (Weatherhill, 1989).**

Литература о знаменитых местах и о том, что стоит знать перед поездкой в Японию

Paul Waley. **Tokyo: City of Stories (Weatherhill, 1991). Книга о некоторых мало известных местах национальной столицы.**

EdwardSeidensticker. **Low City: High City (Knopf ,1983). Описывает стремительный рост Токио в 1867-1923 годах;** *Tokyo Rising* **(Knopf, 1990). Продолжение истории от того же автора.**

Philip Ward. **Japanese Capitals (Oleander Press, 1985). Гид по самым известным местам Токио, Киото и Нары.**

Lesley Downer. **On the Narrow Road to the Deep North (Sceptre, 1990). Воссоздает знаменитую одиссею поэта Басе.**

Alan Booth. **The Roads to Sata. Путешествие от одного края Японии до другого.**

Lisa Martineau. **Caught in a Mirror, Reflections of Japan (Mac-millian, 1993). Книга о путешествии и истории, также содержит интересные проницательные наблюдения.**

Книги других путешественников:

Fosco Maraini. **Meeting with Japan (Hutchinson,**

1959).

Pearl S. Buck. **The People of Japan (Robert Hale, 1966).**

George Mikes. **Land of the Rising Yen (Andre Deutsch, 1970).** *Charles A. Fisher.* **Three Times a Guest (Cassell, 1979).**

John David Morley. **Pictures from the Water Trade (A1к1гё Deutsch, 1985).**

David Scott. **Samurai and Cherry Blossom: A Journey to Modern Japan Along the Ancient Tokaido (Century, 1987).**

Jo Stewart Smith. **In the Shadow of Fuji-san: Japan and its Wildlife (Viking\Rainbird, 1987).**

Boye De Mente. **Japan Made Easy: All You Need to Know to Enjoy Japan (Passport Books, 1990). Кладезь полезной информации и ценных советов о том, как *лучше* путешествовать, питаться и где найти самые красивые виды Японии.**

Helmut Morsbach. **Simple Etiquette in Japan (Paul Norbury Publications, 1984). Карманная книга ценных советов для непосвященных в тонкости японского этикета.**

Donald Richie. **A Taste of Japan: Customs and Etiquette (Ko-dansha, 1985). Более подробная информация о японских традициях и этикете.**

John Randle, Mariko Watanabe. **Coping with Japan**

(Basil Black-well, 1985). Масса полезной информации и советов для тех, кто собирается жить в Японии; лучше всего покупать последнее из изданий.

Искусства и ремесла

Joan Stanley Baker. **Japanese Art (Thames and Hudson, 1984);** *Hugo Munsterberg.* **The Arts of Japan: An Illustrated History (Tuttle, 1973). Хорошие общие обзоры.**

John Reeve. **Living Arts of Japan (British Museum Publications, 1990). Великолепно иллюстрированное введение в японское искусство.**

Siegfried Wichmann. **Japonisme (Thames and Hudson, 1981). Подробно рассматривается влияние японского искусства на Запад.**

Heibonsha Survey of Japanese Art (Weatherhill). Тридцать один том о различных аспектах японского искусства.

Биографии деятелей культуры и искусства

Henry Scott Strokes. **The Life and Death of Yukio Mishima (Tuttle, 1975).**

Kurosawa Akira. **5omething Like an Autobiography (Knopf,**

1982).

Bernard Leach. **Hamada, Potter (Kodansha, 1975).**

Barbara Adachi. **The Living Treasures of Japan (Kodansha, 1973).**

О специфических ремеслах

Timothy Barrett. **Japanese Papermaking (Weatherhill, 1983).** *Raymond Bushell.* **The Inro Handbook (Weatherhill, 1983).**

W. H. Coaldrake. **The Way of the Carpenter (Weatherhill, 1990).** *Sukey Hughes.* **Washi: The World of Japanese Paper (Kodansha, 1978).**

Lorraine Kuck. **The World of the Japanese Garden (Weatherhill, 1968).**

Seike Kiyosi. **The Art of Japanese Joinery (Weatherhill, 1977).**

Бизнес-литература

Boye De Mente. **How to do Business with the Japanese: A Complete Guide to Japanese Customs and Business Practices (NTC Business Books, 1989). Книга об особенностях бизнеса в Японии.**

The Economist Business Traveller's Guide: Japan **(The Ecjnomist Publications, 1991). Предлагает**

сжатое и надежное описание делового ландшафта плюс советы относительно отелей, ресторанов, путешествий по стране и т. д.; необходимо приобретать последнее издание.

Ishinomari Shotaro. **Japan Inc. (The Comic Book): An Introduction to Japanese Economics. Необычный обзор, изданный японским эквивалентом «Уолл-стрит джорнел» (Nihon Keizai Shim-bun Inc., 1988).**

James V. Reilly. **Everything You Ever Wanted to Know about Business Otsukiai: A Guide to Japanese Business Protocol (NTT Mediascope, 1990). Книга о деловом этикете: приветствиях и деловых встречах, сетевой работе, подарках, развлечениях и др.**

Japanese Business Glossary (Toyo-Keizai-Shinposha). Издание Mitsubishi Corporation; два деловых словаря карманного формата.

Robert M. March. **The Honourable Customer: Marketing and Selling to the Japanese in the 1990s (Pitman, 1990). Систематический анализ, основанный на обширных познаниях и практическом опыте автора.**

James C. Abegglen, George Stalk. **Kaisha: The Japanese Corporation (Harper and Row, 1986);** *Rodney Clark.* **The Japanese Company (Yale**

University Press, 1979). Классические исследования организации бизнеса.

R. P. Dore. **British Factory: Japanese Factory (Allen and Unwin, 1973). Интересный сравнительный анализ отрасли электротоваров.**

Chalmere Johnson. **MITI and the Japanese Miracle: The Growth of Industrial Policy 1925-1975 (Tuttle, 1986). Подробное исследование деятельности могущественного министерства международной торговли и промышленности.**

J. Hirschmeier, T. Yui. **The Development of Japanese Business 1600-1973 (Allen and Unwin, 1979). Синтез академических исследований.**

R. S. Milward. **Japan: The Past in the Present (Paul Norbury Publications, 1979). Попытка анализа японского бизнеса через обобщение исторических основ.**

F. L. Schodt. **Inside the Robot Kingdom: Japan, Mechatronics and the Coming Robotopia (Kodansha, 1988). Футурология.**

Phillip Oppenheim. **The New Masters: Can the West Match Japan? (Business Book Ltd., 1991). Попытка обзора прошлого и настоящего Японии; содержит обсуждение политических возможностей для бизнеса и правительства.**

Ito Takatoshi. **The Japanese Economy (MIT Press,**

1992). Разносторонний университетский учебник.

Katayama Osamu. **Japanese Business into the 21st Century: Strategies for Success (The Athlone Press, 1996). Корпоративные исследования различных секторов экономики.**

Ранняя история

J. E. Kidder. **Ancient Japan (Phaidon, 1977);** *Rose Hempel.* **The Heian Civilization of Japan (Phaidon, 1983). Прекрасно иллюстрированные обзоры.**

Ivan Morris. **The World of Shining Prince (Penguin, 1964). Завораживающее описание жизни хэйанского двора.**

Oliver Statler. **Japanese Piligrimage (Tuttle, 1984). Книга о знаменитом Кукае (Кобо Дайси), его необычной жизни и феномене странничества.**

Эпоха воинов

Louis Frederic. **Daily Life at the Time of Samurai 1185-1603 (Tuttle, 1973). Довольно широкий общий обзор.**

Stephen Turnbull. **Samurai Warriors (Blanford Press, 1987);** *Stephen Turnbull.* **The Samurai: A Military History (George Philip, 1987). Тщательно**

иллюстрированные, подробные книги о сражениях и исторических деятелях от эксперта в данном вопросе.

Richard Storry. **The Way of the Samurai (Putnam, 1978);** *Shimizu Yoshiaki.* **Japan: The Shaping of Daimyo Culture 1185-1868 (George Braziller Inc., 1989). Более подробные книги на ту же тему.**

Христианское столетие

Charles Boxer. **The Christian Century in Japan (Cambridge University Press, 1951). Классическая работа, которую по-прежнему читают с большим удовольствием.**

Derek Massarella. **A World Elsewhere: Europe's Encounter with Japan in the 16th & 17th centuries (Yale University Press, 1990). Более современная работа на ту же тему.**

Michael Cooper. **They Came to Japan: An Antology of European Reports on Japan 1543-1640 (California University Press, 1981). Чрезвычайно увлекательная книга.**

Michael Cooper. **Rodrigues the Interpreter (Weatherhill, 1974). Биография одного из главных иезуитов.**

A. L. Sadler. **The Maker of Modern Japan: The Life of Shogun Tokugawa Ieyasu (1937; Tuttle, 1978).**

Биография Иэясу.

Richard Tames. **Servant of the Shogun (Paul Norbury Publications, 1981\St Martin's Press, 1983). Биография Уильяма Адамса.**

Период Эдо

Charles Dunn. **Everyday Life in Traditional Japan (Batsford 1969). Живое описание общего плана.**

Stephen and Ethel Longstreet. **Yoshiwara: The Pleasure Quarters of Old Tokyo (Yenbooks, 1988). Описание «плывущего мира».**

R. P. Dore. **Education in Tokugawajapan (Athlone Press, 1981). Содержание книги шире, чем следует из ее названия.**

Donald Keene. **World Within Walls (Grove Press, 1987). Общий обзор литературы периода.**

Donald Keene. **Bunraku: The Art of the Japanese Puppet Theatre (Kodansha, 1965); Major plays of Chikamatsu (Columbia University Press, 1964); Rangaku — The Japanese Discovery of Europe (Kegan Paul, 1952). Подробные работы об этом же периоде того же автора.**

James Michener. **The Floating World (Random House, 1954);** *Hugo Munsterberg.* **The Japanese Print: A Historical Guide (Weatherhill, 1982). Популярные книги, в которых искусство увя-**

зывается с историческим окружением.

Период Мэйдзи

Pat Barr. **The Coming of the Barbarians (Macmillan, 1967). На основе современных источников описывается период 1853— 1870 годов.**

Pat Barr. **The Deer Cry Pavilion (Macmillan, 1968). Книга того же автора, описание периода 1868-1905 годов.**

Jean Pierre Lehmann. **The Image of Japan: From Feudal Isolation to World Power 1850-1905 (Allen and Unwin, 1978). Анализ реакции Запада на японскую модернизацию.**

HazelJones. **Live Machines: Hired Foreigners and Meiji Japan (Paul Norbury Publications, 1980). Анализ феномена** *ятои.*

Richard Tames. **Encounters with Japan (Alan Sutton, 1991). Книга, основанная на воспоминаниях британских и американских путешественников; содержит много современных фотографий.**

Robert A. Rosenstone. **Mirror in the Shrine: American Encounters with Meiji Japan (Harvard University Press, 1988). Описывает опыт У. Гриффиса, Э. С. Морзе и Лафкадио Херна.**

Биографии других людей

Pat Barr. **A Curious Life for a Lady: the story of Isabella Bird (Macmillan, 1970).**

Carmen Blacker. **The Japanese Enlightenment: A Study of the Writings of Fukuzawa Yukichi (Cambridge University Press, 1964).**

Hugh Cortazzi. **Dr Willis in Japan 1862-1877: British Medical Pioneer (Athlone Press, 1965).**

Hugh Cortazzi, *George Webb.* **Kipling's Japan: Collected Writings (Athlone Press, 1988).**

L. K. Herbert-Gustar, P. A. Nott. **John Milne, Father of Modern Seismology (Paul Norbury Publication, 1980).**

Victoria Manthorpe **(***ed.***). The Japan Diaries of Richard Gordon Smith (Viking\Rainbird, 1986).**

Kenneth Strong. **Ox Against the Storm: Tanaka Shozo, Japan's Pioneer Conservationist (Paul Norbury Publications, 1977).**

Империя и война

W. G. Beasley. **Japanese Imperialism 1894-1945 (Oxford University Press, 1987). Авторитетное сжатое изложение.**

Richard Storry. **The Double Patriots (Greenwood**

Press, 1973). Классическое исследование ультранационалистического экстремизма.

Stephen Howarth. **Morning Glory (Hamish Hamilton, 1983). История Императорского военно-морского флота.**

Fifty Years of Light and Dark. The Hirohito Era (Mainichi Daily News, 1975); *Kawahara Toshiaki.* **Hirohito and his Times (Kodansha, 1990);** *Akira Iriye.* **7he Origins of the Second World War in Asia and the Pacific (Longman, 1987);** *Akira Iriye.* **Power and Culture: The Japanese-American War 1941-1945 (Princeton University Press, 1981). События тех лет с точки зрения японцев.**

Pacific War Research Society. Japan's Longest Day (Kodansha, 1968). Хроника окончания войны.

Robert J. C. Butow. **Tojo and the Coming of the War (Stanford University Press, 1961). Анализ роли личности в истории.**

John Toland. **The Rising Sun: The Decline and Fall of the Japanese Empire 1936-1945 (Random House, 1970);** *John Costello*. **The Pacific War (Rawson, Wade, 1982). Широкие общие обзоры.**

Stephen S. Large. **Emperor Hirohito and Showa Japan: A Political Biography (Routledge, 1993). Один из последних обзоров эпохи.**

W. J. Macpherson. **The Economic Development of Japan 1868-1941 (Macmillan, 1987). Сжатое описание и анализ модернизации экономики.** *III*

Послевоенное время

William Horsley, Roger Buckley. **Nippon, New Superpower: Japan Since 1945 (BBC, 1990). Хороший обзор, написанный в соавторстве бывшим корреспондентом Би-би-си в Токио и лектором Международного христианского университета.**

John Hersey. **Hiroshima (Penguin, 1986). Классическая работа; репортаж «из первых рук» с места событий.**

Theodore Cohen. **Remaking Japan: The American Occupation as New Deal (Free Press, 1987). Книга автора, который составил послевоенный кодекс индустриальных отношений.**

R. P. Dore. **Land Reform in Japan (Athlone Press, 1984). Анализ изменений в сельской местности.**

John Dower. **Empire and Aftermath: Yoshida Shigeru and the Japanese Experience 1878-1954 (Harvard University Press, 1979). Книга-биография; освящает критическую роль личностного фактора.**

Hirano Kyoko. **Mr Smith Goes to Tokyo: Japanese Cinema under the American Occupation 1945-1952 (Smithsonian Institution Press, 1993). Книга шире, чем можно предположить из ее названия.**

Toyoda Eiji. **Toyota — Fifty Years in Motion (Kodansha, 1987). История прославленного автомобильного производителя.**

Kamata Satoshi. **Japan in the Passing Lane (Unwin Paperbacks, 1984). Более пристальный взгляд на автомобильную отрасль.**

MoritaAkio. **Made in Japan (Weatherhill, 1987). Автобиография основателя компании «Сони».**

Shunsuke Tsurumi. A **Cultural History of Postwar Japan 1945— 80 (Kegan Paul International, 1987). Содержит анализ таких эфемерных феноменов как комиксы, поп-музыка, путеводители, водевили и пр.**

Karel van Wolferen. **The Enigma of Japanese Power (Macmillan, 1989). Книга голландского журналиста, провокационное (и доказываемое массой фактов и документов) утверждение об отсутствии единоличного главы государства.**

Brian Reading. **Japan: The Coming Collapse (Weidenfeld and Nicolson, 1992). Апокалиптическое видение ближайшего будущего от автора-экономиста.**

Tsuru Shigeto. **Japan's Capitalism: Creative Defeat and Beyond (Cambridge University Press, 1993). Исследование послевоенной экономики Японии.**

Регионы Японии

Условно, в географическом и историческом отношении, Япония делится на восемь регионов. С 1905 года это деление официально используется для разного рода описаний и сравнений.

Хоккайдо

Самый северный остров, на который приходится 22% площади национальных земель и только 5% населения. Хоккайдо образует отдельную префектуру; ее столица — Саппоро. Формально Хоккайдо стал частью Японии в 1868 году; он относительно мало населен и по-прежнему обильно покрыт лесами. Главные виды экономической деятельности: сельское хозяйство (особенно молочное животноводство); рыболовство; бумажная и древесная промышленность; производство пива и туризм (лыжный спорт; айну; горячие источники Но-борибецу; крупнейший в Японии национальный парк). Основные города: Саппоро, Хакодате, Кусиро.

Тохоку

Состоит из шести северных префектур главного острова: Хонсю-Аомори, Акита, Иватэ, Ямагата, Мияги и Фукусима. Исторически из-за холодного климата и снегов был бедным, отстающим регионом *(Митиноку* — «конец дороги») — до появления морозоустойчивых сортов риса около ста лет назад. В настоящее время здесь производится четверть всего японского риса и 70% яблок. Важными сферами также являются рыболовство, коневодство и различные ремесла. На регион приходится 18% национальных земель и около 9% населения. Основные города: Сендай, Акита, Мориока, Аомори, Хати-нохе, Фукусима, Ямагата.

Канто

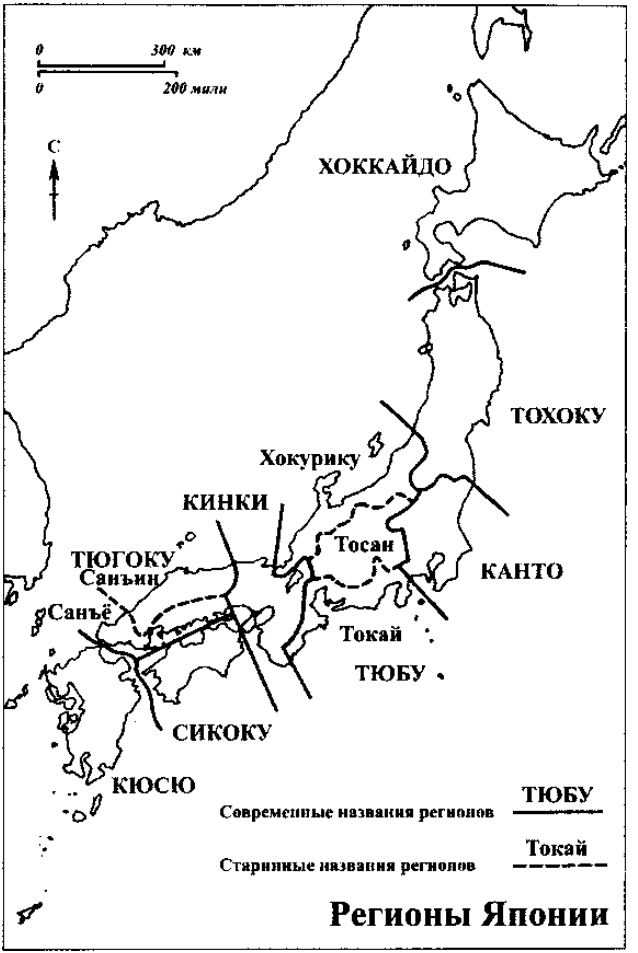
Регион включает в себя самую большую в Японии равнину и расположенные на северо-западе горы и состоит из префектур Ибараки, Тотиги, Гунма, Сайтама, Тиба, Канагава и Токио. Здесь на 9% национальной территории проживают около 30% населения страны. Представлены все крупные отрасли (исключая

текстильную промышленность), в том числе фермерство и рыболовство. Основные города: Токио, Йокогама, Кавасаки, Тиба, Хатиодзи, Итикава, Фунабаси, Урава, Омия.

Тюбу

Состоит из девяти префектур: Сидзуока, Яманаси, Нагано, Ниигата, Тояма, Исикава, Фукуи, Гифу и Аити. 17% жителей и 17% земель страны. Располагаясь вдоль сужения (своеобразной «талии») острова Хонсю, Тюбу условно разделяется на более южную, тихоокеанскую часть (Токай), центр на равнине Ноби, а также на более холодную северную часть у Японского моря (Хокурику), отделенную хребтом центральных гор высотой более 3000 метров. Главной продукцией считаются рис и пиломатериалы; Сидзуока специализируется на выращивании чая, мандаринов и разведении угрей; в Яманаси выращивают виноград. К крупным отраслям относятся: текстильная промышленность (Нагоя); нефтепереработка (Йоккаити); автомобильная промышленность (завод «Тойота» в одноименном городе); выпуск музыкальных инструментов (фабрика «Ямаха» в Хамамацу) и точное машиностроение (Сува). Основные города: Нагоя, Хамамацу, Сидзуока,

Гифу, Симизу, Йоккаити, Тойота, Ниигата.



Регионы Японии

Кинки

«Колыбель японской цивилизации», здесь находятся Киото, Осака, Кобэ и крупнейшее японское озеро Бива. Регион состоит из префектур Миэ, Сига, Киото, Нара, Осака, Хего и Вакаяма, объединяет 18% населения и менее 9% земель. Район Осака-Кобэ (Хансин) является вторым в Японии по величине индустриальным комплексом; важными отраслями также выступают рыболовство и фермерство (чай, апельсины). Основные города: Осака, Киото, Кобэ, Сакаи, Амагасаки, Химедзи.

Тюгоку

Гористый регион состоит из префектур Тоттори, Окаяма, Симанэ, Хиросима и Ямагути. 8% земель и 6% населения. Разделен массивным горным хребтом на северную (Санъин; песчаные дюны) и южную (Санъе) половины. Для региона важны рыболовство, фермерство (рис, персики и груши) и традиционные ремесла, хотя загрязнение Внутреннего моря химическими заводами сократило лов рыбы. Основные города: Хиросима, Симоносеки, Фукуяма, Окаяма, Курасики, Курэ.

Сикоку

Самый маленький из группы четырех главных островов; разделен на префектуры Эхимэ, Коти, Токусима и Кагава — каждая из них когда-то была феодальным доменом. 4% жителей и 5% национальной территории. Главные виды экономической деятельности: рыболовство, химическая промышленность, производство бумаги, выращивание овощей. Основные города: Коти, Токусима, Мацуяма, Такамацу.

Кюсю

По площади регион равен примерно половине острова Хоккайдо. На остров Кюсю приходится около 12% площади японских земель и 12% населения. Делится на префектуры Фукуока, Оита, Сага, Нагасаки, Кумамото, Миядзаки и Кагосима. Умеренный климат благоприятствовал развитию диверсифицированной экономики, среди видов деятельности — рыболовство, фермерство (сладкий картофель, табак, апельсины, пшеница, рис, молочное животноводство), ремесла и современная промышленность (угольная отрасль, сталелитейная отрасль, производство резины,

судостроение, полупроводники). Основные города: Кита-Кусю, Фукуока, Нагасаки, Оита, Сасебо, Куруме, Кагосима, Миядзаки.

Путеводитель по историческим местам

Айзу-Вакамацу

Город-замок клана Мацудайра, знаменитый традиционными пивоварнями и лакированными изделиями. Сильно пострадал во время Реставрации Мэйдзи, однако его узкие петляющие улочки и укрепленные хранилища до сих пор напоминают о прошлом. В городе находится Мемориальный музей Бьяк-котай («Отряд Белого Тигра»), посвященный истории гражданской войны. С историей города и реконструированными самурайскими домами можно ознакомиться в Букэ-Ясики. В 1965 году восстановлен разрушенный в 1874 году Журавлиный замок. Вблизи Китаката находится около 2000 традиционных домов, обнесенных защитными стенами из земли.

Аомори

Музей посвящен творчеству местного жителя, современного художника Мунаката Сико.

Атами

Атами буквально переводится как «Горячее море»; главный спа-курорт находится на месте бывшего вулкана, который после взрыва наполовину ушел в океан. Поблизости находятся мемориал и храм в память об Уильяме Адамсе и его заслугах в судостроении. Также на камне там можно прочесть высеченное прощальное стихотворение Эдмунда Бландена.

Беппу

Курорт, чьи «адские пруды» кипящей грязи и 3975 горячих источников привлекают около 13 000 000 посетителей в год. Более робкие люди предпочитают великолепные общественные бани Такэгавара периода Мэйдзи. Великого Будду Беппу (1927) называют «самой неприятной большой статуей в мире». Ради более симпатичных скульптурных видов стоит заглянуть в Усу на севере, где в храме Токодзи можно увидеть «Могилу 500 учеников Будды» (Гохяку Ракан, «пятьсот архатов») — каждая статуя имеет индивидуальный облик.

Дзеэцу

В городе находится парк Такада с 3000 вишневых деревьев — это одно из самых знаменитых мест для любования цветением сакуры. Также здесь можно увидеть крепостной ров бывшего замка клана Мацудайра. К северу находятся руины замка Касугаяма — крепости XVI века военачальника Уэсуги Кэнсина. Записи о деяниях Уэсуги и связанные с ним вещи можно увидеть в святилище Касугаяма и в расположенном недалеко храме Ринсэндзи.

Исэ

Самый важный синтоистский комплекс, расположенный в национальном парке. Расстояние между внешним (Геку) и внутренним (Найку) святилищами составляет шесть километров. В Найку хранится зеркало — одно из трех священных императорских сокровищ.

Ицукусима

Святилище, расположенное на священном острове Миядзи-ма. Официально называется

«особым историческим местом» и «местом особо красивых видов»; комплекс святилища словно бы «выныривает» из моря и как бы «тонет» во время высокого прилива. С1868 года запрещено «осквернять» остров рождениями и смертями, захоронения там запрещены и сегодня.

Йокогама

До 1850-х годов была деревней рыбаков, в настоящее время — второй по величине город в Японии. В 1869 году тут был открыт «Клуб» — второй современный отель Японии. Здесь находится много зданий периода Мэйдзи, оживленный чайнатаун (Тюкагай) и специализированные музеи кукол, шелка и иностранных общин.

В 1930-е годы на вечный прикол в гавани поставлено судно «Хикава-мару».

Сады Санкейен, созданные в период Мэйдзи торговцем шелком, хранят чайный домик и виллу, Которые когда-то принадлежали Токугава.

Область Яматэ-мати была любимым местом проживания выходцев с Запада; до наших дней сохранились некоторые дома, школы и церкви. На Интернациональном кладбище покоятся Эдмунд Морелл (ум. в 1871 году), инженер железной дороги Токио—Йокогама, и Чарльз Уиргмен (ум.

в 1891 году), художник и журналист, основатель сатирического журнала «Японский Панч».

Кагосима

Контакты японцев с Западом начались с прибытием на остров Танэгасима португальцев. В 1863 году эта столица клана Симадзу подверглась атаке британского военного флота. В 1877 году город был базой восстания Сацума. Во время Второй мировой войны здесь находилась база камикадзе. В святилище Нансю в парке Сирояма покоятся Сайго Такамори и 2023 его товарища по оружию; расположенный вблизи музей рассказывает о его бурной жизни. В святилище Тэрукуни, у подножия холма Сирояма увековечена память Нариакира Симацу (скончался в 1858 году), главы клана Сацума и одного из первых мастеров фотографии, национального японского увлечения. В музее Секо Сюсэйкан находится его портрет, самая ранняя японская фотография (1857 год); еще одна фотография изображает восемь самураев перед их отъездом в 1865 году на учебу в Лондон. В 1949 году была построена церковь Святого Франциска Ксаверия — в годовщину 400-летия его прибытия в Японию. Недалеко находится Тиран — деревня с домами периода Эдо; шесть домов

открыли свои сады для публики — по иронии, это последняя из штаб-квартир самураев, поэтому там также хранятся прощальные письма, которые они писали своим семьям.

Камакура

В старину — место расположения правительства сегуна; находится в часе езды на поезде от Токио. Частично обычный город, частично курорт, Камакура привлекает как туристов, так и жителей Токио. К наиболее знаменитым видам относятся Дайбуцу (вес 122 тонны; высота 11,4 метра) и святилище Цуругаока Хатимангу (заложено в 1191 году; современное здание 1828 года), где каждый сентябрь можно увидеть ябусамэ (стрельбу из лука с лошадей).

Храм Энгакудзи считается вторым из Пяти Великих храмов Дзэн. В нем находится Зал святых останков Будды, который датируется 1282 годом и является старейшим в Японии строением в китайском стиле. В храме Кэнтодзи, первом из этой пятерки храмов, можно увидеть второй в городе по древности колокол (1285 год) и превосходную сандаловую статую регента Ходзе, основателя храма (1253 год).

Храм Хасэ Каннон — старейший из храмов; в

нем находится изображение богини милосердия высотой 9,3 метра, это самая высокая японская статуя из дерева, которую, как считается, вырезали в 721 году.

Храм Токэйдзи (разводов), заложенный в 1285 году, был в феодальные времена традиционным прибежищем для избитых мужьями жен, три года проживания в нем означали развод. Его окружают сотни небольших статуй Дзидзо, божества-покровителя детей.

Канадзава

Мирный замок и город, чей парк Кэнрокуэн (1822 год) считается одним из трех самых красивых парков Японии. Известен также своим театром *Но*. В муниципальном музее искусств выставлены местные пятицветные изделия из глины (*кутани*). Построенное в 1875 году голландцами, святилище Ояма имеет необычную западную отделку, например цветные витражи.

Киесуми

На вершине этой горы стоит храм Сэйтодзи — на месте, где в 1233 году Нитирэн стал буддийским священником. Внизу, на побережье

префектуры Тиба, находится пляж Тай-но-Ура и храм Тандзедзи (1276), отмечающий место рождения Нити-рэна. Долгое время считалось, что его дух вселился в живущего здесь красного морского леща, которого считали священной рыбой; теперь эта порода охраняется как «особый природный памятник».

Кинамати

Хороший современный музей, посвященный достижениям самого знаменитого жителя города, художника-гравера Моро-нобу.

Киото

В этом древнем городе столько сокровищ и достопримечательностей, что их сложно перечислить. Среди самых значимых: Бедо-ин. Буддийский храм, построенный в 1053 году. Храм Тион-ин. Один из крупнейших в Японии, является штаб-квартирой секты Дзедзо (Чистой Земли), основан в 1234 году. Нынешнее строение датируется 1619-1641 годами. Внутри находится статуя основателя храма Хонэна, вырезанная им самим.

Храм Тисакуин. Сад Сэн-но-Рикю.

Храм Дайтокудзи. Храмовый комплекс в китай-

ском стиле плюс двадцать два связанных с ним монастыря; построены в XIV—XVII веках. Дзэнская архитектура и сады, считающиеся одними из лучших работ ландшафтного дизайнера Кобори Энею; особенное значение имеют Дайсэн-ин, украшенный живописными работами школы Кано и богатыми символикой садами, монастырь Дзюко-ин — место упокоения Сэн-но-Рикю, а также монастырь Дзуйхо-ин, основанный дзэнским воином по имени Охтомо Сорин, который впоследствии принял христианство и отправился в Европу в составе первой японской миссии.

Гинкакудзи (Серебряный павильон). Элегантное место уединения сегуна Асикага Есимаса, построенное в 1489 году. Несмотря на первоначальную задумку, его крыша на самом деле так и не была покрыта серебряными листами. Дизайн сада разработал Соами.

Гион. Развлекательный район. В театре Минамидза исполняются пьесы кабуки. Кроме того, предлагаются ускоренные курсы ознакомления с традиционными искусствами — демонстрация всего за час чайной церемонии, *икебаны, бунраку*, *ке-гэн* и танцев.

Хэйан Дзингу (святилище). Репродукция (1895) оригинала Хэйанского периода (794).

Храм Хигаси-Хонгандзи. Самая крупная деревянная постройка в городе (заложен в 1602 году; современное нам здание относится к 1895 году).

Императорский дворец. Относится к 1855 году, здесь проходит церемония возведения монарха на престол. Для посещения открывается дважды в день (в 10 утра и в 14 часов; при себе необходимо иметь паспорт), иностранцев обычно пропускают перед японцами.

Храм Дзякко-ин. Место погребения императрицы-матери императора Антоку, принявшей здесь монашеский обет (1185) после низложения ее сына.

Императорская вилла Кацура. Шедевр элегантности, считается одним из величайших примеров традиционной японской архитектуры. Внутренние панели отделывали мастера школы Кано. Виллу и сад делал Кобори Энею по воле Хидэ-еси; мастер настоял, чтобы в его работу никто не вмешивался и чтобы ему не ставили временных и бюджетных ограничений. Хидэеси умер, так и не увидев это творение.

Кинкакудзи (Золотой павильон). Одно из самых фотографируемых мест в Киото, построен в 1394 году, перестроен в 1955 году.

Святилище Китано Тэммангу. Заложено в 947

году в честь ученого Митидзанэ Сугавара.

Храм Киомицу (Храм у воды). Удивительная работа из дерева, расположенная у горы, откуда открывается панорамный вид города. Основан в 798 году, современное нам здание датируется 1633 годом. У крутого подъема к храму располагаются сувенирные магазины, отчего в XIX веке туристы говорили о «переулке Заварного Чайника».

Храм Корюдзи. Основан в 622 году принцем Сетоку; зал (1165) — вторая по древности постройка в Киото. Современный музей Рэйхокан располагает выдающейся коллекцией средневековых скульптур.

Национальный музей Киото. Превосходные коллекции скульптур и живописи, например пейзажей работы Сэссю.

Гора Хиэй. Место у храма Энрякудзи, основанного в 788 году; там же можно увидеть густой кедровый лес. Современные нам здания датируются с XVII века.

Музей традиционной промышленности. Представляет знаменитую продукцию города, предметы роскоши — текстиль, фарфор, лакированные изделия, веера и др.

Храм Нандзендзи. Первоначально императорский дворец, в 1293 году стал штаб-квартирой

секты Риндзай. Там находится «Сад Прыгающего Тигра» работы Кобори Энею, а в Се-ходзи можно увидеть картины Кано Таню. Прекрасный вид на гору Хиэй открывается с 30-метровых ворот Саммон.

Замок Нидзе. Построен для сегунов Току гава после 1603 года. К характерным особенностям относятся причудливые китайские ворота и пищащий «соловьиный пол», предупреждавший о появлении незваных гостей.

Ниси-Хонгандзи. Один из прекрасных примеров буддийской архитектуры в Киото, заложенный в 1272 году и перенесенный на нынешнее место в 1591 году. Главный центр секты Дзедзо (секты Чистой Земли). Здесь можно увидеть множество роскошных стенных украшений, а также ознакомиться с живописными работами школы Кано из замка Хидэеси — Фу сими (демонтирован в 1632 году).

Центр текстиля Нисидзин. Демонстрирует традиционное ремесло шелкопрядения, на котором, в том числе, специализируется модная отрасль города.

Реандзи. Дзэнский храм, знаменит своим обнесенным стенами садом из песка и пятнадцати камней работы Соами (1473).

Храм Сайхо-дзи. Знаменит садом мхов.

Сандзюсангэндо (Зал тридцати трех пространств). Основан в 1164 году, перестроен в 1266 году. В храме находится 1001 позолоченная деревянная статуя Каннон, богини милосердия; главный образ вырезан мастером Танкэем в возрасте 82 лет. Здесь также ежегодно проводятся традиционные состязания в стрельбе из лука с лошадей.

Храм Сандзенин. Известен как место любования опадающими в ноябре кленовыми листьями.

Святилище Симогамо. Знаменито праздником роз, отмечать который стали еще до основания самого города.

Сад Синсэн-эн (Парк Божественных статуй). Один из старейших в городе, когда-то окружал дворец Хэйан.

Храм Сисэндо. Знаменит крошечным, но чрезвычайно изящным садом.

Сококудзи. Основан в 1392 году, один из Пяти Великих храмов.

Храм Серэндзи. Традиционная резиденция монахов секты Тэндай, основан в 1194 году. Современные нам здания построены после 1895 года. Сад, придуманный Соами и Энею Кобори, считается одним из самых красивых в Киото.

Императорская вилла Сюгакуин. Относится к XVII веку; место пребывания удалявшегося от власти экс-императора, расположенное в самом большом саду Киото.

Храм Тэнрюдзи. Один из Пяти Великих дзэнских храмов Киото. Здесь находятся средневековый сад и постройки XIX века.

Тоэй Узумаса Эйгамура. Место, где крупнейшая киностудия Японии снимает фильмы о феодальных временах. Дома и улицы этого района неоднократно встречаются в кадрах японских фильмов.

Храм Тофукудзи. Дзэнская архитектура и ряд знаменитых садов.

Храм Тодзи. Основан в 796 году, его пятиярусная пагода (перестроена в 1644 году) является самой высокой в Японии (184 фута).

Святилище Ясака. Построено в 1666 году, особенность — одна из самых высоких входных арок *{тории)* в Японии.

Центр шелков Юдзэн. Экспозиция, связанная с окрашенными шелками.

Кобэ

Этот порт на холме развился в период Мэйдзи и в настоящее время является крупнейшим в мире

обработчиком контейнерных грузов, а также здесь строится самый большой в мире искусственный остров. В 1995 году пострадал от сильного землетрясения. В округе Китаното располагается много бывших иностранных резиденций. Сохраняющееся иностранное влияние можно увидеть и в том факте, что Кобэ славится отличной говядиной, первыми в Японии курсами по гольфу, многочисленной индийской диаспорой и чайна-тауном. В музее города можно увидеть коллекцию *намбан.* Более известны святилище Минатогава, посвященное Кусуноки Масасигэ, и храм Кантэйбе, почитаемый выходцами из Китая. Кобэ — родина японской кондитерской отрасли; кроме того, в середине августа здесь проводится национальный турнир по бейсболу среди университетов — возможно, самое эмоциональное событие в спортивном календаре страны.

В Нада, к востоку, находятся старинные производства сакэ и музей истории вино-водочной промышленности. Поблизости расположен и старейший японский курорт горячих источников, Арима.

Прибрежный курорт Такарадзука — известное место всех модников, здесь в 1914 году был основан журнал для женщин и детей из благородных

семейств. Вдоль побережья, у Химэдзи, находится замок (1581-1624, Хакуро Дзе — Белая Цапля), который считают одним из самых красивых в Японии. Химэдзи был бережно восстановлен с использованием оригинальных материалов. Изобретательность его фортификационных лабиринтов высоко оценивается военными, и здесь были сняты многие сцены фильма Клавелла «Сегун». Возможно, вдохновленный названием замка, город подражает американскому Фениксу, штат Аризона.

Коя

В 816 году на этой горе Кукай основал монастырь Сингон, в настоящее время состоит из 120 храмов, свыше пятидесяти из которых ежегодно предлагают кров и пищу (вегетарианскую) миллиону посетителей.

Кумамото

Замок (восстановлен в 1960 году) находился в центре жестокой осады в ходе восстания Сацума в 1877 году, теперь здесь находится прекрасный военный музей. Относящийся к XVII веку парк Сюдзендзи в миниатюре воспроизводит все пей-

зажи дороги к Токайдо, включая гору Фудзияма.

Курасики

Практически единственный город у Внутреннего моря, уцелевший во время бомбежек. В старом квартале, где жили торговцы, до сих пор дома покрыты соломенными крышами, стоят зернохранилища из черного камня и проложены извилистые каналы. Также здесь есть музей народных ремесел и музей работ Хамада Седзи.

Масико

Город гончаров, родина мастера XII века Хамада Седзи. **Мацуэ**

Здесь можно увидеть замок и мемориальный музей Лафка-дио Херна. Находящееся вблизи святилище Идзумо — одно из старейших в Японии, оно посвящено богу браков. В течение года тут проходит более семидесяти праздников.

Мацумото

Главная башня Мацумото, построенная между 1592 и 1614 годами кланом Исикава, считается старейшим в Японии из уцелевших образцов та-

кого рода. Фольклорный музей сразу за стенами замка хранит коллекции кукол и часов. Среди уникальных исторических объектов Мацумото -- старейшее в стране деревянное здание суда (в настоящее время — музей полиции) и два школьных здания периода Мэйдзи. Кроме того, здесь есть музеи доисторической археологии, *мингэй* и *укие-э.*

В Гофукудзи, храме секты Сингон, откуда открывается красивый вид на гору Хатибусэ, хранятся восемь хорошо сохранившихся древних статуй.

Гэнкодзи. Храм секты Дзедзо, вокруг которого растут пионы. Святилище Цукама Дзиндзя имеет постройки, датируемые началом периода Эдо.

Мацусима

Живописный залив и 250 мелких островков на протяжении столетий считаются одним из трех самых красивых мест в Японии. Храм Дзуйгандзи датируется примерно 828 годом, хотя современные нам постройки относятся к периоду после 1609 года.

Мацуяма

Крупнейший город Сикоку, с хорошо сохранив-

шимся замком.

Миядзаки

Здесь в саду находится коллекция *ханива.*

Нагасаки

К памятнику двадцати шести христианским мученикам приходят много паломников. В 1615 году в находящихся неподалеку горячих источниках Ундзен христиан варили заживо. Построенная в готическом стиле католическая церковь Оура является старейшей в Японии церковью из дерева.

Остров Дэдзима, где когда-то проживали голландские торговцы, в настоящее время является частью материка. В местном музее хранятся предметы тех времен, а на Голландском склоне находится несколько домов голландцев более позднего периода.

Храм Кофукудзи. Построен в 1620 году в стиле Мин для местных китайских торговцев. В 1634 году настоятель построил каменный мост с двумя арками Меганэбаси — это старейшее японское сооружение подобного рода.

Софукудзи. Еще один пример архитектуры династии Мин (1629).

Особняк перчаточника — резиденция британского торговца оружием, чья связь с местной японской девушкой, возможно, вдохновила Джакомо Пуччини на создание оперы «Мадам Баттерфляй».

Скромный Парк Мира отмечает эпицентр атомной бомбардировки 9 августа 1945 года. (Считается, что на самом деле удар был нацелен на верфи «Мицубиси» — самый крупный частный судостроительный завод в мире.) Арка старой католической церкви Ураками — единственное, что уцелело после взрыва; она послужила элементом для позднее возведенного мемориального ансамбля.

Нагоя

Четвертый по величине город Японии, выросший вокруг замка, который был разрушен во время войны (ныне на этом месте стоит копия).

Музей искусства Токугава хранит около 10 000 объектов искусства, связанных с самой прославленной династией сегунов.

Святилище Ацута, заново отстроенное в 1935 году, в син- ' тоистской иерархии идет сразу после святилища Исэ. В нем находится одна из трех легендарных регалий императора, меч «Косящий

Траву».

Недалеко находится замок Инуяма, знаменитый старейшей в Японии крепостью.

Мэйдзи Мура — музей под открытым небом, включает пятьдесят зданий в западном стиле, построенных во времена Мэйдзи (в том числе холл знаменитого отеля «Империал»).

Нара

К достопримечательностям города относятся комплекс Хо-рюдзи, состоящий из пятидесяти пяти храмовых строений (в их числе — пятиярусная пагода 607 года), и несколько более молодой Дайбуцу. В Национальном музее Нары можно увидеть обширную коллекцию предметов буддийского искусства разных периодов.

Храм Тюгудзи. Хранит фрагмент самой древней в истории вышивки.

Великое святилище Касуга, основанное в 768 году, является одним из Трех Великих синтоистских святилищ Японии. Его покрытые лаком строения (перестраивались 57 раз) украшает тысяча металлических фонарей, а в садах вокруг стоят еще 1800 фонарей из камня.

Храм Кофукудзи. Основан в 710 году; когда-то здесь находилось 175 строений, уцелело всего

лишь шесть, и четыре считаются национальным достоянием.

Храм Тодайдзи. С момента основания в VIII веке является одним из самых важных японских храмовых комплексов. Здесь находится Дайбуцу-дэн (последняя перестройка в 1692 году) в самом большом деревянном сооружении в мире (последняя реставрация в 1913 году); а также хранилище Сосоин. Знаменитые ворота Нандаймон (Великие южные врата) охраняют фигуры божеств, вырезанные Ункэем и Танкэем.

Храм Тоседайдзи. Заложен в 759 году слепым китайским священником по имени Гандзин.

Храм Якусидзи. Основан в 680 году; изящная пагода относится к 730 году.

Нарита

К северо-западу от нового международного токийского аэропорта можно увидеть музей Фудоки-но-Ока, сберегающий свыше сотни 1300-летних *кофун* (погребальных холмов), а также древние крестьянские дома и другие строения. Рядом есть музей Босо-но-Мура, воссоздающий стиль жизни двухсотлетней давности.

В городе замка Сакура, к западу от Нариты, находится первая в Японии частная клиника,

построенная в 1843 году. Кроме того, здесь расположен превосходный музей японской истории, где хранится 70 000 экспонатов, сгруппированных по тринадцати историческим и шести фольклорным темам.

В Сибаяма, на юге Нариты, находится музей *ханива* и храм Сибаяма Ниосон. Недалеко также расположен музей аэронавтики.

Наха

Столица Окинавы. Здесь находятся святилище Наминоуэ, посвященное божественным предкам императорского семейства, а также храм Согэндзи — мавзолей местной династии. Кроме того, тут расположен парк, увековечивающий память 200 000 жертв 1945 года, в том числе нескольких сотен школьников, совершивших массовое самоубийство. Наха — место действия фильма с Марлоном Брандо «Чайный домик августовской луны», высмеивавшего наивность американских оккупантов.

Никко

Обильно украшенное святилище Тосегу (1634-1636) совмещает в себе синтоистские и буддий-

ские элементы и служит мавзолеем Токугавы Иэясу. Дорога к святилищу проходит через аллею из 13 000 кедров, посаженных более трех веков назад (когда-то здесь росло 40 000 деревьев). Над этим сооружением трудились 15 000 лучших ремесленников страны, на него ушло 2 489 000 листов золота. Поражают воображение фантастические резные ворота Емэймон.

Находящееся рядом святилище Футарасан датируется 1617 годом. Недалеко находится мавзолей Дайюинбе, место упокоения сегуна Иэмицу.

Нокогирияма

В храме Нихондзи на этой горе находится самый большой Будда в Японии — высотой в тридцать один метр; фигуры 1533 его учеников располагаются по кругу на склонах горы.

Окаяма

Сад Коракуэн относится к XVIII веку и считается одним из трех самых знаменитых японских садов.

Осака

Коммерческий центр страны и колыбель таких бизнес-империй, как «Марубени», «Санва», «Дайва» и «Сумитомо», атак-же двух из трех главных газет, «Асахи симбун» и «Майнити симбун». Кроме того, это центр японской фармацевтики и ведущий центр биотехнологий. Почти половина японского экспорта проходит через Осаку.

Город пересекают каналы; одним из доминирующих видов является копия (1931 год) великого замка Хидэеси, построенного в 1586 году. Внутри замка находится музей истории этого семейства.

В парке Наканосима стоит святилище Тэмманту, предположительно сооруженное в 949 году и посвященное Митид-занэ Сугаваре.

Затерянное в квартале развлечений Сонэдзаки святилище Охацу Тэндзин — место действия знаменитой драмы Ти-камацу о двойном самоубийстве.

Развлекательный район Дотомбори сосредоточен у проложенного в 1615 году канала; здесь по-прежнему можно увидеть искусство *бунраку*, которое зародилось в театре Асахидза.

В Наканосиме, административном центре города, находятся библиотека, банк и админи-

стративное здание, относящиеся ко временам Мэйдзи и Тайсе.

В Сакураномия находится основанный в 1871 году монетный двор, рядом в музее рассказывается история чеканки монеты в Японии.

Храм Ситэннодзи, основанный в 593 году, считается старейшим в Японии, хотя его строения перестраивались множество раз. Двадцать второго апреля, в годовщину смерти Се-току Тайси, здесь в его честь исполняют старинные придворные танцы (*бугаку*).

Святилище Сумиеси Тайсе претендует на звание еще более древнего сооружения — начало III века, правление императрицы Дзингу; однако его нынешние сооружения датируются 1808-1810 годами. Считается национальным достоянием.

Тридцать тысяч фабрик Осаки дают примерно четверть японского производственного выпуска; многие посетители города предпринимают т. н. «индустриальный тур».

Садо

Крупнейший оффшорный остров Японии (857 квадратных километров), когда-то главный центр золотодобычи. Историю этой отрасли воссоздают музеи острова.

В Оги хранится единственное из уцелевших традиционных судов «Сайвай-мару».

Храм Месэндзи посвящен Нитирэну, а в основанном Кукаем в 807 году Текокудзи можно увидеть три изображения богини Каннон с одиннадцатью лицами, считающиеся национальным достоянием.

Саппоро

Башня Часов (1878) — музей, рассказывающий о заселении и развитии Хоккайдо). Тем же дням посвящена экспозиция Исторического музея. Музей Батчелора в Ботанических садах посвящен жизни этого исследователя и друга айну.

На Хоккайдо посетителей удивляют сараи в духе Среднего Запада, построенные под влиянием американских сельскохозяйственных советников. Немцы основали здесь местную пивоваренную отрасль, и местные жители с гордостью сообщают, что Саппоро находится на той же широте, что Мюнхен и Милуоки. Уроженец Саппоро, женившийся на шотландке, основал завод виски *Nikka* (японский второй бренд), поскольку полагал, что именно Хоккайдо из всей Японии более всего сходен с Шотландией.

Первобытный лес Маруяма охраняется как

национальное достояние.

Сидзуока

Святилище Кунодзан Тосегу построено в 1617 году сегуном Хидэтада; отсюда открывается прекрасный вид на залив Су-руга. Считается важным объектом культурного наследия.

Вблизи Торо находится 2000-летняя деревня, которую обнаружили только в 1943 году и где до сих пор ведут раскопки.

Симбара

Замок, связанный с трагическим восстанием христиан в 1638 году.

Симода

В храме Ресэндзи коммодор Перри подписал первый договор с японцами. Таунсенд Харрис, первый постоянный американский представитель в Японии, жил в храме Гекусэндзи, где теперь хранятся связанные с его жизнью предметы; также там находятся могилы некоторых моряков из команды Перри.

Сираой

Бывшая деревня айну, ныне — живой музей, посвященный образу жизни, ритуалам и ремеслам этой народности.

Сюдзендзи

Храм IX века, ассоциируемый с кланом Минамото.

Сэндай

Крупнейший город в Тохоку (северный Хонсю), был цитаделью клана Дата, чье могущество подтверждают остатки замка Аобадзе (1602) и недавно реконструированный Дзуихо-дэн, мавзолей XVI века. Покрытое черным лаком святилище Осаки Хатиман считается национальным достоянием.

Такада

Курорт и одно из самых снежных мест префектуры Ниигата. Место рождения японского лыжного спорта, с которым страну познакомили в 1911 году.

Такамацу

Порт острова Сикоку, где находится красивый парк Рицурин, заложенный 350 лет назад на месте виллы клана Мацудайра. Неподалеку находится Ясима — место знаменитого противостояния во время войн Хэйкэ.

Такаяма

Отдаленный старинный город-замок, знаменитый своими плотниками, а также известный как «маленький Киото» — его широкое открытое двухмильное пространство (Хигасияма Тэрамати) занимают пять святилищ и тринадцать храмов. Кроме того, тут есть два сохранившихся торговых дома периода Эдо, которые открыты для посещения. Здесь также находится уникальный Такаяма Дзиния (исторический дом правительства), миниатюрный дворец наместников клана Кана-мори; впервые он был построен в 1615 году, а в 1816 году — реконструирован.

Фолькорная деревня Хида Миндзоку-Мура. Тридцать образцов традиционных фермерских домов и строений.

Храм Хида Кокубундзи. Основан в 746 году им-

ператором Сему, однако старейшая из дошедших до наших дней постройка датируется XVI веком; рядом с трехъярусной пагодой (1821) растет дерево гинко, которому, как говорят, 1200 лет.

Храм Серэндзи, смотрящий на город, был перенесен на нынешнее место в 1960 году. Его Главный зал (1504), как считается, сделан из древесины одного кедра.

Кроме того, здесь также есть специализированные музеи, посвященные лаковым изделиям *инрОу* традиционным игрушкам и местному «львиному танцу».

Тиба

Здесь находятся реконструированный замок и музей, воссоздающий городскую жизнь. Рядом — Касори, где можно увидеть самую большую в мире гору из ракушек, и музей, посвященный загадкам известных доисторических поселений.

Тоба

Порт, знаменитый «Парой супружеских скал» — островками, связанными священным канатом. Жемчужный остров Ми-кимото св^йан с карьерой Микимото Кокити (1858-1954), который в

1892 году придумал технологию выращивания искусственного жемчуга.

Токио

Маруноути: центральный бизнес-район к западу от станции метро, которая также представляет исторический интерес своей относящейся к периоду Мэйдзи структурой из красного кирпича и как одно из немногих мест, уцелевших и после землетрясения 1923 года, и после бомбежек 1945 года. Рядом Промышленный банк Японии (1974, Того Мурано), который элегантно контрастирует с окружающими его офисными зданиями.

Хибия: токийский «Бродвей», здесь много театров и большой парк.

Юракуто, Роппонги, Акасака — районы развлечений.

Гинза: место эксклюзивного шоппинга и театра Кабуки-дза, а также окруженного рвом императорского дворца (реконструирован в 1968 году). На юге находится Центральный рынок Цукидзи (рыба, мясо, овощи).

Касумигасэки: правительственный район, где находятся различные министерства и здание парламента.

Уэно: концентрируется вокруг самого большого

городского парка (спланированного Ле Корбюзье). Здесь множество музеев, в том числе Музей западного искусства (также работа Ле Корбюзье). Другой музей, Ситамати, воссоздает типичный уличный вид этой области до землетрясения 1923 года. Также здесь находится массивная статуя Сайго Такамори.

Асакуса: лабиринт мелких улочек, ведущих к храму Аса-куса-Каннон (Сэнсодзи).

Синдзюку: самый большой вокзал Японии (3 600 000 пассажиров в день); дюжина небоскребов до шестидесяти этажей высотой (захватывающий вид открывается со специальной площадки на пятьдесят первом этаже здания, где находится штаб-квартира корпорации «Сумитомо»); огромный подземный торговый центр.

Сибуя, Харадзюки, Аояма: модный шоппинг, святилище Мэйдзи (реконструировано в 1958 году), штаб-квартира телекомпании NHK («японское Би-би-си»), музей народных ремесел с работами Соецу Янаги.

К значимым паркам и садам столицы относятся: Хама-Рикю и Синдзюку Гюэн (оба принадлежат императорской семье); Восточный сад императорского дворца (разбит более 300 лет назад вокруг оригинальной башни замка Эдо);

сад Киесуми, созданный в 1878 году основателем бизнес-империи «Мицубиси»; Коисикава Коракуэн, заложенный в XVII веке сегунами Токугава; Рикугиэн — сад XVIII века; парк Йойо-ги, где расположен великолепный Олимпийский стадион (1964, Кэндзо Тангэ).

Токийский Национальный музей обладает лучшей в мире коллекцией японского искусства. Неподалеку стоит галерея сокровищ из Хорюдзи. Здесь находятся специализированные музеи, посвященные мечам, бумаге, соли и табаку; а в бывшем доме Соецу Янаги хранится коллекция предметов народного искусства.

К другим важным историческим местам относятся:

Храм Сэнгакудзи — посвящен памяти сорока семи ронинов.

Святилище Ясукуни («Мирная страна») датируется 1869 годом, но представляет собой классический пример синтоистской архитектуры. Увековечивает память жертв войны, а кроме того, известно парком сакур.

Храм Дзодедзи: покрытые красным лаком ворота относятся к 1605 году; черный Будда внутри храма когда-то принадлежал Токугаве Иэясу.

В Токийском Диснейленде (1983) можно уви-

деть аудиовизуальное шоу, повествующее о становившихся все более дружелюбными контактах японцев с иностранцами.

Фудзияма (Фудзи)

Гора возвышается на 3776 метров (12 388 футов). Священный вулкан, последний раз извергавшийся в 1707 году. Открыта для восхождения с первого июля по тридцать первое августа; ежегодно подъем совершают 400 000 человек. Традиция предписывает надевать для этого одежды паломников (все белое) и соломенные сандалии поверх обычной обуви. До 1868 года на гору не допускались женщины. Большинство восходящих на Фудзи добираются от Токио на автобусе к пятой из десяти станций, которые расположены по маршруту с северной стороны; подъем занимает 5-9 часов, спуск — 3-5 часов.

Фукуока

В наши дни — огромный (площадью 99 квадратных миль) индустриальный город, который поглотил (1889) древний порт Хаката, знаменитый своими глиняными куклами, где, в парке Хигаси, находится монумент в память о попыт-

кахмонголь-ских вторжений. Известные местные святилища — Хакодза-ки Хатиман (923); Сумиеси (посвящено богу-покровителю моряков); Темманген (основано в 950 году, старейшие строения с 1590 года) в Дазайфу, в девяти милях к югу, в древней столице Кюсю. Также здесь находятся храмы Софуку (1195, считается старейшим храмом дзэн в Японии); Кинрю и Кан-дзеон. Фрагменты замка Фукуока (1601) можно увидеть в парке Охори-Коэн. Фукуока — возможная столица королевства Ямата.

Хакодате

Город приобрел свое название («Дом-коробочка», «коробчатый замок») от укрепленного замка клана Конно, датируемого XV веком. В 1855 году использовался как место хранения угля с иностранных кораблей, а в 1859 году стал одним из пяти первых портов, открытых для торговли с иностранцами. Главная историческая достопримечательность этих «ворот» в Хоккайдо — крепость, напоминающая по форме звезду и называющаяся Горекаку (1864), первое в Японии фортификационное сооружение в западном стиле.

Хаконэ

Знаменитый курорт горячих источников, расположенный в Национальном парке. Старый контрольно-пропускной пункт Хаконэ (учрежден в 1619 году, его копия построена в 1965 году) некогда служил сегунам периода Эдо. Местное святилище, основанное в 757 году, считается важным объектом культурного наследия; а аллея из 420 кипарисов, посаженных в 1618 году, охраняется как национальное достояние. Эта деревья были посажены для создания тени над знаменитым историческим маршрутом в Токкайдо, уцелевшие части которого тоже можно увидеть здесь (проложен в 1619 году, вымощен камнем в 1862 году). Красивый вид на озеро Аси открывается из дворца Хаконэ, построенного в 1887 году как императорская вилла; с 1946 года его сады открыты для посещения. В 1521 году был построен семейный храм клана Ходзе Соундзи; находящаяся на раздвижных дверях главного святилища картина «Дракон и тигр» относится к числу объектов культурного наследия. В семейном мавзолее покоится прах пяти поколений Ходзе.

Хамамацу

Главная башня, построенная при Иэясу, была воссоздана в 1958 году. В горах на севере находится храм Ретандзи, знаменитый своим садом периода Эдо.

Хираидзуми

Смоделированный по образцу Киото, этот город ассоциируется с кланом Фудзивара. В построенном в 1109 году храме Тюсондзи находится знаменитый мавзолей, покрытый чистым золотом, Кондзикидо, где лежат тела трех мумифицированных представителей клана. Находящийся неподалеку от руин храма Моцудзи (заложен в 850 году) сад является прекрасным примером садов в «райском стиле» периода Хэйан.

Хиросима

Хиросима («Широкий остров») — родина компании «Мазда», третьего по величине японского производителя автомобилей, а также пива «Кирин», одного из четырех национальных брендов. Мемориальный Музей Мира в деталях воссоздает

события 6 августа 1945 года. В настоящее время город в два раза больше, чем был в те дни. Здесь также находятся реконструированный замок (1593 и 1958 годы соответственно) и сад Сюккейен, связанные с именем мастера чайной церемонии Уэда Мунэцусю.

Этиго-Юзава

Курорт, горячему источнику (*онсэн*) которого уже более восьмисот лет. Также описывается в самой знаменитой книге лауреата Нобелевской премии в области литературы Кавабата Ясунари (1899-1972), романе «Снежная страна».

Ямагути

В XV веке Сэссю разбил здесь сад. В 1952 году тут же построили в честь знаменитого миссионера собор Святого Франциска.

Словарь

Бакуфу — «полевая ставка», администрация сегуна.

Бебо — раздвижные экраны.

Бонсай — «дерево на подносе», искусство выращивания миниатюрных деревьев.

Бунраку — драма, исполняемая марионетками.

Буракумин — «деревенский народ», традиционные парии, группы «нечистых».

Буси — воин.

Бусидо — моральный кодекс воинов.

Гадаку — «элегантная музыка», церемониальная музыка императорского двора.

Гайдзин — «человек извне», иностранец.

Гейша — «человек искусства», традиционно приглашавшаяся для развлечений женщина.

Го-кэннин — титул младшего самурая-бюрократа.

Гэнро — неофициальные пожилые советники.

Дайме — «великое имя», феодал, правитель провинции. *Дзорури* — традиционное пение историй.

Дзайбацу — финансово-промышленные кон-

гломераты довоенного периода.

Дзадзэн — глубокая медитация.

Икебана — традиционное искусство аранжировки цветов. *Инро* — «корзинка», небольшая, часто затейливо украшенная коробочка, которую носили с собой вместо карманов.

Йога — картины в западном стиле.

Кабуки — популярная драма периода Эдо.

Какиэмон — один из видов фарфора, отличается особой белизной.

Какэмоно — вертикальные свитки.

Ками — синтоистские божества.

Камикадзе — «божественный ветер», тайфуны, разрушившие флот монгольских захватчиков; пилоты-самоубийцы во время Второй мировой войны.

Кана — фонетическая азбука.

Кандзи — китайские буквы.

Кегэн — «безумные слова», комическая интерлюдия в драме *Но. Кен-до* — «путь меча», вид боевых искусств.

Коан — не решаемая логическим путем загадка, используемая в практике дзэн.

Кодоха — «Императорский путь», название военной фракции. *Кои* — вид декоративных карпов, золотые рыбки.

Коку — мера риса, достаточная для пропитания одного взрослого человека в течение года.

Кокугаку — «изучение национальной истории», ориентированное на штудирование древних мифов и поэзии. *Кокусайка* — интернационализация.

Кокутай — национальная «сущность» или «структура», постулируемая как основа социальной солидарности в период милитаризма.

Кофун — погребальные холмы IV-VII веков.

Кугай — загрязнение окружающей среды.

Кугэ — придворная знать.

Мингэй — фольклорные ремесла.

Муги Та — ячменный чай.

Нагината — «южный варвар», слово, часто использовавшееся в XVI веке для обозначения жителей Запада; картинки, изображающие жителей Запада.

Нирвана — состояние не-бытия в буддизме.

Нихонга — картины в традиционном японском стиле.

Нихондзирон — литература на тему японской идентичности. *Но* — исполняемая актерами в масках драма.

Нэмбуцу — молитва-обращение к Будде.

Нэцке — резные пуговицы.

Оби — широкий пояс, надеваемый к кимоно.

Ойран — куртизанки.

Рангаку — «изучение Голландии», изучение западных наук. *Риокан* — традиционная гостиница.

Ронж — самурай без хозяина.

Рэша — стихотворная форма, популярная в период Муромати. *Сакоку* — политика «закрытой страны».

Самурай — «тот, кто служит», феодальный воин.

Санкин котай — требовавшееся от *дайме* «альтернативное проживание» при дворе сегуна.

Сатори — просветление в дзэн-буддизме.

Сегун — «великий полководец», военный диктатор.

Сенрю — юмористические короткие стихотворения.

Сиюсен — регент.

Синдзинруи — «новая раса людей», молодежь, следующая последним мировым тенденциям.

Соробан — традиционные японские счеты.

Сутра — буддийский текст.

Сэппуку — ритуальное самоубийство.

Сюнто — «весеннее наступление» в промышленности, традиционное выражение рабочими

недовольства промышленными отношениями.

Танка — стихотворная форма, состоящая из 31 слога.

Таною — «горячая вода для чая», чайная церемония.

Татами — соломенные маты, используемые для покрытия пола.

Тенин — городской житель.

Тодзама — «внешние» *даймe*, удаленные от власти в период Эдо.

Тэнно — «божественный правитель», император.

Укие-э — картины «плывущего мира».

Фудай — «внутренние» правители, преданные сторонники режима Току гава.

Фумие — христианские изображения, которые надо было ритуально осквернить для доказательства непричастности к христианской вере.

Фурусато — родная деревня.

Фусума — раздвижные двери-перегородки.

Хайку — традиционная стихотворная форма из 17 слогов. *Хамон* — узор на острие меча, служивший подписью изготовившего его мастера.

Хан — феодальный домен периода Эдо.

Ханива — «глиняные колечки», изображения, крепившиеся на стенах гробниц в IV-VII веках.

Харакири — «вспарывание живота», вульгарное название сэп-пуку.

Хатамото — самурай из среднего класса.

Хинин — «не-человек», не включаемые в структуру общества люди, парии периода Эдо.

Эмакимоно — горизонтальные свитки.

Эта — невежливое традиционное обозначение *буракумин. Югэн* — термин, употребляемый для описания красоты, загадочности и глубины драмы *Но.*

Ямабуси — мастера школы Сингон, почитавшиеся как святые. *Ятои* — иностранные работники.